

Озмитель Е.Е.

**Православие
в Киргизии
XIX-XX вв.**

Исторический очерк

ББК 86.3
О-47

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом Кыргызско-Российского
Славянского университета*

Рецензенты:

проф. А.А. Брудный, член. кор. НАН КР, доктор философских наук
проф. Н.А. Харченко, канд. истор. наук.

Озмитель Е.Е.

О-47 Православие в Киргизии. XIX-XX вв.: Ист. очерк. – Б.: КPCY, 2003.
– 184 с.

ISBN 9967-05-033-0

Книга освещает малоизученные страницы истории Православия на территории Киргизии: создание приходов, строительство и разрушение храмов, историю Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря, репрессии против духовенства. Автор, привлекая обширный архивный материал, исследует отношения государства с Православной Церковью, с конкретными священниками и архиереями, анализируя и обобщая опыт церковной жизни при разных режимах.

В приложении – редкие архивные документы.

Книга адресована всем, интересующимся историей Киргизии и историей Православной Церкви.

О 0403000000-03
ISBN 9967-05-033-0

ББК 86.3
© КPCY, 2003

Религия – это сердце бессердечного мира*, имеет свою историю, неразрывную с историей общества. Но нередко история религии остается в тени, а на передний план выходят идеи и события, связанные с изменениями государственно-политического, экономического, военного характера. Это несправедливо: религии неразрывны с общением верующих, специфической организацией жизни священнослужителей, их иерархией, распространением религиозных убеждений, с извечным конфликтом канона и дерзания, свободомыслия. Иными словами, у церкви есть история, и ее следует изучать с большим вниманием, ибо она многое говорит и о духовной и политической жизни общества.

Сказанное целиком относится и к предмету содержательного исследования Е. Озмитель. Быть может, в многогранной истории Русской православной церкви ее деятельность на территории современной Кыргызской Республики и не является особо важным историческим эпизодом, но все, что связано с духовной жизнью людей мне представляется специфически существенным для движения... Куда? О, не случайно великая традиция воспрещает задавать этот вопрос – это может «закудыкать», как говорят в народе, дороге. Важно идти. Движение – это вся человеческая жизнь. Формы этого движения бесконечно разнообразны. Одна из этих форм вдумчиво изучена Е. Озмитель. Читая книгу, вы убедитесь, что в духовности скрыта некая самостоятельная сила, действующая на протяжении многих и многих лет. И сегодня, в государстве светском, демократическом, отнюдь не препятствующем этноконфессиональным тенденциям исторического развития, мы видим продолжение процессов, которые оставили свой след в прошлом и существуют в настоящем.

Мне кажется, вы прочтете книгу с интересом.

**Член-корреспондент
Национальной Академии Наук КР
А. Брудный**

---

* Сейчас редко вспоминают, что это слова Маркса.

От автора

Территория Киргизии и всей Средней Азии с середины 19 века является канонической территорией Русской Православной Церкви, которая образовала здесь свои приходы с завоеванием Туркестана Россией и вхождением Киргизии в состав Российской империи. Значение Православной Церкви в Российской империи было велико. Ее влияние на культуру, идеологию и ее функции в государственной административной системе были столь значительными, что история дореволюционной Киргизии как части Российской империи всегда будет неполной без изучения истории Русской Православной Церкви.

Менее очевиден тот факт, что события из истории Православия могут быть актуальными для послереволюционной истории Киргизии. Мы сейчас все с уважением относимся к религии, но в нашем сознании, и даже в науке, нередко срабатывает тот стереотип, который усиленно насаждался марксистско-ленинской идеологией: религия в социалистическом государстве не имела особого значения, присутствовала лишь как явление периферийное, как нелепый пережиток, который надо было искоренять. Детальное исследование событий, происходивших внутри и вокруг Русской Православной Церкви, разрушает многие идеологические мифы, созданные советскими историками и философами, позволяя раскрыть истинный смысл истории СССР. Сейчас в Киргизии, есть все предпосылки для того, чтобы заполнить белые пятна нашей истории.

Русская Православная Церковь каждый год прославляет в лике святых все новых и новых мучеников и исповедников, пострадавших от советской власти. Среди сотен тысяч имен есть имена священников и мирян, живших в Киргизии, имена архиереев, окормлявших киргизскую паству. О подвиге этих людей, наших сограждан, противопоставивших тоталитаризму не оружие, не бомбы, а лишь веру и силу духа, должна знать не только Церковь, но и наука. Тогда мы на деле сможем обсуждать значение и характеристики духовности и исследовать роль религиозного фактора в наше взрывоопасное время.

I.

Епархиальная жизнь в имперский период

1.1. Краткий очерк истории Православной Церкви в Центральной Азии в средние века

Может возникнуть вопрос: правомерно ли вообще выстраивать общую хронологию истории православия в Туркестане? Поводы для таких сомнений серьёзны: пятивековой разрыв в истории христианства, смена этноса-носителя православной культуры (согдийцы, сирийцы, монголы, тюрки на первом этапе и славяне – на втором), изменение церковно-административной юрисдикции (территория Средней Азии в Новое время оказывается в ведении Русской Православной, а не Сиро-Персидской Церкви, как в средневековье). Этих факторов достаточно, чтобы рассматривать оба этапа развития христианства в Туркестане как изолированные и самостоятельные явления, лишь формально объединённые территориальным признаком. Однако, когда мы ведем разговор об истории религии, необходимо учитывать не столько географические и антропологические факторы, сколько факторы духовной культуры, которые свидетельствуют о наличии духовной преемственности и важной роли первых веков для истории христианства в Центральной Азии. Для религиозного сознания важен уже сам факт христианизации народов этого региона. Священники и епископы Русской Православной Церкви оказываются как бы продолжателями дела Святого Апостола Фомы, с именем которого церковное предание связывает просвещение народов Центральной и Южной Азии в I в. н. э. Церковное предание повествует, что апостолу Фоме выпал жребий проповедовать христианство в «Индийских странах» (очевидно, это понятие объединяло все малоисследованные земли к востоку от Римской империи), «научить истинной вере различные обитавшие там народы – Парфян и Мидян, Персов и Гиркан, Бактрийцев и Брахман».¹ С индийским купцом просветитель через Иран до Окса /Амударьи/, через Мавераннахр и хивинские земли проследовал в Индию.² Индийская христианская церковь и поныне носит имя апостола Фомы. Апостольская евангельская проповедь принесла свои плоды и среднеазиатским народам. В конце 1 – н. 2 веков в Средней Азии были уже первые христианские общины.³

4 век был ознаменован большим притоком христиан в Среднюю Азию. Это были странствующие монахи, проповедники, ремесленники, купцы. К этому же времени относится создание здесь первых митрополий: Мервской, Самаркандской, Винкердской и Невакетской. Первое упоминание о христианском епископе г. Мерва относится к 334 г. Мервская митрополия принадлежала к православной персидской (Халдейской) Центрально-Азиатской Церкви, которая с сер. 5 века оказалась под влиянием несториан. Произошел раскол, в результате которого в 484 году образовалась несторианская Сиро-Персидская (Ассирийская) Церковь. Тем не менее, не все общины отступили от православия. В 5 в. в Мерве кафедра мелькитов (православных) соседствовала с несторианской резиденцией. Многие мервские митрополиты были крупными богословами, которым приходилось защищать православные догматы от еретиков. Один из самых видных – церковный историк и комментатор книг Священного Писания митрополит Илия, которому приписывается обращение в христианство некоторых тюркских народов⁴ в сер. 7 в./ В это же время под Мервом был православный монастырь.

Самаркандская и Винкердская митрополии управляли христианскими общинами по Амударье и Сырдарье на территории современного Узбекистана. Здесь так же, как и в Мервской митрополии, влияние несториан с веками всё усиливалось. Б. А. Железняков, специально изучавший историю несториан в Семиречье, считает, что в своей борьбе с православными «несториане часто действовали чужими руками... Мелькиты (ортодоксальные) стойко держались своего исповедания до последней возможности, потеряв которую постепенно переходили в лоно несторианской церкви».⁵ Добавить здесь необходимо только то, что мы не можем знать, переходили православные в несторианство или покидали Среднюю Азию.

На территории Киргизстана в городе Невакете (городище близ посёлка Красная Речка) располагалась Невакетская митрополия, которая к 9 в. объединила общины Семиречья, Восточного Туркестана⁶ и Сибири, окормляя, в основном, тюрок-карлуков и кара-киданей.⁶ Здесь несторианство было наиболее сильно. К концу первого тысячелетия в Средней Азии православной оставалась одна только Хорезмийская епархия, перешедшая в юрисдикцию Антиохийского патриархата. С ослаблением Византийской империи эта окраинная епархия оказалась предоставленной самой себе и к 13 веку прекратила своё существование. Монофизитам удалось продержаться более длительный срок. Об их присутствии в Семиречье в 14 веке свидетельствует находка надгробного камня армянского епископа Иоанна, похороненного в 1332 году в Тараскенте (городище Караджигач, известное по дореволюционным публикациям как «кладбище вблизи Пишпека») и письменные сообщения о монастыре братьев-армян на берегу Иссык-Куля, где хранились мощи Св. Апостола и Евангелиста Матфея.

В 14 веке несторианство, несмотря на активный прозелитизм повсюду в Средней Азии приходит в упадок. От самой обширной в 7-11 веках христианской Церкви (Аравия, Северная Индия, Центральная Азия, Китай) сохранились рассыпанные по миру общины ассирийских христиан (айсоров), управляемые Католикосом-Патриархом Ассирийской Церкви Востока.⁷ Примечательно, что первый русский Туркестанский епископ Софония, церковный писатель, путешественник и учёный, был исследователем и знатоком христианства армянского и несторианского толка. Его труды, посвящённые проблемам несторианства, служили главным руководством православной миссии среди несториан. Эта миссионерская акция имела успешное завершение. В 1898 году несколько тысяч айсоров из Персии и Западной Турции во главе со своим архиепископом перешли в православие через покаяние⁸, перейдя в юрисдикцию Русской Православной Церкви. Так Православная Церковь ответила на многовековые происки несториан против мелькитов.

Русская Православная Церковь, обосновываясь в Туркестане, учла печальный опыт пребывания здесь христиан в эпоху средневековья. Владыка Владимир, нынешний митрополит Бишкекский и Среднеазиатский, основную причину гибели Сиро-Персидской Церкви видит в «самоубийственной тактике» проповедников христианства (несториан и католиков) среди мусульман Туркестана. Он ставит вопрос: «Может ли христианство существовать в странах, где главенствует такая мощная религия, как Ислам?», и отвечает: «Мусульманство, крайне настороженное в отношении к протестантским сектам, англиканам и римо-католикам, оказывается терпимо и дружелюбно к православным христианам, хранящим в чистоте апостольскую и святоотеческую веру». Из-за того, что «мусульмане остро реагируют на всякие попытки миссионерства в их среде, миссионерской деятельности в Туркестане почти не велось». Благодаря политике невмешательства во внутренние дела духовного ведомства мусульман, «отношения между православным и мусульманским духовенством оставались наилучшими».⁹

Судя по книгам и статьям митрополита Владимира, а также по другим публикациям еженедельника Ташкентско-Среднеазиатской епархии «Слово жизни», можно предположить, что полторы тысячи лет пребывания христиан в Туркестане и 150 лет Среднеазиатской епархии для Русской Православной Церкви – взаимосвязанные события одной и той же церковной истории. Дело в том, что для православных существует лишь одна Церковь на земле – Святая Соборная и Апостольская Церковь. Поместные Церкви составляют единое мистическое тело этой Церкви Христовой, для которой «нет ни эллина, ни иудея» (Кол.: 3, 11), ни сирийца, ни русского.

1.2. История возникновения Туркестанской епархии в 60-70-е гг. 19 века

В 19 веке, спустя пять столетий после уничтожения последней православной церкви, Средняя Азия вновь стала местом распространения христианства. Православие, государственная религия Российской империи, с завоеванием и присоединением Туркестана неминуемо должно было появиться и в Киргизии. Повсюду в новых землях империи, где появлялись русские и украинские переселенцы – в Амурском крае, на Чукотке, на Аляске, среди бурятов, якутов, алтайцев в 19 веке велась миссионерская деятельность.

В Средней Азии в Новое время православная вера появилась вместе с казаками, офицерами, солдатами и священниками императорских войск, прибывших сюда раньше миссионеров и переселенцев. В 30-х годах началось движение русских в Туркестан. Это были сибирские казаки, которые заняли северную часть Семиречья и основали здесь первые укрепления. Второй поток русских войск в Среднюю Азию двигался от Оренбурга.

Каждодневная жизнь православного человека требует постоянного присутствия священника для совершения божественной литургии, молебнов, таинств. Тем более, чреватая опасностями походная жизнь для верующего человека немислима без духовного утешения, укрепления сил раненых, напутствия умирающих, отпевания погибших. В Российской империи существовал особый институт полковых священников, которые сопровождали войска в походах.

Священники и иеромонахи (т.е. священники-монахи), определенные Св. Синодом для отъезда в действующую армию, с началом ведения Россией военных действий вызывались в Синодальную контору, где получали деньги на дорогу, документы. Каждому из них выдавали ящик с церковной утварью и облачениями – походная церковь. Чаще всего священники служили при госпиталях, которые основывались на государственные и благотворительные средства. О. Варсонофий, оптинский старец, побывавший на войне, описывает в письме такой госпиталь: «Теперь госпиталь полон больными и ранеными, которых привозят с поля сражения... Наличный медицинский персонал невелик... Уход хороший. Приходится исповедовать и приобщать Святых Тайн болящих и утешать их духовно, как Господь вразумит. Только теперь, когда я встретился лицом к лицу с русскими ранеными воинами, офицерами и солдатами, я убедился, какая бездна христианской любви и самоотверженности заключается в

сердце русского человека, и нигде, может быть, не проявляются они в такой изумляющей силе и величии, как на поле брани.¹⁰

Живо описан образ полкового священника в воспоминаниях митрополита Вениамина /Федченкова/. «Вот он выходит из тумана забвения: скромная фигура в неновом уже подряснике, подпоясанном солдатским ремнем, в солдатских же сапогах, с образом Спасителя на груди. Он идет по развороченному снарядами полю, на котором смерть собирает свой страшный урожай... Согласно канонам Православной Церкви, священник не может брать в руки оружия. Никто не принуждал военных иереев выходить на передовые позиции. Но вооруженные одним оружием – основанным на вере мужеством, они выносили раненых с поля боя, причащали под свист пуль умирающих,¹¹ а иногда и поднимали с крестом в руках своих «прихожан» в атаку».

Последние слова описывают старейшего из туркестанских священников протоиерея Андрея Малова. Овдовев, он стал в 1856 году военным священником и приехал в форт Перовский (г. Кызыл-Орда). Более десяти лет он исполнял нелегкую службу в армии. О. Андрей шел впереди штурмующей колонны при взятии крепости Динь-Курган в 1862 году. Он находился под огнем противника во время осады г. Туркестана в 1864 году, одним из первых взшел на стены Ташкента, в бою под Ходжентом принял на себя командование батареей, когда погибли все офицеры-артиллеристы. «Слава «боевого попа», любимца офицеров и простых казаков, поистине «гремела трубой», – как пелось в одной из туркестанских песен. Малов в азарте боя не признавал даже временных уступок, не дай Бог, поражения: «Ошибка это, братцы! Ошибка барабанщика. Какой отбой? Ура теперь надо! Ур-ра!» И воодушевленные его громогласным возгласом войска находили самообладание, поднимались и шли в атаку за священником: «Идем, братцы, победа наша, батюшка Малов с нами!», – вспоминают современники.¹²

Бывал ли о. Андрей, этот легендарный священник, на территории нынешней Киргизии? Осмелимся предположить, что по нераздельности территорий туркестанского края в 19 веке он проезжал и по Чуйской долине. Например, когда для походной церкви армии Черняева ездил из Чимкента в Верный. «Чтобы не оставлять войска без пасхальной службы, – вспоминал М. Г. Черняев, – неутомимый, бесстрашный о. Малов с двумя казаками слетал за семьсот верст в Верный и, не отдыхая, вернулся в Чимкент. Да еще по дороге ночевал у какого-то степняка, который дал барана зарезать и предложил поменять лошадей.»¹³ Есть сведения, что в качестве благочинного* края

---

* *Благочинный – настоятель одного из храмов, управляющий благочинническим округом (благочинием), церковно-административной территориальной единицей, объединяющей несколько – до десятка – приходов. Епархия делится обычно на несколько благочиний в зависимости от количества приходов.*

именно в крепости Пишпек о. Андрей встречал первого туркестанского архиерея Софонию, следовавшего из Верного в Ташкент. Но важны, конечно, не кратковременные его посещения православных Семиречья. До образования Туркестанской епархии из-за дальности правящего архиерея о. Андрей имел исключительное право благословлять строительство храмов и освящать их, то право, которое в обычных условиях могло принадлежать только епископу. Это значит, что он был «крестным отцом» многих ранних храмов Семиречья и Ферганской долины.

Присутствие в войсках, а затем и на приходах Туркестана, такого выдающегося священника несомненно не осталось без последствий. Влияние его личности распространялось на всех священников, служивших в 60-70-х годах в Киргизии. И после окончания военных действий многим из них был свойственен, хоть и в меньшей степени, тот же ореол особого христианского подвижничества, не аскетического, отшельнического, а боевого, многим был присущ дух первопроходцев, горение просветителей. Эту особенность отмечал Владыка Софония в своем первом отчете Синоду, характеризуя священников вверенной ему епархии следующим образом: «почти все здешние иереи из окончивших полный курс духовной семинарии, ... большая часть их... молоды, энергичны, немного поспешны и даже своеобразны в умозаключениях между собой и ко властям».¹⁴ Может быть, именно эти их свойства, полезные в войсках и особенно во время военных действий, привели к конфликту военного духовенства и епархиального начальства, о котором будет сказано ниже.

Порядок возникновения первых приходов в Семиречье подробно описал один из туркестанских епископов Димитрий (Абашидзе).¹⁵ Он связывает историю возникновения православных приходов с историей занятия края русскими казаками, двигавшимися из Сибири. Около казаческих укреплений (первыми были Сергиополь (1834 г.) и Копал (1847 г.), в которых обустраивались походные церкви, селились купцы, крестьяне и другие «неслужилые люди». Военные казачьи укрепления быстро превращались в поселки, и уже через несколько лет походных церквей начинало не хватать. В Копале – в 1850 году, в Сергиополе – в 1853 году были организованы приходы, на средства прихожан и деньги, выделенные казной, строились первые приходские церкви. В 50-х годах войска двинулись со стороны Оренбурга и по пути их следования со строительством крепостей и с занятием уже существующих городов тоже возникают православные приходы. В конце 50-х – в Казалинске, Бахтах, Ташкенте; в 60-х – в Чимкенте, Самарканде, Токмаке, в 70-х – в Петро-Алексеевске, в Ура-тюбе, Андижане, Намангане, Оше, Нарыне и Пишпекке. «Все эти приходы, – пишет владыка Димитрий, – были военны-

ми, и причты* их состояли не при церквях городов и укреплений, а при воинских частях, с которыми они пришли в Туркестан и с которыми они должны были следовать при передвижении войск. Но где прочно устраивались воинские части, там появлялось и русское частное население... На его средства, иногда с пособием казны, строились и благоустраивались постоянные церкви, и приходы постепенно утрачивали свой военный характер».¹⁶ К началу 90-х штатское население значительно переросло число военных.

Военные церкви находились в ведении инженерного ведомства военного министерства России, а духовное управление церквями находилось в руках благочинного, который по службе подчинялся Протопресвитеру военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге. Военные церкви остаются до конца императорского периода при гарнизонах, госпиталях и т.д. С увеличением числа приходов процентное содержание их всё время падает. Обычно военные церкви размещались либо в поездах, либо в палатках или шатрах из непромокаемой ткани, вмещавших до тысячи воинов. На территории Киргизии железной дороги тогда не было, здесь помещением для военных церквей служили палатки.

Одновременно с военными в 60-х годах 19 века возникают в Туркестане первые постоянные приходы – в маленьких станицах и селах, а не в крупных городах края. Сельские храмы и молитвенные дома строились казаками и переселенцами. Первый храм на территории Киргизии возник именно в селе – в Теплоключенке. В конце десятилетия в Семиречье возникает еще несколько приходов: в 1864 году – в с. Лебединовка при въезде в Пишпек, в 1866 году – в Чимкенте и Аулие-Ате, и первый городской храм в Киргизии – в 1869 году – в Караколе. В некоторых из этих приходов были временные молитвенные дома, построенные по образцу юрт, они назывались «кошемными». Такой храм был сооружен из войлока и досок в 1850 году в г. Копале для первого православного прихода Семиречья. Первая церковь села Теплоключенка была тоже «кошемной». После того, как в конце 60-х годов здесь построили кирпичный храм, «кошемную» церковь прислали в подарок каракольцам. Она еще служила им до 1876 года, когда была закопана в землю рядом с новопостроенной глинобитной Свято-Троицкой церковью.

Помощь в строительстве храмов оказывало благотворительное «Семиреченское Православное Церковное братство», основанное по

---

* *Причт, или клир – штат священно- и церковно-служителей прихода. К священно-служителям относятся священники (в том числе настоятель) и дьяконы, к церковно-служителям – псаломщики, пономари, алтарники, звонари, чтецы, просвирни и др.*

инициативе генерал-губернатора Г.А. Колпаковского в конце 60-х годов. Но средств у братства, у казаков и переселенцев, так же как и у всего Туркестанского края, было немного. Поэтому все церковные здания, построенные в 60-70-х гг. были в основном глинобитными и немногим отличались от жилых помещений – все эти первые храмы имели совершенно временный вид. Предельно простым было и внутреннее убранство храмов. Мало было священников, членов причта. Такое благочиние – далекое от центра, пустое, неустроенное, бедное – досталось в управление о. Андрею Малову в 1866 г. Он стал благочинным церковью Туркестанского края, находившихся тогда в ведении двух епископов: Оренбургского (приходы Сырдарьинской области) и Томского (приходы Семиреченской области). Условия края и авторитет о. Андрея позволили предоставить ему исключительное право разрешать без епископского благословения постройку церквей и освящать их. Когда в 1969 встал вопрос о создании епархии, овдовевшему к этому времени о. Андрею Малову предложили стать первым Туркестанским епископом. Но он отказался, оставшись до конца дней своих служить в Ташкенте.

Православие, вернувшееся с русским имперскими войсками в Среднюю Азию, вовсе не походило на религию завоевателей. Более того, царская администрация нередко даже препятствовала деятельности Церкви в Туркестанском крае. Когда в 1871 году императорским указом было утверждено решение Св. Синода о создании Ташкентской и Туркестанской епархии, генерал-губернатор края фон Кауфман воспротивился размещению епископской кафедры в столице края, в Ташкенте. По мнению «Туркестанских епархиальных ведомостей», он руководствовался такими соображениями: «Ташкент – центр фанатичного мусульманства... По духу и букве Корана последователи Мухамеда, хотя и могут примириться с иноверным для них гражданским правительством, но никак не с властями христианской церкви, в круг деятельности которой входит к тому же и дело миссии».¹⁷ Вплоть до начала 1917 года Туркестанские епископы именовались Ташкентскими только номинально, так как кафедра размещалась в Верном.

1.3. Цели и основные направления деятельности туркестанских епископов

История дореволюционных православных приходов Киргизии должна быть поставлена в контекст истории епархии и деятельности Туркестанских архиереев. История Православия показывает, что от личности правящего архиерея, от его качеств и деятельности во многом зависит жизнь епархии и весь склад церковно-приходской жизни.

Всего до революции правящих архиереев в Туркестанской епархии было десять: Софония (1871-1877), Александр (1877-1883), Неофит (1883-1892), Григорий (1892-1895), Никон (1895-1897), Анастасий (до епархии из-за болезни не доехал), Аркадий (1897-1902), Паисий (1902-1906), Димитрий (1906-1912), Иннокентий (1912-1923).

Какие цели определяли деятельность архиереев Туркестанской епархии? Основных несколько:

- Организация системы управления епархией,
- строительство храмов,
- пополнение рядов духовенства,
- благотворительность,
- миссионерская деятельность, организация духовного просвещения, основание монастырей.

Организация системы управления епархией

До 1916 г. архиепископы Ташкентские и Туркестанские проживали в г. Верном. Все 9 архиереев хлопотали о переводе кафедры в Ташкент. Верный расположен на окраине огромной епархии, откуда трудно было управлять разбросанными приходами, собирать духовенство на собрания, предпринимать поездки по Туркестанскому краю. Губернские власти категорически возражали. В самом начале XX века, при архиепископе Паисии, из-за вопроса о переносе кафедры произошел конфликт между церковью и царской администрацией. Генерал-губернатор Духовской, продолжая «антиепархиальную» политику своих предшественников фон Кауфмана и Вревского, сумел организовать настоящий разгром епархии. Большинство городских храмов, созданных как на казенные, так и на гражданские средства, было изъято из епархиального ведомства и передано Санкт-Петербургскому протопресвиторству военного и морского духовенства. Епископ Димитрий считал, что поводом послужило то, что во многих приходских храмах, построенных на казенные и на частные средства прихожан, причты числились при местных воинских командах.¹⁸ Это значит, что храмы были в двойном подчинении, потому что предшественники владыки Димитрия не успели перевести причты в ведение Туркестанского епископа.

В Семиреченской области в 1902-1903 гг. были изъяты из епархиального ведомства приходские церкви в городах Пишпеке, Пржевальске, Джаркенте, Копале, в станице Сергиополь, в укреплениях Бахты и Нарын. Уже во время причисления церквей к военно-морскому протопресвитерству выяснилось, что в городах Пишпеке и Пржевальске были столь незначительные воинские части и столь велико штатское население, что немедленно возникли ходатайства

о возвращении церквей сначала в Пишпек, потом в Пржевальске, и они «были уважены».¹⁹

Но не везде так быстро решался этот вопрос. Владыка Дмитрий в течение нескольких лет возвращал храмы, не оставляя надежды на перенос кафедры в Ташкент. Он старательно налаживал донельзя испорченные отношения епархии и губернского начальства. В архиве хранится на первый взгляд ничем непримечательный документ о порядке встречи генерал-губернатора в приходах. Но внимательное изучение его в контексте взаимоотношений церковных и губернских властей делает понятными те методы, которыми Владыка Дмитрий решал проблему возвращения храмов и налаживания добрых отношений со светскими властями. Вот текст этого документа с небольшими купюрами:

«Секретно. Экстренно.

Его Высокопреподобию О. Благочинному Пишпекского Округа.

От 29 апреля 1910 года.

Его Высокопревосходительство, Г. Туркестанский Генерал-Губернатор, при обозрении вверенного Его Высокопревосходительству края, милостию Божиею имеет добрый обычай посещать храмы Божии и творить в них молитву...

Хотя закон предписывает священнослужителям оказывать торжественные встречи только Высочайшим Особам; но так как Начальник края в Туркестане является как бы Наместником его Императорского Величества, облеченным самыми широкими правами и полномочиями, и так как на православном Востоке всегда существовал обычай торжественных церковных встреч губернаторам и всем вообще высокопоставленным гостям, то я предлагаю Вашему Высокопреподобию предписать подведомому вам духовенству, чтобы по пути следования Г. Начальника края, ему оказывалась со стороны православного духовенства торжественная встреча по следующему порядку: К приезду Его Высокопревосходительства духовенство должно собраться в храме. При приближении экипажа Его Высокопревосходительства к храму производится колокольный красный звон. Священник, а где их несколько, то все священнослужители встречают Г. Начальника края у порога Св. Храма с крестом. Проследовав к алтарю, духовенство совершает краткое молебное пение с возглашением многолетия Царствующему дому и Его Высокопревосходительству. В совершении молебного пения непременно участвует церковный хор. Если представится возможность, то настоятели приходов должны расположить своих малолетних прихожан к встрече Его Высокопревосходительства у входа в храм с цветами.

В приходах, где имеется церковная школа, учащиеся должны быть собраны в помещении училища, или где укажут гражданские власти. При чем как учащим, так и учащимся рекомендуется одеть-

ся в праздничную одежду. Словом, предлагаю и предписываю придать встрече Начальника края всю возможную торжественность, вполне приличную в отношении особы, облеченной особым доверием Его Императорского Величества.

Димитрий, Епископ Туркестанский и Ташкентский».²⁰

Епископ Димитрий в своем обычном мягком, но определенно-настойчивом тоне предписывает благочинному организовать по приходам Пишпекского округа такую встречу генерал-губернатору края, какая в России в то время оказывалась исключительно членам императорского семейства. До тех пор, до распоряжения Владыки Димитрия, таковые пышные торжества с цветами, красным звоном, нарядными детьми и пр., очевидно, в епархии при приезде губернаторов края в приходах не устраивались. Иначе не потребовался бы такой циркуляр, экстренный, секретный, если бы такие встречи были в порядке вещей. Достаточно было бы напомнить о заведенном порядке и потребовать исполнения и отчета. Здесь мы видим такую подробную аргументацию, такое настойчивое обоснование самой необходимости подобного отношения к начальству, что возникают мысли о возможности недостаточно почтительного отношения духовенства к губернским властям.

Поводов для напряженных отношений со светской властью было много, все они были связаны с изъятием у приходов храмов и приходской собственности. В книге митрополита Владимира приводятся красноречивые примеры конфликтов на этой почве. Один из секретарей консистории, граф Сухозанет, «растратил епархиальную казну – все добродетельные пожертвования верующих, в течение десяти лет копившиеся на строительство кафедрального собора. После растраты святотатец застрелился. Но никто из имперских чиновников не подумал о том, чтобы Церкви были возмещены деньги, похищенные их сослуживцем».²¹ Этот случай произошел при епископе Александре. А со следующим епископом, Григорием, генерал-губернатор А. Вревский затеял ссору, начав «совсем уж грубо вмешиваться в церковную жизнь»²² и распоряжаться назначением священников на приход. Именно Вревский, по мнению митрополита Владимира, и решил вообще ликвидировать Туркестанскую епархию, а все ее приходы передать в военное ведомство. Осуществил эту идею генерал-губернатор Духовской.

Какие плоды принесло изъятие храмов? В 1904 году в Чарджоу собор, полностью построенный на средства прихожан, был передан «в пользование немногочисленному местному гарнизону, вход в него гражданскому населению был закрыт. ...и на приходскую казну наложило руку военное ведомство, растрачивая народные деньги. В Чарджоу начались душераздирающие сцены: толпы православных горожан на коленях молились перед отнятым у них собором, у входа в

который стоял солдатский караул. Петиции и прошения жителей Чарджуу о возвращении им храма или хотя бы приходских денег до 1907 года оставались безответными». ²³ В селении Кармакчи после вывода форта гарнизона военное начальство устроило аукцион, на котором продали местный храм. Причем приобрел его под склады купец иудейского вероисповедания. Этот возмутительный факт стал известен правящему архиерею Димитрию и послужил поводом для того, чтобы привлечь внимание императора к проблеме взаимоотношения светских и церковных властей. Епископ отправил на имя Императора Николая II доклад о фактах чиновничьего произвола.

Пользуясь личными связями при дворе, личным обаянием и постоянными знаками уважения и почтения, которые он оказывал генерал-губернатору края сам и предписывал оказывать своей пастве, епископ Димитрий сумел остановить ограбление городских приходов, и подготовил почву для возвращения храмов. Ему удалось даже наладить теплые отношения с властным и вспыльчивым генерал-губернатором Н. А. Ивановым, который много денег жертвовал на храмы и считался единственным благочестивым генерал-губернатором в Туркестане.

В потеплевшей атмосфере стало возможным вновь поднять вопрос о переводе епископской кафедры из Верного в Ташкент. Однако добиться этого удалось лишь в 1916 году архиепископу Иннокентию. Перед февральской революцией архиерейский дом переехал в столицу края. В г. Верном было учреждено викариатство, подведомственное епископу Туркестанскому. Правящий здесь викарный епископ носил титул «Верненский и Семиреченский». Храмы, построенные и действующие в Киргизии, оказались в ведении Верненского викария.

Строительство храмов на территории Киргизии

По мере обустройства городов, казачьих станиц и переселенческих поселков появлялась возможность строительства основательных храмов. Уже к началу 80-х годов 19 века значительная часть русского и украинского населения Туркестанского края, как в городах, так и в селах обзавелась немалым хозяйством. Степень достатка, конечно, была везде неодинаковая, постоянно в течение имперского периода прибывали новые переселенцы, которые поначалу могли чрезвычайно бедствовать, но были и очень зажиточные села. Не вдаваясь в рассмотрение сложнейшего вопроса об экономическом положении жителей Туркестана, сошлемся лишь на мнение современников. В 1885 году «Туркестанские ведомости» в ответ на резко критическую статью Розова, напечатанную в №38 за 1884 год, публикуют спокойные аргументированные рассуждения о проблемах колонизации русскими туркестанского края, автор которых заявляет: «Что касается

приведенного г. Розовым замечания, что «жить в Туркестанском крае погано», то оно едва ли заслуживает какого-либо серьезного внимания. Крепко усевшийся на месте житель, например Герасимовки или Беловодского, а также все казаки Семиречья, начавши жить при совершенно новых для них, необычайных условиях, свыклись вполне с новой обстановкой, не жалуются, что им жить «погано» и если иногда выражают недовольство на орду, как они называют туземцев, за то, что те не накопили для их арыков, то эти претензии... скорее говорят о довольстве населения, мечтающего о комфортабельном ничегонеделании».²⁴ Конечно, кроме комфорта обосновавшиеся в Семиречье крестьяне, казаки и горожане заботились о многих других вещах, и церковь не была из них последней.

Общий порядок возникновения в населенном пункте церковью можно рассмотреть на основании указа Духовной консистории благочинному церковью Пишпекского округа, которым предписывается «объявить жителям сел. Петровского, Беловодской волости, что предварительно возбуждения ходатайства о постройке у них церкви, они должны а) избрать и отвести удобное и центральное место (на площади) под постройку церкви; б) озаботиться составлением плана и сметы на постройку церкви, которые и представить Его Преосвященству, в) организовать Комитет по постройке церкви под председательством местного священника с тем, чтобы из состава его были избраны: казначей, материальный* и делопроизводитель; г) представить три пробелых книги для шнуроспечатания (для дохода, расхода и материальных) озаботиться изысканием средств на постройку церкви хотя бы вначале, так как рассчитывать на пособие от Епархиального Начальства нельзя за крайней ограниченностью церковно-строительного капитала и постоянных просьб об оказании пособий. Со своей стороны Епархиальное начальство может оказать пособие выдачей сборной книги, для чего они должны избрать из своей среды благонадежное лицо для производства сбора добровольных пожертвований и пробелую книгу».²⁵

Текст документа достаточно неразборчив, но содержание его совершенно ясно. Особенно ясно то, что в имперский период верующим в Семиречье приходилось рассчитывать почти только на свои силы, если они собирались строить храм. Даже проект храма обществу крестьян предлагалось составить самим. Со стороны епархии оказывалась в основном только административная помощь – разрешение на сбор пожертвований для строительства храма. По всем епархиям рассылались воззвания, обращения к настоятелям о нуждах какого-либо храма с указанием, что Священным Синодом сбор разрешен. Кроме того, «благонадежные лица» проводили с разрешения конси-

---

* Почерк документа очень неразборчивый, возможны неточности.

стории сборы по разным селам и городам Туркестанского края. Для того, чтобы собрать пожертвования, в храмах ставилась «кружка», т.е. переносной железный ящик вроде копилки – с щелью сверху и замком на крышке. Кружка находилась в храме определенное время, потом вскрывалась в присутствии священника и старосты, деньги пересчитывались, сумма фиксировалась в сборной книге, запись скреплялась печатью храма, а деньги переводились на счет ново-строящейся церкви.

В архиве хранится одна такая книга (обычная школьная тетрадка). Она интересна не только тем, что проясняет порядок сбора пожертвований, но и тем, что в этой книге собраны печати почти всех храмов Пишпекского уезда. Вступительный текст на первых страницах тетради, памятка сборщику, показывает, какие меры предосторожности предпринимала Консistorия для предотвращения злоупотреблений: «По указу Его Императорского Величества Туркестанская Духовная Консistorия... выдает сию книгу за надлежащим подписем и приложением казенной печати, на имя крестьянки Иоанна Антониевна Маликова*, для сбора добротных пожертвований по Туркестанской Епархии, в течение одного года на постройку молитвенного дома в селе Николаевском Беловодской волости Пишпекского уезда. При сборе этом важны быть соблюдены нижеследующия правила: 1, сбор производить, как сказано выше, в течение одного года; 2, сборной сей книги, без особого разрешения Епархиального начальства, никому другому не передавать; 3, ни письменными, ни словесными просьбами из Вышшей фамилии никого не утруждать; 4, собранные по книжке деньги передавать кому следует под роспись в сей книге или же отсылать по почте, прикладывая в этом случае к ней почтовые росписки; 5, по окончании годовичного срока на сбор, книга должна быть предоставлена местному благочинному, а ... последнему, по проверке, выслана в Консistorию».²⁶

Сколько можно было собрать денег по такой книге? Это зависело, конечно, от храмов, где выставлялась кружка, и от времени сбора. В городе пожертвования были больше, в конце имперского периода купцы, офицеры жертвовали большие деньги. В Караколе, который строился в 60-х годах 19 века попечением барона Каульбарса, сразу было предусмотрено место для храма. Конечно, и о приличных деньгах на строительство такой попечитель мог позаботиться. Если сборщик был из благородного семейства, то ему и давали больше. Много факторов влияло на сбор денег, но чаще всего суммы были невелики и собирались они годами. По «нашей» книжке крестьянкой Иоанной Маликовой «за все время собрано двести тридцать рублей, пять-

---

* Так в оригинале

десять пять копеек, которые и представлены церковному старосте крестьянину Григорию Белогорцеву для внесения на .... счет Государственной Сберегательной кассы при Беловодском почтово-телеграф. отделении». Конечно, на такие деньги большого строительства не развернешь, но постепенно собирались необходимые суммы.

Гарнизонные церкви, в отличие от приходских, целиком строились на выделенный кредит. В 1907 году на постройку (взамен старого глинобитного здания) гарнизонной церкви в г. Ош выделен кредит в 8400 рублей, которым распоряжался строительный комитет.²⁷ Смета и чертежи передавались из штаба Туркестанского военного округа. Строили несколько лет, и все время поступали кредиты. Кроме того, «в лице местного начальника уезда Полковника Алексеева, – сказано в рапорте строительного комитета, – как истинного христианина и уважаемого местным населением, комитет главную опору и убеждение в возможности на имеющиеся средства довести успешного постройку до конца».²⁸ Ходатайством полковника Алексеева город пожертвовал на строительство храма 51 дерево для стропил крыши, местные производители кирпича на 30% снизили цену. Даже при существовании кредитов, строительному комитету приходилось изворачиваться, искать благодетелей.

В строительстве церкви помощь оказывал также и Переселенческий комитет. На средства этого комитета для Походной церкви был построен храм Святителя Николая в 25 верстах от Токмака.²⁹ Иногда и епархия находила средства для помощи денежными взносами, особенно если стройка уже началась и ведется успешно. В 1904 году на церковные средства было построено новое здание Георгиевской церкви в с. Токмак.³⁰ В 1910 году приходам Пишпекского благочиния епархия помогла дважды: на достройку церкви-школ³¹ в с. Петровском – 400 рублей и в с. Ново-Покровке – 50 рублей.

Малую помощь в церковном строительстве со стороны администрации края нельзя вменить ей в вину. Неудовлетворительное состояние церковного строительства осознавалось всеми начальниками края, они предпринимали разные попытки для улучшения церковного строительства, но средств для этого катастрофически не хватало. Документы, которые цитирует в своей книге П.П. Литвинов, прекрасно подтверждают это. «Видный туркестанский чиновник Н. Дингельштедт писал, что «церковное строительство в Туркестане почти всегда встречало в высших сферах управления или отказ, или такое неумолимое сокращение испрашиваемых кредитов, что трудно было удовлетворить самые необходимые потребности»... генерал-губернатор М.Г. Черняев практиковал использование для нужд церковного строительства т. н. «городских сумм»... Однако правительство осудило эту практику, указав, что таких «сумм» не хватает даже для покры-

тия городских нужд по внутреннему благоустройству... Преемник Черныяева генерал-губернатор Н.О. Розенбах... был вынужден в своем «всепопданейшем» отчете за 1888 г. изобразить положение церковно-строительного дела в Туркестане в таких мрачных тонах, что император Александр III надписал на его докладе: «Пора привести в должный вид православные церкви! Действительно стыдно!» Государь распорядился вносить в сметы ежегодные церковно-строительные кредиты. Это возымело действие и в течение последующих 12 лет из 30 построенных церквей 22 были сооружены на государственный счет». ³² Эти кредиты расходовались по большей части в ближних к генерал-губернаторам, знакомых им населенных пунктах: в Ташкенте, в городах и селах Ферганской области. ³³

Семиреченское землетрясение 1889 года, разрушившее большое количество храмов, вызвало сочувствие у русских жертвователей. По благословению о. Иоанна Кронштатского, следуя его личному примеру, они стали собирать средства на восстановление туркестанских церквей. Но все же значительная часть средств всегда составлялась из личных пожертвований семиреченских казаков, крестьян, местных русских купцов и чиновников. Особенно отличился купец 1-ой гильдии Н. И. Иванов, построивший за свой счет 5 храмов: три сельских и два городских (в Ташкенте и Пишпекке). Кроме того, изредка помогало и местное мусульманское население, жертвуя деньги на «русские мечети». Митрополит Владимир приводит пример такой благотворительности на территории Киргизии. «Киргизы относились к православному духовенству с уважением, а к православным обрядам – с благожелательным интересом. Гостеприимно встретив пришельцев, мусульмане оказывали помощь и в их религиозных нуждах. Один крестьянин из села Троицкое, занимавшийся сбором средств на строительство храма, рассказывал, как в его избу вдруг явился человек в большой чалме и в очень блестящем тулупе (вероятно, в парчовом чапане. – Прим. авт). Крестьянин перепугался. Но вошедший, оказавшийся имамом из соседнего селения, положил перед ним кошелек с золотыми монетами – пожертвование на русскую мечеть. Подобным же образом еще три сельских храма в Туркестане были выстроены благодаря пожертвованиям мусульманских благотворителей». ³⁴

Строились церкви в дореволюционной России, в том числе и в Туркестане, быстро, года за два-три. В городе место под храм чаще всего приобреталось на средства особенно усердных состоятельных прихожан, освящалось правящим архиереем, после чего начиналось строительство. Церкви создавались чаще всего по типовым проектам, утвержденным Св. Синодом для всех епархий, что значительно удешевляло строительство. Такие проекты могли иметь целевое назначение: гарнизонные, городские, сельские, железнодорожные храмы,

они могли различаться по величине, в расчете на 400, 700, 1000 человек. По проекту для гарнизонных церквей был построен, например, храм Архистратига Михаила в г. Оше, он и оставался весь имперский и даже в послереволюционный период в армейском подчинении. Кроме того, строились храмы и по индивидуальным проектам. Такие, например, как ныне разрушенный храм в г. Чиназе под Ташкентом (арх. А. Бенуа) или храм в Байрам-Али, построенный В. Щусевым и расписанный М. Нестеровым. В Семиречье таких храмов было мало – только в городах. По индивидуальному проекту был построен в 1893-1895 годах деревянный храм Пресвятой Троицы в Караколе после того, как первый, кирпичный, был разрушен землетрясением. Здание, возведенное семьей Масликовых при участии монахов из Валаамского монастыря, стало настоящим произведением искусства и образцом для профессионального архитектора А. П. Зенкова, когда он проектировал Собор Вознесения Господня в г. Верном.

Но подчеркнем, индивидуальные авторские проекты для Киргизии были исключением. Однако, несмотря на то, что сельское храмовое зодчество было преимущественно типовым, оно представляло для переселенцев художественную ценность, которую хорошо оценивает Ю.А. Елгин. Исследуя южноказахстанское церковное зодчество, проблемы которого идентичны проблемам всего Семиречья, он пишет, что церкви, «как правило, являлись единственными монументальными зданиями сел, истинными их украшениями и гордостью, местом притяжения всей общественной жизни сельчан. Села с центральной площадью и церковью на ней в Южноказахстанской области не встречаются. Обычно это ряд длинных улиц, идущих параллельно, пересеченных переулками под прямым углом. На главной улице и находилась церковь, почти везде в комплексе с ней сооружалась церковно-приходская школа, дом настоятеля, кое-где и другие службы. Иногда они обносились оградой, участок засаживался деревьями... Поблизости строили свои дома зажиточные крестьяне. Кое-где эти дома частично еще сохранились. За все последующие десятилетия ничего не создано в этих населенных пунктах³⁵ равного церквям ни по прочности, ни по человечности и красоте».

После землетрясения 1889 года почти все кирпичные храмы Семиречья были разрушены. В Киргизии и Казахстане стали строить более сейсмоустойчивые деревянные храмы. Верненский архитектор А. Зенков и ташкентский В. Гейнцельман разработали серию проектов деревянных храмов, специально приспособленных к условиям Средней Азии.³⁶ В российских городах деревянные храмы уже не возводились, в Семиречье же деревянное храмовое зодчество переживало новый расцвет. До нынешнего дня дошли немногие из этих зданий: Свято-Троицкий собор в Караколе, храм в честь Архангела Михаила в с. Бело-

водское, церковь Св. Георгия в Токмаке. Эти церкви ярко демонстрируют основные принципы церковного зодчества Киргизии.

Планы этих церквей представляют собой модификацию традиционной крестово-купольной системы. Барабаны – не круглые, а восьмигранные, купола нередко граненые или заменены шатрами, граненые же или прямоугольные в плане апсиды, – все эти особенности вызваны тем, что материалом для строительства служило дерево, естественно не допускавшее округлых объемов и плавных очертаний. Крестово-купольный план усложнялся включением в него колокольни. Последовательность «нанизывания» архитектурных объемов на продольную ось «запад-восток» обычно была такова: паперть, притвор, являющаяся первым этажом 2-х или 3-х ярусной колокольни, 3-х или однонефное, прямоугольное в плане пространство храма, пересечённое поперечным рукавом и алтарь с ризницей и пономарней по бокам. Такое объединение разных служебных помещений в одно целое было обычным приёмом в церковном зодчестве 19 века. Оно вызывалось потребностями служебной практики и удешевления строительства.

Внешний облик здания определялся сочетанием нескольких граненых объемов (восьмерики на четвериках), умеренным количеством куполов и шатров, спокойной линией карнизов, оконных проёмов и цоколя. Образное решение храма зависело от характера декора. Стилистическое решение внешнего убранства создавало неповторимый художественный облик каждого храма. Оштукатуренные фасады Токмакской и Пишпекской (Серафимовской) церквей, украшенные классическим декором из полуколонок, фризов, филенок, кронштейнов, создают имитацию кирпичного храма с кокошниками, построенного в стиле русского классицизма Нарядная кружевная резьба по дереву, украшающая Пржевальскую церковь, точёные балясины оконного обрамления в сочетании с шатровыми покрытиями заставляют вспомнить о лучших образцах русского деревянного зодчества 18 века. По сравнению с деревянными храмами кирпичные церкви (Никольская в Пишпекке, Дмитриевская в с. Дмитриевка (г. Талас), Михайловская в Оше) оставляют впечатление большей эклектичности.³⁷

К концу имперского периода православные храмы имелись во всех русских селах Туркестана, а в крупных городах – по несколько. Больше всего – в Ашгабаде – 22, в Ташкенте – 16, Верном – 10, Самарканде – 8 и в Пишпекке – 5.

Необходимо уделить особенное внимание последней цифре. Некоторые исследователи считают, что к 1916 году в Пишпекке действовало две церкви.³⁸ В некоторых других источниках называется цифра шесть. Теперь эти цифры вызывают сомнение, во всяком случае, количество пишпекских храмов невозможно обозначить столь безусловно.

О шести храмах пишет митрополит Владимир: «В Пишпек... до революции было шесть храмов. Первым домом молитвы здесь был деревянный шатровый храм-часовня во имя святого великомученика Димитрия Солунского, возведенный в 1864 году при въезде в городскую крепость. Еще через три года местные православные выстроили Свято-Никольский «временный храм» из саманного кирпича. Эта временка служила прихожанам до 1886 года, когда на том же месте благодаря долго копившимся средствам и крупному пожертвованию купца первой гильдии Н.И. Иванова был воздвигнут каменный собор во имя Святителя и Чудотворца Николая, а при нем деревянная колокольня с семью колоколами... В 1906 году на собственные средства прихожан был выстроен храм во имя преподобного Серафима Саровского – деревянный из елового леса, с одним широким куполом и смежной двухъярусной колокольней, на которой было также семь колоколов... В 1910 году в городе были созданы два храма при учебных заведениях: во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия – при мужском училище, во имя святой великомученицы Екатерины – при женском училище. В том же году была возведена Свято-Никольская часовня – «походная церковь», при которой размещался священник, объезжавший с требами небольшие окрестные селения».³⁹

Казалось бы, все ясно, но при обращении к ведомостям о валовом доходе церковью Пишпекского уезда за 1916 год⁴⁰ мы обнаруживаем указание всего на три пишпекских храма: Свято-Никольский, Серафимовский и походную церковь. Причем, только две из них имели помещения для совершения всех церковных служб, так как в часовне самое главное православное богослужение – Божественная Литургия – совершаться не может. (А храм походной церкви находился в 145 верстах от Пишпека, неподалеку от Токмака, были еще приписанные к ней часовни в разных селах)⁴¹ С данными этой ведомости сходятся и все остальные документы пишпекского благочиния нигде не упоминающие ни о каких других церквях в городе Пишпек. «Первый дом молитвы..., храм-часовня во имя святого великомученика Димитрия Солунского», о котором упоминает митрополит Владимир, согласно указанной ведомости и другим архивным материалам, находился в с. Лебединовка, действительно перед въездом в крепость, но все-таки не в городе.

Почему нет никаких упоминаний в документах благочиния о двух училищных церквях? Очевидно, эти храмы располагались прямо внутри учебных зданий, где для них были отведены освященные помещения с алтарем. Так всегда в царской России устраивали церкви при учебных заведениях, больницах и пр. государственных учреждений. Можно вспомнить храм Московского Государственного Университета во имя святой великомученицы Татьяны, который не имел отдельного помещения. Кроме того, подобные храмы не имели обыч-

но и своего причта, постоянного хора. В таких церквях духовное руководство учащимися и богослужения совершал священник одного из городских храмов, обычно законоучитель этого учебного заведения. В училищах Пишпека им были настоятели и священники Свято-Серафимовского и Свято-Никольского храмов. Прислуживать могли сами учащиеся. Скорее всего, службы были немногочисленны – литургии по большим церковным праздникам, молебны по случаю начала учебных занятий, праздников, связанных с императорским домом, и пр. Все учащиеся учитывались в приходах по месту жительства. Училищные храмы не приносили дохода, не было у них своих прихожан, поэтому они и не упоминаются в отчетных ведомостях благочиния.

Если учитывать все вышеизложенное, то число пишпекских церквей нужно сократить до пяти, причем с оговоркой, что собственно православных соборов было в городе всего два. Внешний облик, местоположение, история создания и уничтожения этих зданий известны и освещены в литературе. А остальные три церкви (походная, во имя святой великомученицы Екатерины и святых равноапостольных Кирилла и Мефодия) из-за отсутствия специальных зданий и постоянного прихода, оказались в забвении.

Первые церкви на территории Киргизии возникли в 60-х годах 19 века. К 1900 году в Пишпекском благочинии (включавшем в себя Пишпекский, Пржевальский и часть Аулие-Атинского уездов) было 10 церквей, Кроме того, в других районах Киргизии действовало еще несколько церквей – единственная тогда на Юге – Ошская, Нарынская, Дмитриевская (Таласская) и др., – всего около пятнадцати. За первое десятилетие 20 века число церквей в Киргизии возросло более чем вдвое. Произошло это при епископе Димитрии, который освятил большинство храмов епархии. К 1917 году на территории Киргизии располагалось более тридцати храмов. Самое большое количество церквей было в Прииссыкулье (Пржевальск, Преображенское, Семеновка, Сазоновка, Светлый Мыс, Николаевка, Михайловка, Отрадное, Орлиное, Покровка, Вознесенка, Теплоключенка, Григорьевка). В Чуйской долине храмы были во всех крупных населенных пунктах (Пишпек, Лебединка, Карабалта, Беловодское, Чалдовар, Сокулук, Васильевка, Ивановка, Токмак, Быстровка, Ново-Троицкое), были храмы и в Таласской области (тогда часть Аулие-атинского уезда) – в селах: Дмитриевское (Талас), Покровка, Грозное, Ключевка и др. Кроме того, почти во всех русских и украинских населенных пунктах (всего их к 1917 году было более 200) там, где не было храмов – строились молитвенные дома, в которых время от времени служили священники близлежащих сел или походных церквей.

Владыка Димитрий заботился не только о материальном, но и о духовном устройстве церквей. Храмы обогащались святынями и

иконами из Новгорода, Киева, а частицы мощей особо почитаемого в народе Св. Целителя Великомученника Пантелеймона были доставлены с самого Афона. Епископ Димитрий благословил строительство трех храмов во имя Св. Серафима Саровского сразу же вслед за канонизацией преподобного Серафима в 1903 г. Эти храмы демонстрируют чуткость туркестанского иерарха к чувствам верующих, которые также, как и весь православный народ России, очень любили Саровского угодника и радовались его прославлению.

Рассматривая список храмов Киргизии, обратим внимание на имена тех святых, которым посвящались церкви. Особенно часто храмы освящали в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы и Казанской иконы Божией Матери. Это обстоятельство, очевидно, связано с тем, что в особо трудных условиях бедные переселенцы больше всего надеялись на помощь Богородицы. Выбор образа Казанской Божией Матери покажется неслучайным, если мы вспомним, что именно эта икона, найденная в Казани, почиталась православными как охранительница южных степных рубежей России. Много храмов, особенно в казачьих станицах и гарнизонных, было освящено во имя Архистратига Михаила, Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Александра Невского, потому что эти святые почитаются как покровители воинства. Как и в России, в Семиречье строилось много Никольских храмов, Святитель Николай Чудотворец всегда был любим православными, а иноверцы именовали его «русским Богом». Известны также случаи поклонения этому святителю и со стороны кочевников Средней Азии и Сибири. Имена этих святых чаще всего призывали в своих молитвах верующие вдали от родины.

При последнем дореволюционном епископе Иннокентии строительства церквей не велось, что объяснялось необходимостью пожертвований на военные нужды.

Пополнение рядов духовенства

Пополнение рядов духовенства – одна из самых трудных задач Туркестанских архиереев. Служба в отдаленных, труднодоступных бедных приходах с непривычным климатом и инославным окружением мало кого прельщала, она требовала особенной самоотдачи, особенно пылкого и терпеливого труда. Молодые священники из российских духовных семинарий предпочитали ехать в более обжитые родные русские приходы. Своей семинарии в епархии не было до 1915 года. По молодости епархии не было здесь и потомственных священников. Долгое время многие приходы оставались без пастырей.

Переселенцы испытывали большие трудности из-за нехватки духовенства. «В выселках, несколько отдаленных от храма, умирающие умирают без церковного напутствия и отпевания, ... и только родствен-

ники при случае служат панихиду», – отчитывался в своем первом докладе Священному Синоду епископ Софония.⁴² Не было не только обычных служб, даже большие праздники верующие не могли встретить по-православному. Задолго до Пасхи посылали они гонцов в дальние селения, где имелся священник, чтобы освятить куличи, а потом делили их на кусочки и благоговейно вкушали, как святыню в день Воскресения Христова... Вплоть до 10-х годов нынешнего века Туркестанские архиереи получали «слезницы», трогательные прошения крестьян, оставшихся без священников... «Тяжело было нашему сердцу жить без храма, ещё тяжелее было разговляться в Светлое Христово Воскресение неосвященным хлебом. И вот собрали мы свои последние гроши и выстроили молитвенный дом. Но все же не исцелили мы своей тоски. Умилосердись, Владыко, пошли нам служителя апостольского. Как нам жить без Божественной Литургии, как нам жить без наставника нашей жизни? Горько, очень горько жить так православному человеку, но ещё в сто раз горше умирать. Умирать, как бессловесному созданию, без Святого Причащения! Пожалей наши души, Владыко, не дай нам умереть без покаяния, назначь к нам пастыря! А мы будем любить его, будем охранять его, как отца родного!»⁴³

Из «Ведомости о церквях и белом духовенстве по Пишпекскому благочинию за 1900 г.»⁴⁴ мы узнаем, что из десяти церквей, существовавших в это время в Пишпекском благочинии (охватывавшем тогда приходы Чуйской и Иссык-Кульской долин), только в шести церквях были священники, причем на всех приходах – по одному. В половине церквей не открыт штат, а это значит, что священник такой церкви не получал жалования от казны, а существовал только на пожертвования прихожан. Эта ведомость содержит сведения об образовании священников: из шести человек четверо окончили богословский курс, один был студентом Московского императорского Университета.

Некоторые священники должны были заботиться о прихожанах сразу нескольких церквей. Настоятель Беловодской церкви в течение нескольких лет одновременно служил и в Карабалтинской церкви, и в нескольких молитвенных домах. В 1910 году, когда в Лебединовском храме был уже свой священник, он окормлял и жителей других окрестных сел. В таких случаях нередко возникали недоразумения, потому что трудно было отрегулировать финансовые и другие вопросы. В селе Ново-Покровка Лебединовской волости, в котором было 1750 душ, не было храма и священника. «Общество христиан», как они сами себя именуют, обратились к военному губернатору с просьбой прислать им священника: «Общество христиан своими упорными трудами построили молитвенный дом, полагая, что Лебединовский священник будет к нам приезжать для совершения богослужения», но тот отказывался, не совершая бракосочетаний, требуя

от общества по 50 рублей в год. А они, «как переселенцы люди бедные, недавно из разных концов России, не имеют средств платить положенную священником дань». Крестьяне просят дать им священника. «... А Лебединскому и так даем доход, какой, нам неизвестно, но полагаем, что большой».⁴⁵

Проблемы также возникали потому, что священник из-за занятости, или по другим причинам не мог часто посещать «прикрепленный» к его храму приход. Уполномоченный от крестьян села Петровского, приписанного к Беловодской церкви, в 1910 году в обращении к епископу Димитрию так изображает трудности своих односельчан: «... подходит Великий пост и нужда в селе Петровском в отдельном Священнике, (псаломщик пока найдется, временный из крестьян; он уже 2 года служит нам часы) предстоит великая. В Беловодском и без нас прихожан очень много (в приходе до 1500 дворов), так что и причту работы хватает до усталости и изнеможения, на что нам жаловался настоятель прихода... В виду массы треб на приходе Священник ездит служить к нам всеобщая уже гораздо реже, а от Литургии совсем отказался, потому что при службе Литургии в Беловодском работают оба Священника и отлучиться поэтому одному из них к нам совсем невозможно, так как от этого служба задержится надолго и вызовет ропот прихожан, ждущих исполнения их треб надолго после Литургии. У нас же есть свой молитвенный дом с полной утварью для богослужений и треб, есть даже святой Антиминс*. Нет только Священника. Умилостивитесь над нами, Владыко, дайте нам хотя бы на пост и пасху какого-нибудь Иеромонаха или запрещенного Священника (и служба его у нас покажет Вам: достоин ли он снятия с него запрещення)..., чем избавите нас от говения** за 5 верст на стороне».⁴⁶

Оставленные без священника христиане пытались обходиться своими силами. О. Василий Яковлев пишет: «... там, где не было пастырей, грамотные люди из среды сельчан «правили» для остальных «вечерню с утреней» и «часы с обедницей». В некоторых местах такие грамотеи назывались «наставниками» и получали от общества вознаграждение за свой труд».⁴⁷ Но такой паллиатив не мог удовлетворить переселенцев, потому что для полноценной духовной жизни православным необходимо обязательно присутствовать на богослужении и принимать таинства: причащаться, исповедаться, венчаться, крестить детей, отпевать умерших. А совершать церковные таинства имеет право только священник.

---

* Антиминс – шелковый плат, с вложенной в него частицей мощей и изображением положения во гроб Спасителя. Литургию можно совершать только на Антиминсе.

** Говение – подготовка к таинству Святого причащения постом, усиленной молитвой и исповедью.

«Попыткой хоть как-то удовлетворить нужды верующих в богослужениях и Таинствах, – пишет митрополит Владимир, – было создание штата разъездных священников. Такой пастырь с походной церковью (то есть с переносным алтарем и складным иконостасом) посещал селения, не имевшие своих священников. Это послушание требовало мужества и крепких телесных сил. Тогдашние дороги были плохи – далеко не везде могла проехать телега или арба. Священнику приходилось... ездить верхом или идти пешком, неся с собой походную церковь и дорожные припасы».⁴⁸ Мы уже писали выше о походных церквях. Такая церковь числилась среди Пишпекских храмов в 1916 году. Если обратить внимание на цифру валового дохода этой церкви за один год – 217 рублей 93 копейки,⁴⁹ и сравнить ее с доходами других церквей, то станет ясно, что прихожане походной церкви были из числа беднейших в Пишпекском уезде. Меньший доход – только у двух церквей и одного молитвенного дома. Дело в том, что священники походной церкви в основном окормляли жителей стихийно возникших поселений. Впервые на них обратил внимание епископ Димитрий. При объезде Киргизии он обнаружил их огромное множество (больше двенадцати тысяч). Такие поселения, их в народе называли «самодуровки», страшно бедствовали, но даже если и находили средства выстроить храм и школу и просили священника, их прошения игнорировались, потому что они для чиновников не существовали. Губернское начальство было не в состоянии разобраться с самовольными переселенцами и просто закрывало глаза на эту проблему. Епископ Димитрий включил этих «неучтенных» православных поселенцев в число своей паствы, чтобы и у этих крестьян была возможность присутствовать на богослужении и участвовать во всех положенных таинствах.

Крестьяне-арендаторы Пишпекского уезда⁵⁰ в 1910 году просили своего благочинного прислать им разъездного священника: «Имеем в виду, что нас, арендаторов, находится 106 домохозяев, и все христиане православного Вероисповедания. И за дальним расстоянием от церкви и не каждый из нас имеет средства явиться до церкви... А так же имеем желание не оставлять без внимания свою православную Веру. И не были бы заглушены наши дети от православной Веры. А потому имеем честь покорнейше просить Вашего Высокоблагословение не найдете ли возможным назначить для нас священника выезжать к нам для совершения Богослужения, в праздничные дни хотя два раза в месяц. И тем будет возбуждаться у нас наша православная Вера»⁵¹.

Сто шесть дворов – это немалое поселение, около шестисот человек, находящихся в самых трудных условиях не имели даже

средств добраться до ближайшей церкви. Именно для таких просителей организовал владыка Димитрий походные церкви. Кроме того обязанности выездных священников исполняли монахи Иссик-Кульского Свято-Троицкого монастыря. Один из них, иеромонах Харитон, по пути в село Самсоновское «чуть не замерз насмерть на горном перевале, ночуя с походной церковью под открытым зимним небом, он сознается, что если бы не послушание монастырское, никогда бы не отважился на такую поездку».⁵² Некоторое время обязанности разъездного священника исполнял иеромонах Мелетий. Он служил приходским священником в Каракольской церкви, но, кроме этого, часто отправлялся в командировки, посещая труднодоступные и малообеспеченные поселки, отдаленные гарнизоны для исполнения церковных треб.

Нельзя сказать, что начальство оставалось равнодушным к проблеме недостатка священников на приходах. Туркестанскими архиереями были испробованы самые разнообразные способы привлечения священников в епархию. П.П. Литвинов последовательно разбирает их, характеризуя в целом как «малорезультативные»⁵³. Епископы уговаривали священников «внутренних» губерний, выдавая им деньги на проезд и обустройство на новом месте, публикуя пламенные обращения к духовенству страны в российской прессе. Многие священники выражали желание приехать и приезжали. На воззвание епископа Аркадия откликнулось 800 человек, правда, среди них, по словам П.П. Литвинова, «преобладали неудачники и лица с «подмоченной» репутацией по бывшему месту работы»⁵⁴. Такое же воззвание опубликовал позже епископ Димитрий, предваряя его словами Евангелия «Жатва убо многа, делателей же мало».

Значительных результатов достиг архиепископ Григорий, который привлек к служению в Туркестанском крае многих выпускников Уфимской и Иркутской духовных семинарий, где он ректорствовал до архиепископского назначения. Кроме того, близкие ему люди подыскивали кандидатов для служения в Туркестане среди лучших выпускников Олонецкой и Петербургской духовных семинарий. Архиепископ Григорий рукополагал местных активных прихожан из числа грамотных. Эти молодые священники, вдохновленные призывом любимого учителя, полные жажды подвижнической деятельности, сознательно шли на все трудности жизни в бедных труднодоступных сельских приходах. В истории епархии они получили особое название – «григорьевцы».

Только девятому Туркестанскому архиепископу Димитрию удалось окончательно решить проблему со священниками. При вступлении его в управление епархией, здесь были: 1 соборная церковь (в г. Верном), 88 приходских, 11 приписных (гимназические, тюремные и

проч.), 30 часовен (большей частью на кладбищах). При владыке Димитрии было создано 84 новых храма, удвоилось число приходов (всего приходов стало 162), из них в Киргизии – 17 сельских храмов и Свято-Серафимовский собор в Бишкеке. Но самой главной заслугой этого архиерея следует считать то, что во всех храмах епархии появились священники. Духовенство, благодаря личным связям и неумоимости епископа, пополнялось из числа грамотных сельчан, а также вызывалось из России.

Мало было поставить священников на все приходы, надо было заботиться и о том, чтобы это были грамотные и достойные люди. Первый Туркестанский архиерей Софония встретился с такими вопиющими фактами неподготовленности священников к своему делу, что вынужден был отчитываться Священному Синоду: «В самом служении литургии иными священниками (и таковых очень немало) допускаются разные вольности и отступления от служебника, обличающие иных в непростительности легкомыслии и невнимательности к делу Божию, а других – и в незнании как должно чина литургийского, и в неумении совершать святейшее таинство, а все это отзывается или явным пренебрежением к уставу церковному, или греховными незнаниями его».⁵⁵ Прошло почти пятнадцать лет, и епископ Неофит опять вынужден констатировать, что священники «мало обнаруживают близкого и живого знакомства с Библией, не говоря уже об истории и учении Церкви, как общеправославной, так и отечественной»⁵⁶ Эта проблема не была сугубо «туркестанской», но здесь она становилась особенно острой. Трудности финансового порядка, отсутствие духовных учебных заведений, отсутствие потомственного духовенства и вообще общее недостаточное развитие русской культуры края естественно сказывались на священниках. Особенно сильно все эти факторы сказывались, наверное, на территории Киргизии, заселенной в основном крестьянами. Уездные города Пишпек и Пржевальск не могли, конечно, сравниться по своему культурному значению с Ташкентом и Верным, в которых концентрировались интеллектуальные и духовные силы Туркестанского края.

Просвещению разобщенного из-за дальности расстояний приходского духовенства особенно много внимания уделял епископ Димитрий. Он приложил много сил для созыва в 1908 году первого епархиального съезда туркестанского духовенства, а также основал журнал «Туркестанские Епархиальные Ведомости», что способствовало просвещению не только среднеазиатского духовенства, но и всего русскоязычного населения. Чтобы оценить усилия владыки по проведению этих мероприятий в Туркестане, укажем на то, что в беднейшей епархии не было даже шрифтов (это в 20 веке!). Два предыдущих епископа не решились благословить издание журнала из-за его слож-

ности и дороговизны, да и учрежденный в 1906 году журнал с трудом пробивался в свет по свидетельству его редактора о. Михаила Андреева: «Город Верный, удаленный на тысячи верст от торговых и промышленных центров, не может быстро обставить даже такое небольшое издание, как Епархиальные Ведомости, а для того, чтобы иметь все нужное для печатания, приходится ожидать месяцы... Владыка несколько раз предлагал мне свои средства на оборудование технической стороны, но никакие средства не в состоянии были в короткий срок достать необходимый материал». И все-таки журнал стал выходить и «служить пока единственной связью между разбросанным на тысячеверстные расстояния духовенством».⁵⁷

Епископ Димитрий много внимания уделял нравственному облику священников, их воспитанию. Провинности житейского характера (пьянство, корыстолюбие и пр.) наказывались Духовной Консисторией обычным порядком – замечаниями, запрещениями в служении, отправлением на несколько месяцев в Иссык-Кульский монастырь для исправления. А сам архиерей особенно следил за внутренним состоянием священников и за точным, усердным исполнением ими богослужебного устава – не только его буквы, но и духа. В 1909 году Пишпекский благочинный о. Александр Никольский получил от владыки Димитрия следующее вразумление: «До слуха моего дошло, что во вверенном Вам благочинии не всегда праздновали день Памяти Святителя Христова и Чудотворца Димитрия, Митрополита Ростовского, что даже вблизи города Пишпека, в храме пригородного села Лебединского не было в этот день Божественной Литургии, хотя местный священник был дома и вполне здравствовал. Немедленно дознать о преступной небрежности некоторых о.о. Настоятелей и подробно донести мне.

Кроме того, прошу сообщить, на каком основании о. Сергей Удалцов счел себя необязанным идти на встречу ясновыраженному желанию своего архипастыря, встретить и проводить Св. Икону Святителя Христова Николая, крестным ходом проследовавшую не только через село Лебединское, но и мимо вверенного ему храма Божия... Все это меня крайне огорчает и возлагает святой долг сказать некоторым: «блюдите, како опасно ходите».⁵⁸

День памяти святителя Димитрия Ростовского, составителя 12-ти томного собрания «Жития Святых», этого «Златоуста Российского», как именует его туркестанский епископ Димитрий, особо почитался им как праздник своего небесного покровителя. Он не относится к числу двенадесяти или великих праздников, в которые устав предписывает обязательно совершать Божественную Литургию. Можно подумать, что вышеприведенный документ содержит просто придирчивые замечания начальства к своим подчиненным по

незначительным поводам. Так, наверное, могли думать не только наши современники, но и «некоторые отцы настоятели» имперского периода. Но если вспомнить, сколько приходов и священников было в ведении туркестанского архиерея, ту интенсивную организационную и просветительскую деятельность, которую он вел при управлении своей обширной епархией, то становится понятным, что владыкой Димитрием двигала не пустая придирчивость, а любовь к своему небесному покровителю и серьезная озабоченность по поводу проявленного священниками равнодушия.

Какими хотел видеть владыка Димитрий священников своей епархии, хорошо показывает его обращение «О.о Настоятелям церкви Туркестанской епархии для руководства и неуклонного исполнения». В этом документе, написанном по поводу обращения к православию иноверцев, в частности иудеев, есть следующие слова: «Пастыри Русской Православной церкви постоянно живо и твердо должны помнить, какое великое счастье для них быть сынами-гражданами Православной Русской Империи, видеть на престоле Царском Помазанника Божия, Первородного Сына общей Матери нашей церкви, защитника и покровителя Ея Веры, благочестия, чувствовать, что история родной церкви есть история и их Отечества, иметь радость говорить, что Русское Государство и Русская Христова Церковь это синонимы. Может ли быть для истинного христианина в земной жизни что либо выше этой радости, этого счастья? Сколько народностей христианских, лишенных этой радости, день и ночь вздыхают ко Господу об этом блаженном состоянии! Вот и мы в благодарность Господу за это счастье, за этот великий дар милости Его к нам, и обязаны стоять всегда на страже охраны нашего Отечества».⁵⁹ Этот документ, подписанный владыкой Димитрием, так же как и другие, которые, цитируются в этой работе и публикуются в Приложении, ярко демонстрирует пылкий и одновременно государственный ум этого замечательного архиерея.

Только одно начинание по воспитанию и образованию священников архиепископа Димитрия не увенчалось успехом – создание духовной семинарии. Она была учреждена в 1915 г. в Ташкенте на средства ташкентского комерции-советника Н.И. Иванова, известного жертвователя на церковные нужды. К этому времени на 250 тысяч православного населения Туркестанского края в епархии служило около 150 священников, 50 диаконов, 60 псаломщиков. Семинария призвана была пополнять ряды епархиального духовенства местными кадрами, но из-за революции она не успела развернуть свою деятельность.

1.4. Благотворительность и просвещение в Туркестанской епархии

Благотворительная деятельность

Благотворительную деятельность Православной Церкви в Туркестане, по мнению О.Р. Каретниковой, посвятившей целую статью этой проблеме, можно разделить на три ступени. «Первой ступенью... являлся самый прямой и широко распространённый её вид – тарелочные, кружечные и кошельковые сборы, производимые во время богослужений на вполне определённые нужды».⁶⁰

Посмотрим, на что жертвовали деньги небогатые пишпекские горожане. В 1905 году, например, пишпекский благочинный отчитывался о сборах в пользу Общества восстановления православия на Кавказе, на улучшение быта православных паломников в Палестине, на призрение бедных духовного звания, в пользу православного миссионерского общества, на распространение православия между язычниками империи, на «вспоможение беднейшему православному духовенству».

В другие годы собирались средства в пользу Российского общества Красного Креста, на содержание церковно-приходских школ, для учреждения в Ташкенте отделения Комитета попечительства о глухонемых и слепых, в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине, в помощь Братству во имя Царицы Небесной для ухода за слабоумными, эпилептиками и калеками.⁶¹ В 1916 году пожертвования в храмах Пишпека собирались, например, на такие цели: сооружение и содержание беднейших церквей в империи, в пользу Иерусалимской церкви Св. Гроба Господня, в пользу нуждающихся славян, в пользу церковно-приходских школ.⁶² Некоторые статьи из года в год повторялись, на другие нужды проводились разовые сборы. Для этого по приходам от епархиального начальства поступало распоряжение огласить Указ Императора или Указ Святейшего Синода о разрешении сбора «доброхотных пожертвований» на какое-либо дело, например, в помощь семьям павших в бою под Лейпцигом, на памятник на месте Бородинского сражения и т. п.⁶³ Такие указы в свою очередь рассылались благочинными по приходам с требованием объявить о них прихожанам в ближайшее воскресенье.

Одна церковь за год могла собрать на такие целевые нужды от нескольких десятков до нескольких сотен рублей. Эти сборы в отличие от пожертвований прихожан на свой храм, можно назвать благотворительными сборами. Такое наименование представляется более

точным, чем предложенное О. Р. Каретниковой «кружечные, кошельковые, тарелочные сборы». Такие пожертвования действительно собирались в кружки с надписью, на что собирают, – или в тарелки и, может быть, в народе так и назывались. Но дело в том, что все остальные церковные пожертвования, цель которых обозначалась более расплывчато: на храм, на ремонт храма (своего), тоже производились в кружки и тарелки. И именно такие сборы в отчетных и клировых ведомостях именуются кружечно-кошельковыми. А благотворительные деньги именуются «пожертвованиями на разные нужды» или «переходящими суммами».

В целом церковные сборы представляли собой значительные средства (сотни тысяч рублей) по епархии, которые составлялись из небольших сумм, собранных в каждой отдельной церкви. Благодаря целевым сборам, Церковь регулировала пожертвования прихожан, направляя их в руки нуждающихся, борясь с профессиональными нищими. Сборы также регулировались императорскими указами. Во время Первой мировой войны дозволялись только сборы на военные нужды.

Своими средствами – материальными, людскими и духовными – каждая церковь могла принять активное участие во всех богоугодных заведениях края и всей России в целом. В Туркестане было создано несколько приютов для сирот с начальной школой для русских и местных детей, в Ташкенте открыты Дом Труда, ночлежный приют и бесплатная столовая, постоянно улучшалось состояние губернской тюрьмы, организовывался сбор средств среди священников в пользу нуждающихся крестьян-переселенцев. Это уже следующая ступень церковной благотворительности. На этом уровне церковно-приходские попечительства играли организующую роль, оказывая непосредственную помощь за счет пожертвованных денег, продуктов, личного участия. К 1914 году церковно-приходские попечительства были во многих благочиниях Туркестана, в том числе и в Пишпекском. В это время больше всего внимания уделялось оставшимся без кормильцев семьям солдат. О.Р. Каретникова приводит такие примеры благотворительности: в ноябре 1914 года «попечительными советами восьми приходов 1-го Пишпекского благочиния оказана помощь 84 семьям призванных на военную службу – им было выдано 19 пудов пшеницы, 3 пуда ячменя, и еще 338 руб., из которых 98 собраны советами и 240 опущено сельскими обществами... В декабре 1914 года...⁶⁴ по 2-му Пишпекскому благочинию выданы пособия 10 семействам.

Наиболее остро потребность в церковной помощи ощущалась во время бедствий – при столь частых в Туркестане землетрясениях, во время военных действий, восстаний. Иссык-Кульский монастырь, сам разоренный, предлагал свою помощь жителям соседних сел, пострадавшим во время восстания 1916 года.

Особенную помощь – пример мужества, твердости духа и покорности воле Божией – подал владыка Неофит своей пастве при сильном землетрясении. Г. Верный был почти полностью разрушен. Едва спасшись из-под развалин своего помещения, архипастырь призвал свою паству к молитве и личным примером привлек всех к работам по восстановлению собора – сейчас это называется «психологической помощью». И в последующие дни ежедневно служил церковные службы под открытым небом и во временных храмах. Также неравнодушно относились к своей пастве приходские священники. В.Я. Галицкий и А.П. Ярков приводят следующий пример: «...землетрясением 1889 года была разрушена ... церковь в селе Сазоновском. Сазоновский священник оказался мужественным человеком и, несмотря на собственные беды, выехал вместе с псаломщиком в соседнее селение Уй-Тал (где был молитвенный дом), чтобы похоронить убитых и успокоить страждущих. С той поры это село было причислено к Сазоновскому приходу».⁶⁵ Этим молодым священником был замечательный туркестанский пастырь из «григорьевцев» о. Михаил Андреев. В Сазоновке под его руководством вместо разрушенной церкви построили прекрасный храм, а в Уй-Тале он создал «церковь-школу». О. Михаил Андреев, переведенный в Верный, а затем в Ташкент, стал первым редактором «Туркестанских епархиальных ведомостей» и активным участником – лектором и организатором – Казанско-Богородичного Братства.

Казанско-Богородичное братство образовалось в 1886 году на базе Семиреченского Православного Церковного братства, организованного в 1869 году генералом Колпаковским. Это братство содержало приют и школу, в которых вместе воспитывались сироты разных национальностей, кроме того, братство помогало бедным детям, изыскивая для них материальную помощь у частных лиц и организаций. На этой, третьей, ступени благотворительности православные нередко действовали совместно с мусульманами. На устройство приюта для сирот бухарский эмир Саид Алимхан прислал десять тысяч червонцев, случались пожертвования и от мусульманских купцов, и от духовенства. В таких заведениях обязательно преподавался Закон Божий: для русских детей – православным священником, для местных – муллой.

Братство – это особая форма благотворительных обществ, можно сказать специфически славянская и исключительно православная (были еще, правда, братства униатские). Современный исследователь братского движения Ю. Г. Марченко пишет: «Православные братства существовали... в Сибири, на Камчатке, в русских колониях за рубежом (например, в Китае). Деятельность этих братств была весьма разнообразной, но в ней всегда выделялась какая-нибудь преимущественная сторона. Одни братства, поволжские, сибирские, даль-

невосточные, а также зарубежные, сосредотачивались более всего на миссионерской деятельности..., другие сосредотачивались на благотворительности. Были православные братства, строившие приюты и школы исключительно для детей, рожденных слабоумными и с другими психическими отклонениями. Были и сугубо трезвеннические православные братства. Особенно широко они стали распространяться с конца 50-х годов XIX века, когда развернулось широкое крестьянское трезвенническое движение, направляемое, как правило, приходскими священниками». ⁶⁶ В Туркестане священник Г.С. Петров организовал Общество трезвости, местные отделения которого вскоре распространились по всему краю. В Чуйской долине в начале 20 века действовало такое братство трезвенности. Методы его работы были совершенно церковными: проповеди, организация вечеров с показом световых картин. В декабре 1910 года Братья трезвенники пожелали перенести икону Св. Димитрия из Пишпека в Токмак крестным ходом с молебными пениями перед ней. Владыка Димитрий дал свое благословение, и этот нелегкий крестный ход (шестьдесят километров пешком с несением икон и тяжелых хоругвей) состоялся. ⁶⁷

Миссионерская деятельность

В 30-80-х годах 19 века повсюду в дальневосточных и азиатских регионах Российской империи шла активная миссионерская деятельность по обращению в православие коренных жителей – язычников и ламаистов по вероисповеданию. В 1830 г. епископ Тобольский Евгений, намереваясь открыть миссию среди кочевников Средней Азии, обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой приказать властям Кокчетавского уезда покровительствовать и помогать миссии. Губернатор отвечал, что разрешить открытие новой миссии ему не позволяет постановление Сибирского комитета от 24 февраля 1828 года «о приостановлении всякого действия в киргизской степи», ⁶⁸ хотя в остальных регионах азиатской России обращение в православие народов шло очень активно. Эта деятельность была чрезвычайно успешна благодаря трудам настоящих подвижников, добровольно отправлявшихся в эти суровые и нищие края для распространения христианства. Особое место среди русских миссий занимала Алтайская, основанная иеромонахом Макарием Глухаревым. Современный историк И.К. Смолич так характеризует этого талантливой организатора просвещения среди алтайских народов: «Макарий не измерял свои успехи количеством обращенных и не старался поразить Святейший Синод числом крещений.... Он стремился к воспитанию тех, кого крестил, в истинно христианском духе и отвергал обычные методы обращения с помощью денежных премий

и льгот. После крещения он часто посещал новообращенных и оставался в духовном общении с ними».⁶⁹ После о. Макария Глухарева над просвещением язычников трудилось много миссионеров, и в результате их деятельности к 60-м годам 19 века было обращено в православие более пяти тысяч человек, переведены на алтайский язык богослужебные и евангельские тексты, было основано два миссионерских монастыря, 10 станом с 11 храмами и школами. Именно от этой по-настоящему успешной Алтайской миссии в 60-х годах отделилась миссия среди «киргизов» (киргизов и казахов). В 1968 году для проживающих на юге Алтайского региона кочевников-«киргизов» был открыт специальный миссионерский стан. Макарий Глухарев интересовался «киргизами», во время своих кочевий добравшихся до Алтая. Его последователь, архимандрит Владимир (Петров), в 1880 г. объехал район Семипалатинска, пришел к выводу о необходимости миссионерства среди киргизов* и доложил об этом Священному Синоду. На этот раз Синод разрешение выдал, и в 1882 г. была основана Киргизская миссия как часть Алтайской. С 1895 Киргизская миссия стала самостоятельной. Она находилась в подчинении Омского епископа, имела центр в Семипалатинске и пять миссионерских станом. Об успехах этой миссии среди степных кочевников Казахстана свидетельствует иеромонах Владимир (Утегенов)⁷⁰ Но в целом, можно согласиться с И.К. Смоличем, который пишет: «Как и повсюду, где миссия боролась против ислама, успехи ее были небольшими».⁷¹ Повсюду, добавим от себя, особенно среди собственно киргизов (кара-киргизов). Причем эта неуспешность не была следствием особой активности или особой притягательности ислама для языческих народов среднеазиатского региона, дело заключалось в том, что массовое обращение казахов и киргизов в православие тормозилось и из центра, и губернскими властями с самого начала присутствия в Семиречье русских. Несмотря на то, что российские государственные законы вменяли Православной Церкви миссионерскую деятельность в обязанность (согласно Уставу духовных консисторий «епархиальное начальство печется о просвещении истиннами веры язычников и нехристиан»⁷²), несмотря на то, что в качестве первенствующей в Российской империи Православная Церковь⁷³ имела монопольное право на миссионерскую деятельность, государство в лице начальников Туркестанского края разворачивать миссионерскую деятельность в Средней Азии не позволяло.

Тем не менее, попытки Церкви организовать миссию среди кочевников Семиречья не прекращались во время всего имперского периода. Епископ Григорий пытался просвещать язычников Киргизии, но

---

* Имеются в виду в основном казахи.

генерал-губернатор Вревский остановил его деятельность указом о передаче религиозных дел кара-киргизов в ведение сартского (узбекского) мусульманского духовенства. В качестве миссионерского создавался мужской Свято-Троицкий монастырь на Иссык-Куле. Он и существовал отчасти на средства Православного миссионерского общества России, но делом обращения кочевников в христианство так и не стал заниматься, хотя в монастырской школе обучалось немало киргизских детей. В итоге, среди народов Туркестана были лишь единичные случаи перехода местных жителей в христианство. К началу 20 века приняло христианство 8 кара-киргизов, 2 туркмена, 3 сарта, 1 перс.

В Туркестане влияние мусульманского духовенства было огромным, и русская администрация опасалась вызвать его неудовольствие. В инструкциях, направляемых в Туркестан, категорично указывалось чиновникам проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман. Имперские власти следили, чтобы ради спокойствия в крае русское присутствие никак не отразилось на обычаях и вере местных жителей.

Не только мусульман и «находящихся в ведении муллы язычников из кара-киргизов» не торопились обращать в православие, но даже и к случаям перехода в православие католиков, лютеран и иудеев в епархии относились крайне осторожно. Губернские власти не приветствовали смену вероисповедания, которая была чревата возмущениями среди инославных общин, а духовные власти призывали с осторожностью совершать обряд крещения над иноверцами из-за того, что иногда христианство принималось не по идейным убеждениям, а с целью достижения житейских преимуществ. В этом вопросе губернское и епархиальное начальство проявляло полное единодушие. Ошская Уездная Управа в 1903 году предписывает «всем католикам, лютеранам, евангелистам и евреям, желающим креститься, испрашивать дозволения в местах своей приписки».⁷⁴ Конечно, такие предписания осложняли практику обращения в православие. Особенную бдительность с этой точки зрения должно было проявлять в случаях крещения евреев, которые иногда, желая обойти закон о черте оседлости, принимали православие только для видимости. Послание владыки Димитрия «О.о. Настоятелям церквей Туркестанской епархии для руководства и неуклонного исполнения»⁷⁵ предписывает во всех случаях перехода в православие «в точности держаться существующих церковно-государственных узаконений...» Далее следует подробное уточнение этих правил, которые, очевидно, не вполне соблюдалась священниками, но были обязательными. Для нас послание интересно как пример особой заботы епископа Димитрия о том, чтобы миссионерская деятельность проводилась не для отчета, не

для формального совершения таинства крещения. Кроме того, этот документ проясняет общую практику крещения взрослых иноверцев. Желающий принять христианство должен был обратиться с письменной просьбой об этом к одному из священников. Некоторые священники направляли таких людей к архиепископу, но владыка указывал, что «так как крещение иноверца не требует особого епископского разрешения, то совершенно незачем делать это, ибо сам священник в праве принять просьбу и приступить к подготовке просителя к крещению». ⁷⁶ Приняв просьбу, священник прежде всего должен спросить желающего креститься «о Христе Боге нашем. Если проситель не сумеет ясно и определенно исповедать свою веру во Христа, если он не сможет сказать, что Христос – обетованный от века Мессия во плоти, Бог, Агнец Божий, вознесенный на кресте, воскресший и вечно живой Богочеловек. Единородный сын Божий, Господь Спаситель мира, то с таковым, очевидно не желающим знать основную истину Христианского упования, нечего и иметь дело, а прямо нужно ему отказать». ⁷⁷ После этого священник (в случае, если проситель – иудей) обязан был потребовать представления свидетельства от местной полиции о праве его постоянно или временно проживать вне черты оседлости. Требовалось также «подробное удостоверение, выданное законными властями о том, что он не занимается постыдным для христианина ремеслом и ни в чем предосудительном не был замечен». ⁷⁸ Был случай в Туркестанской епархии, когда один из священников готовил к крещению человека, владельца дома терпимости. ⁷⁹ Для предотвращения подобных случаев и собирались эти официальные, а «по возможности и частные сведения» о желающем креститься. Священник должен был также избегать принимать в Церковь одного из супругов, «мирно живущих между собой и впредь желающих сохранять союз супружеский». ⁸⁰ «Огласительный срок* должен быть продолжительным... до крещения оглашенный обязан посещать храм Божий и, изучая заповеди Божии, расположить жизнь свою по ним. Жилище оглашаемого должно принять вид христианского дома...». ⁸¹ Дальнейшие указания: посещать дом новокрещенных, помогать им «всячески ассимилироваться с православным русским населением», ⁸² «следить за соблюдением ими всех обязанностей православного христианина, – явно направлены на предотвращение случаев формальной смены вероисповедания.

Строгий подход к совершению Таинства крещения над иноверцами резко ограничивал число перешедших в православие жителей Туркестанского края. Миссионерская деятельность здесь была в

---

* Огласительный срок – время подготовки к крещению. Оглашаемый – человек, готовящийся принять крещение.

основном направлена на предотвращение случаев перехода православных в мусульманство, в другие конфессии и секты. И когда наконец в 1912 году была учреждена Туркестанская миссия, целью ее, по определению Синода, стала борьба с влиянием и пропагандой ислама среди православных. Ее возглавил известный очень талантливый проповедник Ефим Елисеев, хорошо знакомый с исламом по своей предыдущей службе в Поволжье. Он работал очень активно, но обратил в Туркестане в православие лишь нескольких мусульман.

Духовное просвещение

До принятия в 1905 году Закона о веротерпимости* в Российской империи к тем, кто менял православную веру на какую-либо другую, и к тем, кто совращал христиан, применяли уголовные и административные наказания. Каждый отдельный случай разбирался на уровне губернаторов согласно 184 и 185 статьям «Уложения о наказаниях», но вряд ли у кого возникали сомнения, что такими мерами по-настоящему бороться со случаями смены вероисповедания нельзя. Два высказывания, помещенные в книге П.П. Литвинова,⁸³ подробнейшим образом изучившего эту проблему, хорошо очерчивают круг вопросов, стоявший перед представителями военной и духовной власти в Туркестане. Губернатор Семиреченской области М. Фольбаум писал, что «при переходах православных в магометанство существенную, а иногда и главную роль играет низкая степень нравственных и религиозных понятий»,⁸⁴ поэтому административно-полицейские мероприятия в таких делах совершенно бессмысленны, и архиерею «следует повысить требовательность к религиозно-воспитательной работе среди прихожан».⁸⁵ Не отрицая необходимости духовного просвещения, епископ Димитрий выдвигает краевой администрации встречные претензии, делая акцент на другой причине перехода в мусульманство необразованных нищих переселенцев. Он пишет в 1912 году, что самовольный переселенец поначалу находится в состоянии крайней бедности, «и если в это время к нему сумеет подойти ловкий пропагандист, умеющий вовремя показать измученному человеку, что с переходом в мусульманство и присоединением к обществу, хотя бы киргиз, так легко решить вопрос о месте оседлости и нарезке земли, то прозелит магометанства уже готов».⁸⁶

П.П. Литвинов, проанализировав множество случаев перехода в ислам православных, систематизирует их, определяя мотивацию смены веры так: «чувственное «увлечение», беспутный образ жизни, корыстные материальные соображения»⁸⁷. В статье, специально посвя-

---

* Царский указ «О укреплении начал веротерпимости» был издан 17 апреля 1905 года.

щенной этой проблеме, П.П. Литвинов рассматривает массу интереснейших примеров из архивов (десяток случаев касается православных, раскольников и сектантов Киргизии), когда женщины, выходя замуж за мусульман по любви или по расчету, переходили в ислам, отцы семейств изменяли христианству за земельный надел или отдавая замуж дочерей за калым, юноши, меняя веру и образ жизни, скрывались от воинской повинности – приходит к выводу: «реальной угрозы «исламизации» христианского сообщества в Русском Туркестане, конечно, не существовало... из всех довольно многочисленных случаев перехода христиан в ислам в Туркестане, ни один не был связан с глубокой внутренней убежденностью христианина-рenegата в том, что он переходит в веру, которая по своим религиозным ценностям является более возвышенной, нежели учение Христа... Такого случая не было, потому что, по мнению автора, быть не могло».

Конечно, реальной причиной перехода в мусульманство во всех случаях было маловерие или вообще отсутствие веры. К концу 19 века все более увеличивалось число русских, которые были православными лишь по имени, по привычке или по традиции. Отход от веры совершался не только среди высших слоев, о чем принято говорить и в художественных, и в публицистических, и в научных изданиях. Секуляризация коснулась и рабочих, и, в меньшей степени, крестьянства и купечества – иначе не было бы революции и последовавшей за ней почти успешной борьбы с религией. Ярко характеризует с этой точки зрения жителей туркестанских городов епископ Димитрий: «В Туркестанских городских поселениях, возникавших как опорные военные пункты в завоеванной стране, первыми русскими насельниками невоенного звания были маркитанты, торговцы, искатели наживы, поставщики всего, на что был спрос в войсках, авантюристы часто с преступным прошлым... С проведением железных дорог и развитием торговли и промышленности в городах Туркестана... русские города разрослись... появились разные учебные заведения, общественные и благотворительные учреждения, водопроводы, освещение... Но религиозно-нравственная жизнь православного населения и теперь не улучшилась, и теперь продолжает служить соблазном для покоренных мусульман, оказывая и на них свое развращающее влияние. Если прибавить к этому ярко проявившееся в революционные годы отрицательное отношение к религии со стороны большинства городской интеллигенции и усилившуюся пропаганду неверия и социализма среди рабочего класса, то будет понятно, какого внимания со стороны пастырей, каких трудов и сил требует городская паства».⁸⁸ В другом своем послании о сельских жителях епископ Димитрий писал так: «Если где, то особенно в Туркестане, изобилующем населением пришлым, полукочевым, отвык-

шим от вековых церковно-исторических традиций, прирожденных коренному русскому населению внутренних губерний, особенно необходимо пастырям церкви приложить все усилия к воспитанию своей паствы на истинно христианских, глубоко-русских началах».⁹⁰

Кроме епископов и священников делом духовного просвещения православных занимались образованные миряне. Члены Семиреченского братства после первых проведенных занятий со взрослыми отчитывались: «простой народ... не имеет ясного правильного понятия об основных началах православной религии и о нравственности, ... из 50 слушателей только двое довольно правильно, но не безошибочно могли прочесть текст символа веры, конечно, без всякого понимания прочитанного, ... только трое из 50 слушающих оказались знающими, кто Иисус Христос. На беседах этих открыто также, что простой народ не имеет ни малейшего понимания о том, что он слышит и видит при богослужении».⁹¹

Очевидно, что потребность в духовном просвещении крестьян, казаков, ремесленников и торговцев для укрепления веры, предотвращения случаев перехода в мусульманство и уклонения в секты была в Туркестане очень сильной. Кроме братств, которые действовали в основном в городах, образованием православного населения края занимались церковно-приходские попечительства и библейские общества при церквях – в епархии таких было около сотни в конце имперского периода. В крае открывались библиотеки, устраивались народные чтения. При многих храмах действовали приходские начальные школы, и, наоборот, при гимназиях и училищах создавались храмы.

В деле образования, как и во многих других начинаниях Туркестанской епархии, ярко выделяются две фигуры: о. Андрея Малого и епископа Димитрия. Первая мысль об устройстве училищ в среднеазиатской степи принадлежала епископу Оренбургскому и Уфимскому Антонию, в ведении которого было значительное число среднеазиатских храмов. По его указу о. Андрей начал обучение детей по программе, составленной им самим. Он был законоучителем в уездном училище, а в приходском вел преподавание по всем предметам. По его программе обучались во всех приходских школах Туркестана.

Один из туркестанских священников, протоиерей Владимир Антонов, в 1912 году писал: «Духовенство много пота и крови потратило на школы. В материальном отношении школа не приносит священнику ничего, кроме труда. Вместо благодарности духовенство часто получает выговоры, испытывает массу тревог и огорчений со стороны светских».⁹² Не оспаривая это мнение, укажем, что в разное время в материальном отношении прибыль от школы священникам была разная. Несомненно, были различия в оплате труда священников в городе и селах. В селах общества крестьян могли сами назначить и

выплачивать жалование священнику, чаще всего натурой. За преподавание Закона Божьего в городских школах и училищах священники получали от государства установленную прибавку к жалованию. К концу имперского периода она могла составлять от 150 до 900 рублей в год. Закон Божий преподавали во всех русских учебных заведениях Киргизии (их было около 100).

В г. Ош приходское училище, созданное в 1878 году, в течение десяти лет (до открытия русско-туземной школы) оставалось единственным учебным заведением в области. Дети чиновников, офицеров и других зажиточных горожан получали здесь начальное образование по программе для школ Туркестанского края с тем, чтобы потом иметь возможность поступить в среднее учебное заведение. Число учащихся постоянно возрастало и к 1913 году достигло 64.⁹³ Здание церковно-приходской школы Серафимовского храма г. Пишпека, в котором училось около 50-ти девочек, до сих пор сохранилось на углу улиц Киевской и Уметалиева. Это, хотя и одноэтажное, но очень основательное, кирпичное, на высоком фундаменте с большими красивыми окнами строение.

Само преподавание Закона Божьего всегда зависело от личности учителя-священника, от его отношения к делу. Усовершенствования в систему преподавания Закона Божьего вводил владыка Димитрий,⁹⁴ стараясь избежать столь частого в этом деле формального подхода. Именно при нем Казанско-Богородичное братство объединило талантливых священников-проповедников и образованных мирян для просветительской и благотворительной деятельности. Заботясь о духовном просвещении взрослых, владыка открыл религиозно-просветительские общества в гг. Верном и Ташкенте. Среди людей, близких к нему были выдающийся просветитель края Н.П. Остроумов, архитектор А. Зенков и др. Эти образованные и талантливые люди организовали чтение лекций на духовные темы. На такие беседы собиралось до тысячи человек. Кроме того, устраивались концерты духовной музыки, благотворительные рождественские «елки» и другие праздники с просветительским чтением для детей. Население киргизских городов, состоявшее в основном из крестьян и торговцев, не могло соперничать с Ташкентом и Верным в деле просвещения. Кроме того, энергичных и образованных священников, могущих организовать в своем приходе какое-либо культурное мероприятие, епископы, как правило, переводили поближе к себе в Верный, или в Ташкент*. А без благословения и личного участия священника любое дело в церкви становится мало-

---

* Так было, например, с о. Михаилом Андреевым, который начинал свою пастырскую деятельность в сельском храме на Иссык-Куле, продолжил ее в храмах Верного и Ташкента, где, уже при советской власти стал председателем Совета Союза приходов епархии и вместе с епископом Лукой активно боролся с ересью обновленчества.

эффективным. Но, тем не менее, и в Киргизии православные занимались просветительством. «Особенно добрую память, – пишут А. Ярков и В. Галицкий, – оставил по себе Константин Флорович Свирчевский – выпускник Санкт-Петербургского учительского института, бывший долгое время и регентом церковного хора, зачинателем многих интереснейших культурно-просветительских дел в Пишпеке».⁹⁵

Как и повсюду, в Киргизии главным источником просвещения становились книги. Самая большая в Пишпекке общедоступная библиотека, организованная о. Александром Никольским, существовала при Свято-Серафимовской церкви. Ею пользовались прихожане разных приходов, т. е. все пишпекские жители. В библиотеке Пржевальского храма насчитывалось более 1000 книг. Существовали библиотеки и при сельских храмах – по 100 (Нарын) – 300 (Покровка Иссык-Кульской обл.) изданий светской и духовной литературы. Священники некоторых церквей специально заботились о том, чтобы в приходе была антисектантская и антимусульманская литература. Священник села Петровское Пишпекского уезда о. Матфей Долмидовский в 1914 году посылал прошение в Православное Миссионерское общество «об оказании помощи печатным словом». Из столицы быстро пришел ответ с обещанием прислать «потребные для борьбы с мусульманством и сектантством брошюры и книги».⁹⁶ Это был обычный способ получения просветительской литературы. Военным священникам выделялось для антисектантского просвещения по 10 рублей в год, на которые приобретались брошюры.

Опасность влияния сектантов на православных христиан была вполне реальной. Хотя число сектантов в городах и селах Киргизии до революции была очень невелико, оно неуклонно повышалось. В 1910 году Пишпекском уезде зафиксировано около семидесяти сектантов (баптистов, штундистов и др. сект).⁹⁷ Они жили компактно в городах и только в нескольких крупных селах. При выделении наделов туркестанские власти учитывали конфессиональную принадлежность и старались расселять сектантов подальше от православных сел. Крестьяне, как правило, более категорично, чем городские жители, относятся к присутствию в своем обществе приверженцев неправославных христианских учений.⁹⁸ В Пишпекке происходил рост числа сектантов (штундистов и баптистов). В приходе Свято-Серафимовского храма, например, в 1910 году насчитывалось 4 двора штундистов, в 1916 году их было 10, а в 1918 – 50. В с. Беловодском только за один 1915 год стали сектантами 22 человека. Штундизм, или штундобаптизм имел значительное влияние среди русских на Кавказе, в Сибири и Средней Азии. Занесенное немецкими колонистами во второй половине 18 века и первоначально крайне враждебное к православию, учение штундизма к началу 20 века трансформировалось и не требовало уже от своих последователей резкого разрыва с православием. Именно поэтому

секта стала быстро увеличивать число своих приверженцев. Сами штундисты нередко считали себя по-настоящему православными людьми, участвовали в церковном богослужении, крестились⁹⁹, венчались и отпевали умерших близких по православному обряду. Многие православные начинали посещать собрания баптистов только потому, что там читалось Евангелие на русском языке, в то время как в Православной Церкви русская Библия была недостаточно распространена даже в начале 20 века. Видный дореволюционный специалист по расколу и сектам Н.И. Ивановский считает, что ответственность за распространение штундизма должна быть возложена на недостатки в церковной и общественной жизни, самым чувствительным из которых¹⁰⁰ был недостаток живой проповеди слова Божия в общинах.

В 19 веке особенную опасность для православных крестьян и казаков представляли секты «русского» происхождения. Западные религиозные учения казались чужими, а искажение веры, принимающее вид русского православного благочестия, могло обманом отторгнуть человека от Церкви. Такой случай, с которым особо разбирались власти, произошел с семьей казаков станицы Копальской, обманутой сектой иоаннитов.¹⁰¹ В Пишпекское благочиние было отправлено заключение следственного дела по поводу этого происшествия для предотвращения подобных случаев.¹⁰²

Брошюра рассказывает, что иоаннитки встречались на улицах Верного и в некоторых селах (Копале, Лепсинске), одетые в черное, с предложением купить поучения о. Иоанна Крондштатского, «дорогого батюшки», как они его называли, и о «разоблачении» решений Киевского миссионерского съезда, который осудил неразумных приверженцев крондштатского пастыря за тайную проповедь об о. Иоанне как о воплощении Бога на земле. Сам о. Иоанн Крондштатский проклинал их, печатный орган секты «Крондштатский Маяк» отсылал, не распечатывая, их руководителя, М. И. Петрова, который провозгласил себя архангелом Михаилом, прогнал без прощения, пока он не покается публично и не осудит своих последователей. В Семиречье иоаннитки выдавали себя за послушниц Иоанновского монастыря в Петербурге «и небезрезультатна была проповедь их».¹⁰³

Епископу Димитрию сообщили из Петербурга, что 27 сентября в Странноприимном доме, который содержала община в честь о. Иоанна Крондштатского, поселился приехавший в Петербург для поклонения гробнице покойного о. Иоанна казак Семиреченской области станицы Копальской Иван Ильич Кошаров 37 лет с дочерью и свояченицей. У этого казака было 5 детей, отец был еще жив, служил урядником и являлся старостой Копальской военной церкви. Казак Кошаров давно почитал о. Иоанна, в 1897 г. был у него, причащался из рук крондштатского пастыря, получил в подарок его портрет.

Такой благонравный и благополучный во всех отношениях казак. Но в Петербурге он появился при очень странных обстоятельствах.

В сентябре 1910 года его станицу посетили 7 иоаннитов: 2 женщины, 4 девушки, 1 мужчина, Александр Веснин 30-ти лет, которые «ходили по домам, продавали духовного содержания книги, пели духовные стихи, собирали пожертвования». Побывали они и в доме казака Ивана Кошкарова. Все его благочестивое семейство с умилением слушало назидательные беседы, песни. Странники остались ночевать в их доме, а наутро уговорили отпустить с ними дочь в Петербургский Иоанновский монастырь. Кошкаров дал всем по рублю и еще 50 рублей старшей дочери Марии, которую решил отправить с незнакомыми людьми в далекую столицу.

Иоанниты еще долго путешествовали по России и в Петербурге оказались только 18 декабря 1910 года. Дочь прислала письмо, где писала, что жила будто бы в отделении Иоанновского монастыря, что ей хорошо, и просила денег, звала также другую родственницу-девушку в этот же монастырь. Отец еще несколько раз посылал деньги на имя Анны Кузьминой, про которую ему сказали, что она настоятельница монастыря. В конце концов, через год Кошкаров поехал сам со свояченицей в Петербург, где обнаружил, что дочь его живет в каком-то подозрительном доме, больна и истощена. Впервые у отца появились сомнения в истинности этого «монастыря». Казак едва выбрался из дома сектантов, бросился в настоящий монастырь к гробнице отца Иоанна Крондштатского, где плакал о том, что потерял свою дочь и свояченицу. При помощи полиции вызволили вещи казака, освободили девушек, и устроили ¹⁰⁴ в монастырской гостинице. Часть иоаннитов была арестована.

Сектанты, обманувшие семиреченского казака, выдавали себя за православных, ссылались на авторитет всеми почитаемого священника Русской Церкви о. Иоана Крондштатского, теперь прославленного в лике святых. Их учение искажало православие незаметно для неискушенного в богословии простого народа. Именно поэтому им удавалось входить в доверие и привлекать к себе новых членов секты. Такие секты для благочестивых, но мало образованных крестьян всегда были самыми опасными, поэтому из столицы епископу Димитрию присылают подробную брошюру с описанием случая с казаком, а владыка в свою очередь рассылает ее благочинным, чтобы те через приходских священников донесли эту историю до всех прихожан (очевидно, в проповедях). История изложена живым, ярким языком, содержит массу бытовых и психологических подробностей, очевидно, это сделано для того, чтобы рассказ сильнее подействовал на простых прихожан. Это условие всегда принималось во внимание в просветительской деятельности.

1.4. Иссык-Кульский Свято-Троицкий монастырь

В православной Руси, как правило, главными центрами духовного просвещения становились монастыри. В Туркестане этого не произошло, потому что революция прервала только начавшуюся работу по созданию монастырских комплексов. Всего в Туркестанской епархии было образовано три монастыря: Свято-Троицкий мужской монастырь на берегу озера Иссык-Куль, Свято-Никольский женский монастырь под Ташкентом, Верненский Серафимо-Иверский женский монастырь. Во всех этих обителях к 1917 г. подвизалось около пятидесяти монахов и монахинь и около 70-100 послушников и послушниц. Кроме того, в Средней Азии существовало 3 женских общины, где проживало около 17-ти послушниц. Во владениях всех этих монастырей было 3940 десятин земли. Все эти цифры – мизерные по сравнению с другими районами Российской империи. Один Соловецкий монастырь, например, владел 66 тыс. десятин земли, что в 22 раза больше, чем все туркестанские монастыри и общины вместе взятые.¹⁰⁵

Иссык-Кульский монастырь (ныне несуществующий) был самым крупным и по количеству братии, и по духовному значению. Решение о его создании было принято в 1881 г. на основании докладной записки архиепископа Александра, который считал, что основное назначение монастыря должно заключаться в приобщении местного населения к российской цивилизации. Предполагалось, что монастырское благоустройство может стать проводником улучшенных способов земледелия и других сельскохозяйственных начинаний среди переселенцев и местных жителей и без посягательства на вероисповедание киргизов стать для них очагом просвещения и культуры. Местные православные крестьяне, склонные доверяться самозванным монахам, «чернецам и черничкам», которые в это время в большом множестве бродили по селам Семиречья, нуждались в правильном духовном просвещении. В планы епископа Александра входила также издательская и научная деятельность: создание типографии, музея древностей и библиотеки, для которых он предполагал преподнести в дар монастырю около 2000 своих собственных книг и коллекцию археологических предметов.

21 мая 1881 г. было освящено место в долине Курменты на берегу Узкого залива, в 12 верстах от села Преображенского. Монастырь освятили в честь Святой Троицы, так как приезд архиепископа Александра на Иссык-Куль совпал с праздником Троицы. Будущему монастырю были отведены 530 десятин 1100 сажень плодородной земли, т. н. «экономия», и 20 тысяч рублей из запасных средств Православ-

ного миссионерского общества. К монастырю было приписано село Озерно-Фольбаумовское, крестьяне которого обязаны были помогать монастырю,¹⁰⁶ для работ по монастырскому хозяйству нанимались также местные киргизские жители, а иногда и силой привлекались к уборке урожая начальником Пржевальского края Ивановым.¹⁰⁷

В течение 80-х годов в монастыре почти не было монахов – каждый год появлялось по несколько человек, но никто не задерживался надолго. Епископ Неофит, любивший посещать монастырь для уединения, обратился через Православное миссионерское общество и церковную прессу к монахам России, и нашел для обители руководителя – из Свято-Михайловской Афонской Закубанской пустыни приехал игумен Михаил с семью монахами. Одно время монастырем управлял иеромонах Иона из Троице-Сергиевой лавры. Устройству нового монастыря помогали прихожане и священники соседних сел. Очень опытный и образованный о. Александр Юзефович из с. Преображенского в 1885 года преосвященным Неофитом даже был награжден набедренником* за помощь Иссык-Кульскому монастырю.¹⁰⁸

Жители Сазоновки и Преображенского жертвовали деньги на колокола, на строительство храмов. Монастырь, еще малолюдный, стал благоустраиваться, появилась церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии, жилой корпус для братии, хозяйственные постройки: кухня, конюшня, сарай, – все из сырцового кирпича. Но, несмотря на все это хозяйство, монахи не задерживались. Настоятель Иона вернулся в родной подмосковный монастырь, еще несколько человек в 80-х годах покинули Семиречье. Сильнейшим испытанием для иноков стало землетрясение 1889 года, которое разрушило все постройки монастыря. Митрополит Владимир пишет, что перед началом землетрясения «сами собою» зазвонили колокола. Предупрежденные монахи успели покинуть помещения, и из них никто не пострадал. Церковь была разрушена, но престол, жертвенник, священные сосуды и иконостас остались невредимыми, потому что стены алтаря, где находились все эти святыни, упали наружу. «Однако, – продолжает владыка, – этот знак милости Божией не ободрил малодушных: напуганный игумен Михаил бежал в Россию и увлек за собой большинство братии».¹⁰⁹ В обители осталось всего три монаха из местных жителей.

Восстанавливали обитель «всем миром». Епископ Неофит лично следил за стройкой, туркестанская администрация выделила стройматериалы, Священный Синод – 2 тыс. рублей, Миссионерское общество – 6 тыс. рублей, о. Иоанн Крондштадский пожертвовал 5 тыс. рублей. В начале 90-х монастырь стал отстраиваться: восстановлен храм Оди-

---

* Набедренник – один из видов священнических наград – деталь облачения в виде квадратного платя

гитрии, заложен новый храм в честь Святой Троицы, возведены корпуса для монахов, различные мастерские. Еще в 1898 году при монастыре была открыта школа грамоты для местных и русских детей, теперь она была перестроена, закончен и освящен храм. Деятельность десятка монахов, прибывших на этот раз из сурового Валаамского монастыря*, была разнообразной. Главная – служба в храмах Святого Духа и Одигитрии – дополнялась преподаванием в школе и сельскохозяйственными работами: сенокосы, пасека, рыбная ловля, садоводство. Кроме того, монастырь служил для туркестанской духовной консистории местом ссылки провинившихся членов клира, священников, дьяконов. Вот только планируемой миссионерской деятельности не велось, как и по всей епархии. Последнее обстоятельство обычно является поводом для «попреков» в адрес Иссык-Кульского монастыря, которые стали звучать еще при существовании обители.

Протоиерей Михаил Колобов на съезде духовенства Туркестанской епархии в 1913 году заявил: «Исполнил ли свой нравственный долг Иссык-Кульский монастырь? Могу за него ответить: Не только не исполнил, но и не приступал к своему исполнению, так как его монастырская школа грамотности уже ни в коем случае не может выпустить основательно подготовленных проповедников, а среди его братии нет и не было такого вождя, который вывел бы обитель на ту миссионерскую стезю, идти по которой он обязан и перед Богом, и перед Родиной».¹¹⁰ Современные исследователи Православия в Туркестане продолжают эти обвинения. Е. Мазуренко цитирует М. Колобова с ясной целью показать несостоятельность Иссык-Кульского монастыря. П.П. Литвинов считает, что монахи разбегались из монастыря, «испытывая разочарование в своем предназначении», предпочитали путешествовать по селам Прииссыккуля, собирая «добротные даяния» верующих, вместо того, чтобы хоть как-нибудь повышать авторитет российской христианской цивилизации среди местного киргизского населения.¹¹¹ О.Р. Каретникова, перечисляя все монастырские начинания, заключает: «Этому не суждено было исполниться...», – и противопоставляет Иссык-Кульскому монастырю Ташкентский. Николаевская женская обитель, тоже переименованная затем в монастырь, по мере своих сил справлялась с выполнением проповеднических задач. В монастыре проходили обучение представители местных национальностей, были случаи увещания и возвращения отпавших из православия.¹¹² Только митрополит Владимир, перечисляя итоги монастырской деятельности, дает ей положительную оценку. «Перед революцией в Иссык-Кульском монастыре подви-

---

* Известно также о монахе Мелетии, прибывшем в 1898 г. из Глинской пустыни.

залось около восьмидесяти человек братии. При обители существовал приют, в котором воспитывались 36 мальчиков-сирот, для них была устроена школа, где преподавали образованные иноки. Обитель уже не нуждалась в пожертвованиях со стороны, а сама осуществляла благотворительную деятельность, вела обширное хозяйство. Монастырь имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор с тремястами голов скота, богатые рыбные ловли, две пасеки с 225 ульями, за год дававшими до трехсот пудов меда. Кроме того, братия выращивала урожай пшеницы, ржи и овощей на угодьях в две с половиной тысячи гектаров».¹¹³

Казалось бы, светские ученые абсолютно правы: проанализировав задачи, которые ставились перед монастырем при его создании и существовании (миссионерский, просветительский), рассмотрев результаты деятельности (проповедников не готовили, в православие не обращали, с местным населением отношения были разными, а иногда, как в 1916 году, и резко конфликтными), можно сделать вывод: свою задачу монастырь не выполнил. И это прозвучит тем более убедительно, если при этом сослаться на мнение какого-нибудь современника. В таком контексте и оценка, данная митрополитом Владимиром, не выглядит противоречащей – ведь церковный историк вообще обходит молчанием вопрос о миссионерском назначении монастыря и отношениях с коренным населением, делая упор на хозяйственном процветании обители и развитии ее как духовного центра для паломничества и поклонения святыням.

Можно пристальнее всмотреться в саму эту поставленную перед обителью задачу – быть «миссионерским монастырем». Если мы углубимся в историю Православия, то нигде такого типа организации монашеской жизни не найдем. Были разные уставы, разные типы монастырей, но миссионерских до второй половины 19 века не было. Это не значит, что монахи нигде до этого не занимались обращением в христианство местных жителей, это значит, что никто из создателей православных обителей так цель их существования не определял. К концу 19 века в России насчитывалось около 20 миссионерских монастырей, в основном в Заволжье, Приуралье, в западной и Восточной Сибири. В Казанском Спасо-Преображенском монастыре располагался центр миссионерской работы с учеными, этнографами и историками, с профессиональными проповедниками, издательством и миссионерскими курсами и съездами. Все эти монастыри возникли в 17 веке обычным порядком, монахи тогда много потрудились над обращением в православие язычников и мусульман и как бы заслужили особенное право для своих обителей называться «миссионерскими» и продолжать свою эту преимущественную деятельность. Некоторые монастыри во второй половине 19 века возникали сразу как миссионерские – для новообращенных черемисов, алтайцев, татар с

целью предупредить их обратный отход от православия. Мы видим, что ни под один из этих типов Иссык-Кульский монастырь не подходит. Миссионерская задача была определена перед ним априори, как перед неким государственно-идеологическим учреждением – не было ни подвижников-монахов, посвятивших свою жизнь проповеди Евангелия, не было новообращенных, была лишь идея, которая из-за отношения туркестанской администрации к миссионерству изначально была больше похожа на мечту, чем на стимул к деятельности. Мы не дерзаем утверждать, что основатель епископ Александр не мог объективно оценить обстановку, в его докладной записке эпитет «миссионерский» сразу прилагался с оговорками – «без посягательства на вероисповедание». По всей епархии работа по христианизации не велась, почему бы она удалась монастырю? Осмелимся предположить, что вопреки названию такая задача перед Иссык-Кульским монастырем и не ставилась и оценивать его с этой точки зрения некорректно.

Другая проблема – в оценке действий иссык-кульских монахов. Не решаясь обсуждать побудительные мотивы их поступков, заметим, что задачей православного монашества является молитвенный подвиг, исполнение монашеских обетов, т. е., в первую очередь, личное спасение, а не благотворительность, распространение цивилизованных способов хозяйствования, просветительство или что-нибудь иное, что ставилось обычно во главу угла в католических монашеских организациях. Радующее глаз экономическое процветание монастырей оправдывает в глазах секуляризированного мира само существование монашества как института, но не может являться безусловным свидетельством его духовного преуспевания, а значит, и культурного значения. Осознавая чрезвычайную сложность этого шага для обычного человека, сделаем все-таки попытку взглянуть на иссык-кульское монашество с точки зрения его духовного подвига.

Свято-Троицкий монастырь основывался «сверху», желанием епархиальных властей и «пожалованиями» от государства. Это был один из двух обычных способов возникновения монастырей, преобладавший в Киевской Руси. С 14 века основателями монастырей все чаще становились монахи, когда вокруг какой-нибудь уединенной в труднодоступном месте келии собирались ученики подвижника, жаждавшие спасения и духовного совершенства. Как писал В.О. Ключевский, «помыслы о пустынном безмолвии завершались основанием монашеской земледельческой общины», причем пожалование монастырю «строити на пустом месте, на диком лесу, братию собирати и пашню пахати», свидетельствовало, что отшельническое бесформенное объединение, «превращалось в учреждение, становилось юридическим лицом».¹¹⁴ Как бы ни был основан монастырь, при условии соблюдения монастырского устава, он начинал выполнять свое пред-

назначение. Хотя еще издревле существовало мнение, что обители, основанные монахами значительнее, чем те, которые поставлены «сверху». «Мнози бо монастыри от цесарь, и от бояр, и от богатства поставлены, но не суть тащи, кащи суть поставлены слезами, пощеньми, молитвою, бдением».¹¹⁵ Наш монастырь, конечно, относился к первому типу. Возможно потому он никак не «устраивался» поначалу, что не было в нем духовного наставника, руководителя монашеской жизни, не назначенного от властей настоятеля, а избранного иноками за подвижническую жизнь*.

Монахи самовольно оставляли обитель, «пугались» трудностей, землетрясений, иногда предпочитали жить¹¹⁶ подаянием, а не «свои труды ясти и пити», как положено инокам. Вообще в 19 – н. 20 века монашество переживало кризис, о чем свидетельствовал в 1909 председатель 1 Съезда монашествующих епископ Никон (Рождественский): «монашество наше в духовном отношении все более и более опускается и становится страшно за ту великую идею, за тот святой идеал, носителем коего должно стать иночество».¹¹⁷ Вот в такое сложное время возник на пустом месте Иссык-кульский монастырь. Тем не менее, к 1916 году в Свято-Троицкой обители были созданы все благоприятные условия для монашеской жизни и, главное, появились духовные наставники, появились тайные молельни вокруг монастыря, где селились старцы даже и не из монахов, а из крестьян¹¹⁸, скиты на Медео, в Кыл-Жаре, где можно было молиться в уединении, появилось несколько монахов, достойных быть прославленными в лике святых. Разгром Свято-Троицкого Иссык-кульского монастыря во время восстания 1916 года свидетельствует не о «неуспешности» этой обители, а, напротив, о том, что она со своим предназначением скорее всего справилась, и здесь оказалось большое число монахов, готовых к высшему христианскому подвигу – мученичеству за веру. История двух разгромов монастыря (в 1916 г. и после революции) и убийства иеромонаха Рафаила, схимонаха Исихия, монахов Досифея, Дорофея, Феоктиста, послушников Михаила, Никифора, Феодора, Стефана которые вышли на мучение с крестами, евангелием и другими святынями в руках, с пением псалмов, очень похожа на те, которые мы можем обнаружить в Житиях Святых.¹¹⁹

В Иссык-Кульском монастыре было несколько почитаемых икон. Среди них – главная святыня православных христиан Киргизии – икона Божией Матери, называемая «Тихвинская Слезоточивая», напи-

---

* Была в Семиречье неподалеку от Верного «неофициальная», а потому не упоминаемая в статистических сводках обитель – скит, основанный иеромонахом Иссык-Кульского монастыря Серафимом именно «пощеньми, молитвою и бдением».

санная в 1897 году на Святой Горе Афон и присланная афонскими монахами, как указано на иконе «в дар и благословение, в благодатную помощь всем с верою и любовью прибегающим». Во время восстания 1916 года иеромонах Феогност спас икону «Тихвинской Божией Матери» из разгромленного монастыря, перевез на лодке в село Преображенское, где монахи, крестьяне и казаки молились перед ней о даровании им победы.

После разгрома Иссык-Кульского монастыря в 1916 году часть братии осталась восстанавливать обитель, а часть переселилась в скит, который находился в местечке Кзыл-Жар в Аксайском ущелье. Монахи Серафим и Феогност, в августе 1921 года были убиты в скиту красноармейцами,¹²⁰ они прославлены и причислены к лику преподобномучеников.

Иеромонах Мелетий (Голокосов) из Иссык-Кульского монастыря в 1908 году был командирован в Пржевальск на должность приходского священника, где и служил до 1916 года. Казахстанский мартиролог о нем рассказывает: «иеромонах Мелетий часто находился в командировках, исполняя пастырские обязанности в небольших сельских приходах и военных гарнизонах, куда по малообеспеченности и другим неудобствам, нельзя было назначить постоянного священника. 1 апреля 1913 года определением Св. Синода награжден наперсным крестом. После разорения при киргизском бунте в 1916 году Иссык-Кульского монастыря служил в Копальском уезде Семиреченской области, где погиб в 1918 г. при братоубийственной смуте».¹²¹

Благочинный Иссык-Кульского монастыря архимандрит Геннадий (Лобачев) после революции продолжал жить поблизости от разоренного монастыря и с риском для жизни отправлять церковные службы и совершать таинства. В 1937 году он был арестован и замучен в тюрьме. Монах Иракий, бывший послушник Свято-Троицкой обители, также оставшийся на Иссык-Куле и проводивший строго подвижническую жизнь, причислен к лику святых преподобных исповедников.

Мы видим, как много монахов Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря стали святыми. Имена некоторых неизвестны*, но и более десятка имен иноков и послушников, перечисленных нами достаточно для того, чтобы сказать, что в Иссык-Кульском монастыре были созданы условия для духовного совершенствования монахов.

Известен только один отступник от православия – последний настоятель монастыря архимандрит Иринарх, потом И.С. Шемановский, еще с революции 1905 года увлекавшийся социалистическими иде-

---

* Есть известия о монахах, расстрелянных в 20-х годах в Верном. Это, скорее всего, были монахи Иссык-Кульского монастыря, т.к. другого мужского монастыря в епархии и поблизости не было.

ями.¹²² Остальные монахи или пострадали за веру, или продолжили в Киргизии или Казахстане свое трудное исповедническое служение Православию в годы воинствующего безбожия.

Монастырь, несмотря на недолгую жизнь и полное уничтожение, всё-таки прославился в нашей республике, почитание монастырской чудотворной иконы и новомучеников, действующий скит в Кызыл-Жаре играют и поныне большую роль в деле духовного просвещения верующих Киргизии.

II.

Церковно-приходская жизнь на рубеже 19-20 веков

Пишпекский Свято-Серафимовский храм. 1905-1921 г.г.

В предыдущей главе мы рассматривали историю церквей и монастырей Туркестанской епархии с точки зрения проблем, стоявших перед ее архипастырями. При таком подходе хорошо организуется разнообразный материал из архивов благочинного, иллюстрирующий решение этих проблем на территории Киргизии, но документы, касающиеся внутренней жизни отдельного прихода, остаются без внимания. А эти документы – клировые ведомости, послужные списки священников, протоколы приходских собраний, подписные листы – представляют огромный интерес для изучения форм организации приходской жизни, для определения роли прихода в системе церковного устройства и его места в государственно-административной системе. Кроме того, приходские архивы – богатый источник по бытовой культуре, отражают отношение простых прихожан и священников к проблемам церковной и политической жизни, в то время как предыдущие документы в основном демонстрировали позицию высшего церковного руководства епархии.

Для изучения форм организации церковно-приходской жизни мы выбрали приход Пишпекского Свято-Серафимовского храма, так как в Киргизском Центральном Государственном Архиве хранится большое собрание документов за все время существования этой церкви. Свято-Серафимовский приход, созданный в 1905 году, просуществовал до 1921 года, и за весь этот период имеются письменные сви-

детельства, особенно важные для понимания процессов перестройки приходской жизни во время революции.

Клировые ведомости за разные годы велись в типографских большеформатных книгах, расчерченных на множество граф с указанием статей для заполнения. Это – своего рода опись, но не только материального церковного движимого и недвижимого имущества, а также и прихожан, и клира с подробными биографиями каждого члена. Такие клировые ведомости были обычной формой учета и проверки состояния любого прихода. Заполнялись они настоятелем, скреплялись подписью старосты и отправлялись благочинному. На основании этих ведомостей благочинный составлял сводные отчеты о доходах и расходах всех приходов, статистические сведения о прихожанах и членах клира.

Первая из имеющихся в Архиве клировых ведомостей относится к 1910 году. Эта дата не случайна, вообще подавляющее большинство документов датируется этим или последующими годами. С 1910 года все папки и подшивки документов Пишпекского благочинного систематизируются и приобретают внушительные размеры. А до этого отчеты, списки, прочие документы носят случайный, эпизодический характер. Этому факту может быть очень много объяснений, но одним из немаловажных нам кажется то, что в десятых годах епископу Димитрию, самому деятельному архиерею Туркестана, удалось наладить систему церковного администрирования. С укреплением Туркестанского края улучшались дороги, почтовая и телеграфная связь между городами. Резко возросшее при епископе Димитрии число приходов в епархии требовало усовершенствования системы контроля над церковной жизнью. Совершенствуя систему административного управления приходами епископ Димитрий реорганизовал систему Семиреченских церковных округов, когда 12 декабря 1910 года Пишпекский округ был разделен на два отдельных благочиния. А к 1915 году – на три. Свято-Серафимовский храм относился к Первому Пишпекскому благочинию.

2.1. Приходская жизнь в имперский период

Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1910 году

Первая, из имеющихся в архиве приходских ведомостей, – «Клировая ведомость Серафимовской церкви г. Пишпек Семиреченской области Туркестанской епархии», заполнявшаяся в 1910 году,¹²³ описывает внешний вид и историю создания храма. Церковь во имя Преподобного Серафима Саровского построена в 1905 году на средства приходского попечительства, городских пожертвований при сборах и из церковно-строительных сумм епархии. Храм был освя-

щен 5-го февраля 1906 года благочинным о. Александром Никольским. «Здание из елового леса, с одним куполом, смежно с двухъярусной колокольней, покрыто железом. Внутри и снаружи оштукатурено. Все двери с крыльцами из тесаного камня. Шесть печей. Длина – 43 аршина, ширина – 32». ¹²⁴ На колокольне – 5 колоколов, самый большой – в 50 пудов 24 фунта. Престол один, антиминс освящен Преосвященным Паисием, архиепископом Ташкентским и Туркестанским в 29 декабря 1905 года. «Утварью и ризницею не богата», «для причта никаких угодий нет, и вряд ли можно ожидать в будущем», церковных домов нет, ни земли, ни других угодий, принадлежащих церкви нет, процентных бумаг нет, на текущем счету – 1р. 15 коп. в Пишпекской сберкассе.

Эти сведения с первого листа клировой ведомости и фотографии храма свидетельствуют о том, что это было большое (длина – 30,5 м, ширина – 22, 4 м, т.е. общей площадью 683 м²), основательно устроенное здание – шесть печей, крыльца из тесаного камня, оштукатурено. Но также очевидно, что, кроме этого храма, у причта и у прихода через пять лет после основания ровным счетом ничего не было. «Ризницею не богата» – означает, что ризы, рясы и прочие части облачения священников, стихари для пономарей, расшитые покрывала для икон, алтаря, аналоев, – все это было в самом минимальном необходимом количестве из недорогих тканей и скромно украшено. Утварь, т. е. сосуды для богослужения, очевидно, тоже были из простого металла, без драгоценных камней, эмалей, иначе об этом было бы сказано особо.

Церковный доход, конечно, поступал. В среднем до революции он составлял две – три тысячи рублей в год. Две третьи от суммы дохода давала продажа свечей, пятнадцатую часть составляли кружечко-кошельковые пожертвования и почти пятую часть – пожертвования на разные нужды (для 1910 года эти «целевые» сборы не расписаны по статьям). Доход был достаточно стабильным и немалым для такого небогатого города, как Пишпек. Но и расходы были немалые.

На что расходовались деньги? Нужды церкви – это содержание и ремонт здания, покупка свечей, масла, ладана и церковного вина для богослужения, пополнение и ремонт церковного облачения, содержание хора. Кроме того, церковные суммы тратились на содержание учебных заведений.

В приходе Свято-Серафимовской церкви находились:

Церковно-приходская женская школа, открытая в октябре 1889 года. Заведующим этой школы был священник Сергей Удальцов, преподавал Закон Божий и церковное пение А. Миловидов, остальные предметы – учительницы. В школе обучалось 53 девочки. Содержалась она на средства «от казны», от церкви и от города.

Мужское первое приходское училище, основанное в августе 1903 года. Закон Божий преподавал священник Сергей Удальцов.¹²⁵ Содержалось также за счет казны, церкви и города*.

Мы видим, что содержание начальных учебных заведений для мальчиков и девочек отчасти ложилось на плечи прихода. Из приходских сумм выделялись деньги (около ста рублей в год) на учебную литературу, на благоустройство школ, но приход не оплачивал труд учителей и преподавателя Закона Божьего. Священнику, так же как и учителям приходских школ, полагалась оплата «от казны».

Особой статьей в клировой ведомости указано, как организована выпечка просфор, этих обязательных для православного богослужения хлебов. «Просфорней состоит вдова мещанина Евдокия Самуиловна Степаненкова 38 лет. Просфоры печет из своей муки, для церкви бесплатно, а прихожанам продает по 3 копейки, каковая выручка и поступает в ея пользу».¹²⁶ Отдавая некоторое количество, необходимое для богослужения, бесплатно в церковь, просвирня, как называют женщин, выпекающих просфоры, забирала себе всю выручку от продажи остальных просфор, покупала на них муку, тратила деньги на дрова, и, что-то получала в качестве заработка. Такой способ организации изготовления просфор до революции не был единственным. Примерно в это же время в Свято-Никольском храме г. Пишпека, согласно клировой ведомости этой церкви за 1892 год, печением просфор занималась крестьянка «с получением от церкви вознаграждения по два рубля пятидесяти копеек в месяц»¹²⁷ В Ташкенте печением просфор почти для всех храмов занимались сестры Свято-Никольского женского монастыря, что служило для них одним из источников существования.

Сейчас просфоры выпекаются на церковном дворе, все затраты несет церковь, вознаграждая заранее оговоренной платой труд просвирни. Просфоры продаются прихожанам и выручка от этих денег поступает в церковную кассу. Можно сказать, что до революции это дело было организовано более по-домашнему, в нем было меньше церковного администрирования.

В клировых ведомостях содержатся очень важные сведения о численном и сословном составе жителей прихода. За 1910 год указаны только православные прихожане Свято-Серафимовского храма. В этом году в приходе Свято-Серафимовской церкви значилось 4632 челове-

---

* В этом документе содержится указание еще на одно учебное заведение, которое находилось «в приходе сей церкви» – Русско-туземное училище, основанное в 1908 году. В этом училище училось 78 мальчиков-магометан. Ни в денежном, ни в учебном плане Свято-Серафимовский приход отношения к этому училищу не имел, но интересен сам факт включения сведений о мусульманской школе в клировую ведомость церкви.

ка, примерно 3000 из которых были городскими жителями (мещане, статские и крестьяне). Военных в приходе не было.¹²⁸ Приход Свято-Серафимовского храма охватывал примерно половину города, другая часть – это прихожане Свято-Никольского храма – 2806 человек.¹²⁹

Все клировые ведомости обязательно включали в себя послужные списки членов клира. В 1910 году в Свято-Серафимовском храме был только один священник – о. настоятель Сергей Удальцов, других членов клира не было. Послужной список священника – это документ вроде современного личного дела, статьи в нем примерно те же: дата рождения, происхождение, семейное положение, образование, назначения по службе («место работы»), награды, взыскания. Специфическими являются такие статьи: каким архиереем рукоположен, каким архиереем переведен в Туркестанскую епархию, сведения о нравственном облике, поведении и благонадежности, сведения о благонадежности членов семьи (не замечались ли дети, если учатся в каком-либо учебном заведении, в чем-либо предосудительном).

Старостой храма согласно ведомости 1910 года был мещанин Андрей Семенович Кубышкин* 1847 года рождения. К этому времени он уже трижды переизбирался на эту должность, а значит, был старостой почти с самого основания храма и оставался им до революции. Должность старосты была одновременно и почетной, и ответственной. Возникла она в Русской Православной Церкви очевидно в 14-15 веке, во всяком случае, одно из первых упоминаний о церковных старостах относится к 1427 г. В то время церковные старосты «ведали церковной землей, участвовали в земельных тяжбах, распоряжались общинной казной, нанимали причт для службы в церкви, руководили церковным строительством, покупали церковную утварь, хозяйственный инвентарь,¹³⁰ выплачивали ругу от прихожан, вели церковную документацию».

Целый ряд государственных законов и церковных указов начала 18 в. свидетельствует, что верховное управление Церковью пыталось передать старостам контроль за доходами от продаж свечей и вообще за бюджетом приходской церкви¹³¹. Но на практике продажа свечей оставалась в 18 в. свободной, вообще все финансовые вопросы прихожанами чаще всего поручались причту. Поэтому иногда архиереям должность церковных старост приходилось вводить почти принудительно. В начале 19 века эта должность стала обязательной для

* В Бишкеке, совсем рядом с тем местом, где находился Свято-Серафимовский собор, сохранился дом домовладельца А. С. Кубышкина (ул. Уметалиева 74). Дом значительно перестроен, обнесен вокруг саманных стен вторым рядом из обожженного кирпича. Дом не маленький, но и не большой – один этаж, низкий цоколь, пять окон, выходящих на улицу. Размеры дома позволяют сделать предположение о среднем достатке А. С. Кубышкина.

всех приходов. Кандидатуры церковных старост стали утверждаться консисторией. П.П. Стефанович утверждает, что в 19 веке лишь «отдельные хозяйственные функции (продажа свечей) оставались в кругу их обязанностей, но их исполнение осуществлялось под строгим надзором клира и епархиального начальства».¹³²

Недостаток научных исследований института приходских старост может быть отчасти восполнен художественными произведениями 19 века, позволяющими составить представление о назначении этой должности. Ярко рисует образ старосты И. Шмелев¹³³ в своей автобиографической прозе. Отец Ивана Шмелева, купец среднего достатка, перед революцией был старостой крупной московской церкви. Кроме помощи священнику в хозяйственных делах (организовать вывоз снега, подвезти стройматериалы и пр.), он помогал проводить церковные праздники, для которых требуются то верба, то елка, то березки, он организовывал фейерверки на Рождество и Пасху. Работал он, несомненно, бескорыстно, более того, проводя многие мероприятия за свой счет.

Трудно с уверенностью сказать, везде ли был такой порядок вещей. Но во всяком случае создается впечатление, что роль старосты на приходе была более значительной, чем утверждает Стефанович. Об этом же свидетельствуют архивные данные. Взысканий старосты от благочинных или епархиального начальства не получали, очевидно в тех случаях, когда они были неуютны начальству, их просто снимали с должности – так трижды за три года менялся староста Никольского храма г. Пишпек. Некоторых из них награждали за усердие церковными орденами. Очевидно, что староста, этот выборный представитель прихожан, круг обязанностей которого был определен «Инструкцией церковным старостам» 1808 года, в своей деятельности больше руководствовался личными качествами и своим достатком а также личными качествами настоятеля, который заведовал всей хозяйственной деятельностью. Так же и порядок в денежно-хозяйственных делах прихода зависел в очень большой степени от взаимоотношений старосты и настоятеля, которые оказываются ключевыми фигурами в финансовой деятельности прихода.

Некоторые архивные данные позволяют нам описать характер взаимоотношений старосты и настоятеля. Староста одного из пригородных храмов жалуется благочинному на настоятеля своего прихода и подробно перечисляет свои обязанности, которые он не может выполнять по вине священника – за нежелание старосты «оплачивать незаконные долги из приходских сумм, священник угрожал запечатать церковь, лишив возможности прихожанам входить в церковь».¹³⁴ Из этого документа мы узнаем, что при высыпании денег из церковных кружек, при пересчете любых денег (пожертвованных, за проданные свечи и

пр.) присутствовали обязательно староста, настоятель и представители прихода. Староста при вступлении в должность принимал бухгалтерию, участвовал в росписи денег по статьям, в подведении годовых итогов прихода и расхода церковных сумм. Староста расплачивался за работы по ремонту храма и со всеми нанятыми работниками, он был материально ответственным лицом. Расход, сделанный без ведома и записи старосты, считался незаконным «как сделанный без ведома прихода и разрешения епархиального начальства».¹³⁵

Старостами до революции обычно выбирались люди состоятельные, «положительные», то есть зарекомендовавшие себя только с самой лучшей стороны. В городах чаще всего ими становились мещане или купцы как люди хозяйственные и предприимчивые. Старостой могли выбрать человека, пожертвовавшего особо крупный взнос на строительство или на благоустройство храма, или просто уважаемого в обществе человека, который мог хлопотать о нуждах прихода перед начальством и защитить его интересы. Особенно велика была его роль при строительстве храма, когда к нему, в отсутствие еще не назначенного священника, стекались все суммы, пожертвованные на храм. Он присутствовал в качестве представителя от прихожан при составлении отчетов, при подписании финансовых документов, мог помогать священнику в хозяйственной деятельности. Надо учитывать, что у некоторых сельских храмов Семиречья были угодья, включавшие земли, требовавшие обработки. У Лебединовской церкви, например, в 1910 году было 494 десятины земли, у Новотроицкой – 40 десятин, у Беловодской – 35 десятин отдавались в аренду, у Ивановской – 2 десятины степной, 10 десятин негодной и 48 десятин пустошей,¹³⁶ у Токмакской церкви в 1915 году 49 с половиной десятин пахотной, которая приносила в среднем по 100 рублей в год и «при обильном орошении была бы хорошей».¹³⁷

В целом, как мы видим, староста на приходе исполнял роль завхоза-бухгалтера-ревизора, избранного от прихожан. Церковный староста в штате не состоял, вознаграждения за свои труды от прихода и казны не получал и, следовательно, трудился чаще всего только из желания послужить для Церкви. Когда нарушались канонические отношения послушания мирян, в том числе и старосты, священнику, в финансово-хозяйственной деятельности прихода наступал кризис.

Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1916 году

Клировая ведомость Свято-Серафимовской церкви Пишпека за 1916 год¹³⁸ по форме ничем не отличается от ведомости за 1910 год. Это – стандартные бланки с такими же графами для заполнения. Вновь описано церковное здание и имущество, которого за шесть лет больше не стало. Настоятель тот же, о. Сергей Удальцов, но у него уже появились,

согласно клировой ведомости, два помощника. Первый – псаломщик-священник (так в документе) Андрей Алексеевич Беантовский, учитель пения в женских и мужских училищах Пишпека. Второй – сверхштатный псаломщик диакон Гавриил Хрисанфович Ольховик. Оба были переведены в Туркестанскую епархию епископом Димитрием.

Увеличение штата церкви на одну единицу (1 священник и 1 псаломщик по штату полагались каждой церкви) свидетельствует о старании владыки Димитрия пополнить ряды туркестанского духовенства. Интерес вызывает странная должность – псаломщик-священник. Можно предположить, что Андрей Беантовский служил в Серафимовской церкви вторым священником, проходя по ведомостям как псаломщик и получая от казны оплату псаломщика, а не священника. Согласно клировой ведомости 1910 года на церковный штат Свято-Серафимовской Церкви от казны Указом Священного Синода было назначено по 850 рублей в год, из них священнику – 600 рублей и псаломщику – 250 рублей. В 1910 году последняя штатная единица была вакантной, а в 1916 году замещена священником Андреем Беантовским. Кроме второго священника появился в церкви и диакон. Штат увеличен не был, поэтому псаломщик-диакон содержался не от казны, а от церковных доходов. Оплату его труда нам выяснить не удалось, потому что ни указанная клировая ведомость за 1916 год, ни финансовый «Отчет Градо-Пишпекской Серафимовской церкви»¹³⁹ за 1916 не упоминают такой статьи расхода. Дьякон получал вознаграждение «от алтаря», то есть от приношений прихожан продуктами и деньгами. Наличие сверхштатного псаломщика свидетельствует об увеличении доходов церкви, которая теперь могла позволить себе содержать диакона.

Доход церкви по сравнению с 1910 годом увеличился более чем вдвое. Основной доход, как и в предыдущие годы, принесла выручка от продажи свечей – больше половины всего дохода. Кружечко-кошельковый сбор составил только сороковую часть всего дохода, почти не отличаясь по абсолютному значению от аналогичного сбора за 1910 год. Появились новые источники дохода: от оборочных статей и оборотных сумм. Вместе они составили вторую по значению (четвертую часть) всего церковного дохода. Эти статьи свидетельствуют о том, что у Свято-Серафимовской церкви появился оборотный капитал, который приносил ей значительный доход. Об улучшении материального состояния церкви говорит и тот факт, что у храма появился свой церковно-приходской дом. В 1916 году прихожане стали больше жертвовать на храм и больше покупать свечей (в два раза). Если в 1910 году каждый прихожанин в среднем приносил в храм по 40 копеек дохода, то в 1916 году – по 1 рублю.

По сравнению с 1910 годом изменился состав прихожан Серафимовской церкви. Из прихода вывели жителей пригородных сел Васи-

льевское и Павловское и поселка Подгорный, из-за этого количество прихожан уменьшилось с 4462 душ обоего пола в 1910 году до 3521 – в 1916. Вообще число православных жителей второй (западной) части Пишпека (вместе с хутором Попеновка) за пять лет увеличилось с 3104 до 3525, число домохозяйств увеличилось с 428 в 1910 году до 696 – в 1916 году. Несколько изменился сословный состав прихожан Свято-Серафимовского храма. На одну семью больше стало представителей духовного звания, заметно выросло число дворян (3 семьи статских* в 1910 году и 12 дворянских в 1916 году). Большая часть православных жителей западной части Пишпека была крестьянами – 457 из 728 хозяйств. Третья часть домовладений принадлежала мещанам. Количество православных в западной половине Пишпека практически равнялось числу мусульман (3525 и 3389 соответственно). Нет в ведомости указаний на число евреев, раскольников и лиц других вероисповеданий, указаны только сектанты в целом – 44 человека. Если сопоставить эти данные со сводной Ведомостью о прихожанах церковью Пишпекского благочиния за 1910 год,¹⁴⁰ то станет ясно, что все инославные (кроме штундистов и мусульман) жители Пишпека жили в другой, более старой части города, в пределах Свято-Никольского прихода. Дореволюционный Пишпек разрастался с востока на запад, причем более поздние его западные районы заселялись в основном православными и мусульманами.

Следует обратить внимание на точное указание числа женщин, мужчин, рода занятий, постоянных и временных жителей. Эти статистические данные собирались священником, его помощниками, старостой при посещении дворов прихожан, а также на основании исповедных росписей, которые составлялись обычно раз в год. Во время Великого Поста все прихожане старались побывать на исповеди и принять Святые Тайны. Более того, всем православным, находящимся на государственной службе и всем учащимся государственных учебных заведений, полагалось обязательно исповедаться хотя бы раз в год, в некоторых случаях даже требовалась об этом справка от приходского священника. Статистические данные о прихожанах и жителях прихода, т. е. не только о православных, но и людях любого вероисповедания, вносились в клировые отчетные ведомости и накапливались у благочинного. Для уездных и губернских властей это был единственный источник сведений о численности, вероисповедании и сословном составе жителей уезда с указанием числа дворов, числа женщин и мужчин и рода их занятий. Такой функции со времен советской власти и доныне у приходов и благочиний нет.

* *Статские, то есть чиновники, не обязательно были дворянами, так что число дворян могло быть еще меньше.*

Клировые ведомости, которые составлялись священником каждого прихода, кроме формы финансово-хозяйственного отчета, вместе с метрическими книгами и исповедными росписями являлись важным звеном в системе государственно-чиновничьего администрирования российской империи. Через епархиальную консисторию губернское начальство обращалось к благочинным с требованием прислать статистические данные о количестве раскольников или, например, мещан. Благочинные на основании клировых ведомостей составляли такие справки и отправляли их в Верный, в епархиальное управление, откуда они пересылались либо в Ташкент, либо в Священный Синод. Например, в 1909 году Обер Прокурору Св. Синода понадобились сведения о движении православного населения за 1909 год. Он обращается к благочинным церквей, а те – к настоятелям приходов с требованием немедленно выслать все книги, где ведутся записи. В 1915 году благочинный 3-его Пишпекского округа получает экстренный указ из консистории – предоставить выписки из метрических книг на лиц, родившихся в 1895 году, подлежащих призыву. Благочинный на основе сведений, предоставленных настоятелями храмов, составляет призывные списки и отправляет их в консисторию. Мы видим, что административные обязанности, совсем не связанные с православным вероучением и культом, совсем не связанные с церковью, все то, что сейчас находится в ведении загсов, милиции, статистического управления и других государственных учреждений, возлагалось на приходских священников и благочинных. Так, путем придания церковному приходу функций гражданского или военного учреждения, осуществлялась административная «симфония» Церкви и государства.

Епископ Димитрий учил своих настоятелей: «Русское Государство и Русская Церковь – это синонимы». В дореволюционной России Церковь, не отделенная от государства, испытывала все преимущества и все недостатки такого соединения. На церковный штат «от казны» выделялись деньги, государство помогало Церкви содержать священников и других членов причта, строить храмы, церковно-приходские школы, ограждало от раскольников и сектантов. Церковь помогала государству воспитывать благонадежных граждан и выполняла несвойственные ей административные функции. Кроме того, Церковь терпела вмешательство со стороны чиновников в свою внутреннюю жизнь, как мы это видели на примере «антиепархиальной» политики некоторых туркестанских генерал-губернаторов. Причем это вмешательство касалось не только имущественных вопросов (в чьем ведении храмы, где расположить епископскую кафедру, на какие нужды собирать пожертвования), но и вопросов вероучительных. О последнем факте обычно умалчивают, говоря о единстве Церкви и государства в имперской России, но история Туркестанской епархии

свидетельствует о случаях, когда гражданские власти вынуждали священников идти на нарушение или искажение заповедей Евангелия и церковных установлений.

Ярким примером является запрет на миссионерскую деятельность среди язычников и мусульман, наложенный губернскими властями на Православную Церковь в Средней Азии, что прямо противоречит словам Евангелия: «Идите и научите все народы». Ведение «исповедных росписей», т.е. запись всех, причащающихся Великим Постом, и выдача справок об этом для предъявления гражданским властям противоречат самому духу Православия, учащего о Церкви как о союзе свободных людей, соединенных любовью к Богу и принимающих причастие, эту великую Христианскую Святыню, совершенно добровольно.

Говоря о приходе как о единице в системе гражданского управления, не следует также преувеличивать степень вмешательства государства в церковные дела. Изучив приходские документы имперского периода, мы видим, что настоятель храма был полновластным хозяином на приходе, ни перед какими властями, кроме епархиальных, он не отчитывался. Со стороны прихожан был лишь один староста, контролирующий хозяйственную деятельность клира, отчитывающийся только перед епархиальным начальством, кроме этого, никакого органа, регулирующего деятельность настоятеля, не было. Послужные списки священников с их автобиографическими данными, сведениями о наградах и взысканиях, о семейном положении и благонадежности самого священника и членов его семейства, так похожие на современные личные дела отдела кадров, были средством не государственного, но церковного администрирования. И не только. Послужные списки велись (и сейчас ведутся) не только для учета и контроля членов причта, но и для содержания в чистоте Православного учения. Дело в том, что послужные списки содержат очень важные для Церкви сведения о том, какой епископ рукополагал священника в диаконы, в священный сан, какой постригал в монахи, в каком учебном заведении получал священник духовное образование. Эти сведения, особенно о рукоположении в священный сан, во все времена были крайне важны для Православной Церкви, ревностно сохраняющей преемственность своих пастырей от апостолов. «Таинственное преемство священства, непрерывно, неизменно, друг-другоприимательно и не нововводно продолжаясь в Церкви Православной, служит одним из главнейших признаков... Православной Церкви, преемственной и свято сохраняющей все переданное от апостолов, удаляющей всякое своеволие и произвол в деле Божиим».¹⁴¹ Каждый православный епископ, каждый священник может проследить по цепочке рукоположений свою духовную связь с первоначальной церковью в Римской империи, где рукоположения совершали апостолы. Кроме

послужных списков, свидетельствующих об этом, у священников имеется ставленая грамота, которая выдается им во время посвящения в сан. Такие грамоты – очень древнее установление. Во всяком случае, в Средневековой Руси они были. Потерянные, порванные или подделанные они иногда становились источником недоразумений и злоупотреблений как со стороны священника, так и со стороны архиереев. Послужной список как бы подстраховывает ставленную грамоту, подтверждает ее и позволяет фиксировать и контролировать все перемещения священника в пределах епархии, свидетельствует о нем при перемещениях из епархии в епархию, т. е. имеет важное внутрицерковное значение.

В обязанности приходского священника входило также ведение метрических книг и составление выписок из них по требованию гражданских или церковных властей. «Имена вступающих в Православную Церковь вместе с именами родителей и восприемников вносятся в книгу, которая составляет первую часть так называемы «метрик» или метрических приходских книг... Первая часть этой книги в значении гражданском составляет главное доказательство вероисповедания, происхождения, имени и лет жизни. Посему метрическое свидетельство требуется при доказательстве прав на наследство, при поступлении в училище и вступлении в брак, в делах тяжбных и проч.»¹⁴² Но, несмотря на это, в приходских метрических книгах, так же как и в послужных списках, нельзя видеть только средство учета граждан Российской империи*. Они были вызваны к жизни не требованиями гражданской системы управления, а древней церковной практикой, а лишь затем использовались государством в административных целях. «У древних христиан «метрические книги» назывались «Священным памятником и списком просвещаемых»... Сии книги в смысле церковном свидетельствуют о священных и высоких наших обетах служения Богу и Господу нашему Иисусу Христу... и служат утешительным залогом непрестанных молитв Церкви о верных»,¹⁴³ т. е. о православных христианах. Получается, что настоятель прихода, ведя такую метрическую книгу при крещении, выполнял свои прямые церковные обязанности, а делая из нее по требованию гражданских властей выписки и составляя различные ведомости и списки на основании метрических записей, выполнял функции гражданского чиновника.

Заканчивая обзор дореволюционной приходской жизни, можно сделать заключение, что реально существовавшее единство Русской Православной Церкви и Российского государства нельзя однозначно

---

* Аналогичные книги велись и в мечетях. В фондах ЦГА КР в большом количестве содержатся выписки из них, «метрики», как на православных, так и на мусульманских граждан Российского государства.

толковать как полную симфонию интересов. Несомненно, была взаимоподдержка и взаимовыручка: в плане материальном и идеологическом – со стороны государства, и в плане духовном, и нравственном – со стороны Церкви. Но были и серьезные противоречия интересов, было и навязывание Церкви несвойственных ей административных и политических функций.

Вопрос об отношении Церкви к государству – вечный и большой. Мы не в состоянии сколько-нибудь полно его осветить в рамках данной работы, а лишь комментируем отдельные его аспекты, к которым подводит исследование документированной истории православных приходов Киргизии.

2.2. Приходская жизнь в послереволюционный период

Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1918 году

Клировая ведомость 1918 года¹⁴⁴ по форме не отличается от предыдущих. Она составлена на тех же дореволюционных бланках, однако во всех почти графах стоят прочерки или слово «нет». Жалования причту нет, церковной школы нет, староста избран, но не утвержден, место настоятеля вакантно, копий с метрических книг нет, «книги консистория не выдает, ведутся примитивные», исповедные книги с 1909 по 1917 год, за 1918 год – нет, земель при церкви нет, кружечный доход – 8000 рублей, «другие источники содержания членов причта и количество поступившего дохода – нет». Этот список, сухо обрисовывающий состояние Серафимовской церкви через год после революции, дополняется красноречивым примечанием священника церкви Гавриила Ольховика, который заполнял ведомость: «Ведомость о приходе не приложена в виду того, что в прошлую Четыредесятницу (1918 г.) исповедные росписи не составлялись, а также и приходская книга за неполучением бланков до сего времени не составлена, почему статистические данные о приходе причт дать не может. Что же касается развития сектантства, то таковое идет скорым темпом, и в настоящее время насчитывается до 50 дворов».¹⁴⁶

Эта ведомость, составленная в конце 1918 года, т. е. через два года после Февральской и через год после Октябрьской революций свидетельствует о том, какими темпами шло разорение церкви и прихода. Революция вызвала решительное переустройство приходской жизни и уже в 1918 году финансовое положение было таково, что само дальнейшее существование прихода было под сомнением.

Конечно, самой главной причиной разорения церковно-приходской жизни стала последовательная антирелигиозная политика новых вла-

стей. Причем обычно приятно говорить о большевистских гонениях на Церковь, и нередко из внимания исследователей ускользает тот факт, что разгром Церкви начало Временное правительство. В.Н. Львов, назначенный Временным правительством обер-прокурором Священного Синода, увольнял архиереев, перемещал их без согласия Святейшего Синода, который до революции в условиях отсутствия патриаршества был единственной законной верховной властью в Русской Православной Церкви. Сразу после установления Временного правительства печатный орган Священного Синода превращен был в независимый от него «Всероссийский церковно-общественный вестник», который проповедовал новые идеи, оборачивающиеся призывом к разрушению канонического строя Церкви, к бунту против преемственной от апостолов иерархии. Установка обер-прокурора Львова была такова: «Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую; я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует».¹⁴⁷

Кроме антицерковного курса Временного правительства, были и другие факторы, способствовавшие кардинальному переустройству приходской жизни. Внутри самой Церкви как организации действовали люди, требовавшие ее обновления, переустройства. Февральская революция дала возможность проявиться им в полной мере. Возобновил свою деятельность «Союз церковного обновления», заявивший впервые о себе во время беспорядков 1905 года, был учрежден «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян». Помимо этих крайних проявлений церковного реформаторства, в Церкви с 60-х годов 19 века обсуждалась необходимость перемен в церковно-приходской жизни. И.С. Аксаков, которого нельзя заподозрить в очернительстве русской Церкви, писал: «Говоря приход, мы разумеем общину, храм и духовенство, состоящих между собой в неразрывной связи, образующих одно органическое целое... Этих-то условий органической жизни нашему русскому приходу и не достает. Сохраняются только некоторые внешние формы, но больше в видах внешнего порядка и благоустройства... Есть прихожане, но нет прихода в настоящем смысле слова; люди расписаны по церквам, но церковной общины в ее истинном, первоначальном значении эти люди не составляют. Приход лишен всякой самостоятельности».¹⁴⁸

Желая преодолеть такое положение вещей, когда приход становился административной единицей, сам Священный Синод 29 апреля 1917 года объявляет о введении выборного начала на всех уровнях церковного управления, в том числе и при замещении архиерейских кафедр. Выборность на всех уровнях, и даже выборность священства, упраздненная в Русской Церкви окончательно в н. 19 века, означала активизацию роли всех мирян и низшего духовенства в церковной жизни. К этому времени в Киргизии низшие ступе-

ни церковной иерархии – приходские священники – уже организовали новую структуру в системе церковного управления – Пишпекский церковно-общественный Исполнительный Комитет,¹⁴⁹ который обратился ко всем приходам с предложением обсудить вопрос о содержании священников и выбрать приходской совет.

Окончательное законодательное обоснование всем изменениям в церковно-приходской структуре придал Поместный Собор Русской Православной Церкви, проходивший с 15 августа 1917 г. по 20 сентября 1918 г. На одном из заседаний 19 февраля 1918 г. Собор приступил к обсуждению вопроса о православном приходе. В результате 7 апреля был принят «Приходской устав». Главная его задача определялась так: оживить приходскую деятельность и сплотить прихожан вокруг Церкви в эти трудные дни. Устав дал определение прихода «как общества православных христиан, состоящего из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющего часть епархии и находящегося под руководством поставленного последним священника-настоятеля».¹⁵⁰ Прихожане, согласно уставу, принимают непосредственное участие в церковной жизни, «кто как может своими силами и дарованиями». Главной обязанностью прихода является благоустройство храма. Назначения клириков производили епархиальные архиереи, которые могли учитывать и пожелания самих прихожан. «Устав предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагалась забота о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества. Для решения дел, связанных с сооружением, ремонтом и содержанием храма, обеспечением клириков, а также с избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в год приходские собрания, постоянно действующими органами которых становились приходские советы из клириков, церковного старосты или его помощника, нескольких мирян по избранию на приходском собрании. Председателем и приходского собрания, и приходского совета был настоятель храма».¹⁵¹

Это соборное постановление, принятое в апреле 1918 не устанавливало нововведений, а узаконивало уже существовавшие, согласно архивным документам,¹⁵² с 1917 года, приходские собрания и приходские советы, определяло сферу их деятельности, порядок созыва и отношение к настоятелю. Приходской совет Свято-Серафимовской церкви возник за девять месяцев до этого постановления скорее всего стихийно, либо в соответствии с вышеупомянутым решением Священного Синода от 29 апреля 1917 года. К августу 1918 года все элементы системы низших выборных органов церковного управления уже существовали во всем Семиреченском викариатстве, к которому отошли приходы Иссык-Кульской и Чуйской областей: это были приходские собрания, приходский советы и Пишпекский уезд-

ный Церковно-Общественный Комитет.¹⁵³ Это значит, что в сельских и городских приходах сразу после Февральской революции оказалось значительное количество демократически настроенных прихожан, пожелавших изменить существующую систему организации церковно-приходской жизни. В Свято-Серафимовском храме летом 1917 года на приходском собрании избирается новый правомочный орган – приходской совет, который начинает решать все церковные дела, кроме богослужебных.

Как записано в журнале приходского совета,¹⁵⁴ 1 августа 1917 года, приходской совет упраздняет пост старосты, заменяя его заведующим имуществом и казначеем. А.С.Кубышкин снят, вместо него избирают заведующим – Федота Скупенко, а казначеем – Абрама Яковлева (в дальнейшем все время переизбираются). Все предложения по изменениям исходят от гражданина Константина Базавлука, он – секретарь собрания. На заседании присутствуют оба священника, настоятель – в качестве председателя приходского совета.

Самые серьезные изменения коснулись организации поступления церковных доходов. Первым заседанием приходского совета были упразднены церковные кружки (т. е. целевые сборы), оставлена только одна – на епархиальные нужды, отменена продажа некоторых предметов, необходимых для совершения обрядов, решено бесплатно предоставлять воду, свечи-огарки, венчики для отпевания, ладан, совершать освещение; отпечатанные молитвы и крестики – продавать по себестоимости. «А за все брать только добровольные пожертвования на содержание церкви».¹⁵⁵

Никаких других вопросов первое заседание приходского совета не обсуждает. Закономерно возникает предположение, что приходской совет избирался исключительно с целью изменить систему распоряжения церковным хозяйством, присвоив это право приходу, и сменить или не согласного с этим, или неподходящего для новых форм хозяйствования старосту. Общая тенденция всех нововведений – отменить установленную плату за требы (из протокола не ясно, за все, или только за освещение воды, крестиков, икон и проч.), лишить приход прибыли от продажи предметов, необходимых для совершения обрядов, более того, предоставлять некоторые из них бесплатно, и вообще максимально снизить все церковные взносы, начиная от обязательных и кончая добровольными пожертвованиями.

В решениях приходского совета чувствуется скрытое противостояние совета прихода настоятелю, недоверие к его способности честно распорядиться доходами церкви. Не думаем, что причиной этому были личные качества о. Сергея Удальцова. Подобные решения принимались во многих приходах России, потому что плата, назначаемая в церквях за совершение священником обрядов, была дав-

ним большим вопросом так же, как и вообще проблема содержания причта*. Уничтожая доход от продажи предметов, необходимых для совершения обрядов, плату за требы, приходской совет не только резко снижал оплату труда священнослужителей, но и вообще доходы прихода, которые, как мы видели из предыдущих параграфов, шли в основном на содержание и ремонт церкви, на содержание хора. Это обстоятельство, очевидно, не сразу было принято во внимание членами приходского совета (мнение священников в протоколах не зафиксировано). На следующих заседаниях, которые состоялись 5 октября 1917 года и 3 января 1918 года, постановления первого заседания пересматривались. В результате решено было ¹⁵⁶оставить три кружки: в пользу храма, для малоимущих и на колокол.

Примечательно, что в начале 1918 года приходской совет решает отказаться от сборов денег для епархии, кружка на «епархиальные нужды» была упразднена, скорее всего, даже раньше, во всяком случае, деньги на содержание епархии за 1917 год Свято-Серафимовский храм так же, как и другие храмы Пишпекского округа, не посылал. Можно предположить, что общая неразбериха, которая водворилась в государстве после революции, перестройка системы церковного управления и непонимание необходимости церковного управления, создали у мирян мнение о необязательности таких выплат. Может быть, тяжелое материальное положение жителей Пишпекского уезда сделало невозможным такие взносы.

Владыка Пимен, викарный епископ Семиреченский и Верненский, в ведении которого оказались приходы Пишпекского уезда после разделения Туркестанской епархии, в обращении «Всем приходам Пишпекского уезда...» от 5 августа 1918 года разъяснял, в каком положении оказались его служащие после решения приходских советов прекратить выплату средств на содержание церковного аппарата: «Служащие в канцелярии Туркестанской Духовной Консistorии раньше получали свое содержание частью от казны, частью из местных средств – из доходов церквей Епархии. Теперь казна по причине отделения Государства от Церкви ничего не дает на Консistorию. Кроме того, Туркестан выделяется в особую епархию и своих церковных взносов на Консistorию ныне не прислал. Далее, Вам известна дороговизна жизни в городе, как она заставляет городских жителей продавать последнее, чтобы не умереть с голоду. Поэтому все учреж-

---

* Как грамотно сформулировал приходской совет с. Вознесенского: «При обсуждении многих вопросов, касающихся обновления приходской жизни, нами было обращено внимание на существующий ныне способ материального обеспечения духовенства Православной церкви, который всегда портит нормальные отношения прихожан с причтом, что крайне нежелательно видеть в будущем». – ЦГА. – Ф. 112. – Оп. 1. – Д. 5. – С. 5.

дения прибавляют вознаграждения за труд своим служащим. Этой возможности лишены мы, ибо указанные взносы от церквей не поступали в Консistorию в настоящем году с двух благочиннических Округов: Пишпекского и Урджарского. Между тем, неполучение содержания служащими Консistorской канцелярии неминуемо поведет к прекращению занятий Консistorии; а это повредит самому делу Управления церковного. Поэтому обращаюсь ко всем приходским Советам Пишпекского уезда и Урджарского Округа с предложением немедленно представить в Консistorию через Пишпекский уездный Церковно-Общественный Комитет и через Благочинного Протоиерея Цедринского (в г. Лепсянске) 2% сбор от валового дохода церквей и молитвенных домов за минувший 1917 г. Неисполняющие этого дела будут считаться противниками церковной власти, причиняющими ей затруднения в настоящее тяжелое время».¹⁵⁷

Этот документ красноречиво свидетельствует о сложном положении епархиальных структур управления. В то время как в Москве проходил Поместный Собор, избравший патриарха и принявший многие постановления, регламентирующие церковную жизнь в новых условиях, в то время как по приходам приходские советы проводили ревизию церковных доходов и явочным порядком вводили выборную систему управления приходом, епархиальная власть, это связующее звено между высшими органами церковного управления и приходами, оказалась почти изолированной от своей паствы и лишенной средств к существованию как сверху, так и снизу. Была опасность превращения прихода в таких условиях в замкнутую самостоятельную организацию, что для общины чревато отторжением от православного учения в сектанство или в раскол.

В некоторых православных общинах, отделившихся во время революционной смуты от церковной соборности, приход как таковой в это послереволюционное время перестал существовать вообще. По цитированному выше определению Поместного Собора Русской Православной Церкви приход – это общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих в определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся под руководством поставленного правящим архиереем священника-настоятеля. Если перестает соблюдаться одно из этих условий, то приход перестает быть приходом и либо превращается в некую другую форму церковного объединения (братство, монастырь, духовная семья при старце), либо в секту, искажающую смысл православного учения.

Существует даже теоретическое обоснование принципиальной «недостаточности» приходской жизни в условиях атеистической государственности, принципиальной невозможности полноценной духов-

ной жизни православного христианина только в качестве прихожанина. Две революции, полностью разорвав церковную жизнь, поставили пастырей и мирян в трудное положение выбора между колеблющимися старыми структурами и созданием-возрождением церковных общин, основанных не на иерархической, а на иной системе подчинения. Н. Шметов причины «недостаточности» приходской жизни уводит в какое-то не конкретизируемое им прошлое (Российское? Византийское?) Во всяком случае, считает он, постепенно «община начинала терять свой изначальный смысл, а приход мало-помалу низводился до уровня «административной единицы»... сама литургия мало-помалу отчуждается от церковного народа, а духовная связь между клиром и миром, разделенными алтарной преградой, становится все слабее... Если же община вырождается в «административную единицу», что почти повсеместно происходило и происходит в Русской Православной Церкви, то она становится совершенно беспомощной перед натиском сокрушающего веру мира, она без труда дробима, она легко управляема «внешними», она, не умея сопротивляться чуждой силе, подпадает под влияние атеистической государственности».¹⁵⁸

Несмотря на принципиальный антиисторизм и явный субъективизм статьи, автор которой очевидно оказался со своими духовными наставниками вне подчинения Московскому патриархату и потому резко противопоставляет преимущества тайных братств недостаткам «явных» приходов, в ней говорится о реальных проблемах приходской жизни послереволюционного времени и точно называется главный корень всех приходских бед – столь частая разобщенность духовенства и мирян.

Мы видим, что приходу Свято-Серафимовского храма в 1918 году угрожала опасность исчезновения, если он переставал составлять часть епархии. Реальным было еще руководство поставленного от епархии настоятеля, хотя уже и оно не было столь безусловным, как раньше. По разным причинам священники начинают оставлять свои приходы, епископы – свои епархии. Приходы нередко оставались без пастырей еще до того, как началось массовое уничтожение священства большевистской властью.

В начале 1918 года произошел конфликт между настоятелем храма Сергеем Удальцовым и вторым священником Андреем Биантовским. В результате в приходской совет поступило личное заявление о. настоятеля о том, что он снимает с себя обязанности для сохранения церковного мира.¹⁵⁹ Общее приходское собрание, которое собиралось 25 марта для обсуждения годового отчета, определения состава прихода, переизбрания 12 членов приходского совета и обсуждения вопроса о преподавании Закона Божия, снимает все эти вопросы с повестки дня и обсуждает один вопрос: «о возникших недоразуме-

ниях между протоиереем Сергием Удальцовым и свящ. А. Биантовским». ¹⁶⁰ 270 человек прихожан «обоего пола» заслушивают резолюцию епископа на рапорт Пишпекского Уездного Общественного Комитета от 6 марта 1918 года об устранении их обоих от пастырских обязанностей. Надо обратить внимание на тот факт, что устраняет (или подтверждает самовольное устранение) от пастырских обязанностей не епископ, а Уездный Комитет; епископ лишь выносит резолюцию по уже случившемуся факту. Главнейшая обязанность и прерогатива правящего архиерея – ставить, перемещать и снимать священников в своей епархии, поставлена под сомнение и частично присвоена выборным органом уездного церковного самоуправления.

Не так уж важно, что произошло между двумя священниками и почему эти недоразумения привели к уходу их обоих. Примечателен сам факт оставления прихода без пастыря, обсуждение конфликта собранием прихожан и вмешательство Уездного Комитета. Мы видим, что за год, прошедший после революции, церковно-приходская жизнь была потрясена до основ. Все протоколы общих приходских собраний и заседаний приходского совета сдержанно свидетельствуют о конфликтах между прихожанами, о недовольстве членами приходского совета, казначеем.

Очевидно, причиной этому было увлечение верующих людей политикой и «охлаждение любви», о чем еще в 1917 году предупреждало всех православных христиан синодальное послание от 22 июля. «Хищения, грабежи, разбои, насилие и обострившаяся политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате... - вместо братства – охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений...» ¹⁶¹ Об этом же говорили Владыке Пимену в приветственных речах, когда он в конце 1917 года приехал в Семиречье: «Измученные физически и нравственно от переживаемых нашей родиной бедствий, мы верим, что Ваш приезд и духовное руководство умирят нашу жизнь и дадут ей успокоение». ¹⁶² С такими же, наверное, мыслями обращается к своему владыке приходской совет с просьбой прислать им настоятеля. Епископ Пимен отправляет «побуждение прихожанам Свято-Серафимовской Церкви избрать кандидатов причта в кратчайший срок». ¹⁶³ Прихожане просят епископа, чтобы он настоятеля избрал по своему усмотрению, а священником предлагает поставить диакона Гавриила Ольховика. Как записано в клировой ведомости диакон Гавриил Ольховик, 31 года, из крестьян, был рукоположен в сан иерея 7 апреля 1918 года и «согласно избранию прихожан Градо-Пишпекской Серафимовской церкви Преосвященным Пименом оставлен на настоящем месте». ¹⁶⁴

О возвращении древней практики выборов священника (в России существовала в 18 веке) в послереволюционное время говорили много. Выборности требовало низшее духовенство, о выборности всех структур церковного управления говорили в Священном Синоде. На Поместном Соборе Русской Православной Церкви (1917-1918) были долгие дебаты по поводу устройства епархиального управления, был проект, приближающий Церковь, по мнению докладчика А.И. Петровского, к идеалам епископально-общинного управления. Серьезные споры возникли вокруг 15-го пункта проекта, в котором говорилось, что епископ «управляет при соборном содействии клира и мирян», что сильно снижало права архиерея. Разногласия были по поводу выборов епископа на пустующие кафедры – тоже по проекту «архиереи..., клир и миряне совместно производят... выборы кандидата, голосуя одновременно... всех» Согласно 31 пункту определения, «высшим органом, при содействии которого архиереем управляет епархией, является епархиальное собрание, куда клирики и миряне избираются сроком на три года.¹⁶⁵ Что касается приходского священства, то в Уставе 1918 года сказано, что архиерею подобает принимать «во внимание кандидатов, о которых ходатайствует приходское собрание». Но по «выборам» Гавриила Ольховика мы видим, что не желание мирян, не соборные постановления, а сама жизнь продиктовала неизбежность такого решения. У владыки Пимена просто не было никаких других кандидатур для замещения вакантных должностей настоятеля и священника в Серафимовском храме. Некоторые священники сложили с себя сан, некоторые уходили в обновленческую церковь*, невозможно было вызвать кандидата в настоятели из центральных районов России. К осени 1918 года, по свидетельству митрополита Владимира, «в Казахстане убитые священники, монахи, монахини исчислялись уже десятками».¹⁶⁶ И хотя, как пишет владыка чуть ниже, согласно документам тех лет «вакансии священнослужителей заполняются своевременно», думаем, что таких вакансий становилось все больше и больше. О нехватке священников свидетельствует и тот факт, что только что рукоположенный, не получивший духовного образования молодой о. Гавриил Ольховик с декабря 1919 года начинает исполнять должность благочинного, а потом и утверждается в ней. Обычно на должность благочинного избирали почтенных опытных иереев.

Какая роль отводилась священнику в приходской жизни 1918 года? Согласно протоколам заседаний приходского совета, чаще всего о. Гавриилу приходилось выступать в роли просителя. Он совершенно не распоряжался церковными доходами и не мог даже вознаграждать труд членов причта. Впрочем, и доходов у прихода почти не было. Хор плохо справлялся со своими обязанностями: «назначают им жалование –

---

* Подробнее об этом см. в третьей главе.

и пой, что хочешь»,¹⁶⁷ – но регента из-за отсутствия средств нанять не могли. Отказывается служить псаломщик, о. Гавриил просит добавить ему в содержание по 50 рублей в месяц. Просфорня отказывается печь просфоры, если ей не дадут муки.¹⁶⁸ В последнем случае виной отсутствия муки можно считать не столько бедность прихожан, сколько плохое исполнение обязанностей приходским советом церкви или завхозом. Муку и деньги на муку по подписке собирали среди прихожан (приложен и подписной лист с именами нескольких десятков прихожан и указанием, кто сколько обязуется дать), но «ни деньги, ни мука до сих пор не были собраны и до просфорни не дошли»¹⁶⁹. Приходской совет обязывает старосту (очевидно, завхоза, т. к. должность старосты была к тому времени уже упразднена) собрать эти деньги и пшеницу, смолоть и отдать муку просфорне. Та имела право выпекаемые просфоры продавать по 30 к. штука для оплаты своего труда и отопления.

Приходской совет работал явно неудовлетворительно. В мае 1918 года за неаккуратное исполнение обязанностей снимают казначея, завхоза и секретаря приходского совета при этом выясняются даже какие-то «потерянные суммы из кассы». И вообще, создается впечатление, что некоторые члены приходского совета больше беспокоились об изыскании средств для себя, чем для благоустройства храма и вознаграждения труда причта. Несколько раз обсуждают вопрос о том, кто из них возьмет подряд на покраску крыши храма (работы потом ведутся неудовлетворительно), бурно обсуждается¹⁷⁰ проблема покосов на кладбище, которым распорядился приход.

Мы видим, что в 1917-1918 годах церковно-приходская жизнь была кардинальным образом переустроена на выборных началах, священник был отстранен от распоряжения церковными доходами, распределение доходов было передано о в ведение приходского совета. Если священник не распоряжался средствами, это значит, он не мог заботиться об улучшении условий для богослужения, о благоустройстве храма, о церковной утвари, о книгах для духовного просвещения прихожан, о благотворительности и вознаграждении труда усердствующих прихожан. Именно тогда священникам начинает отводиться роль «требоисполнителей» и это приводит, как мы вывели из материалов клировой ведомости и протоколов приходских собраний, к полному расстройству церковно-приходской жизни.

Приход Свято-Серафимовского храма в 1919-1921 годах

3 января (по новому стилю) члены приходского Совета Свято-Серафимовского храма слушали «Отношение Совета Народного Хозяйства от 3 января 1919 г. за № 16 о составлении и представлении описи на церковное движимое и недвижимое имущество на предмет национализации его согласно декрета».¹⁷¹

Декрет об отделении церкви от государства (Декрет Совнаркома РСФСР от 23/1-18 г.) объявил все церковное имущество «народным достоянием», а для большевиков это означало право на присвоение всей церковной собственности.¹⁷² Согласно клировой ведомости Свято-Серафимовского храма 1918 года церковно-приходская школа уже была изъята из прихода. Но другую приходскую собственность уездные пишпекские власти до 1919 года не трогали.

Всероссийский Поместный Собор очень определенно высказался по поводу претензий на церковную собственность кого бы то ни было. Постановил оповестить особым постановлением, что «никто, кроме Священного Собора и уполномоченной им церковной власти не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в Бога»¹⁷³ Все эти постановления не имели никакого действия на органы советской власти, приступившие к национализации церковного имущества. В Пишпек Декрет об отделении церкви от государства стал проводиться в жизнь в январе 1919 года. Началась национализация церковной собственности.

9 января собралось общее приходское собрание, которое обращалось в Уездный Совет Народного хозяйства с просьбой передать храм и церковное имущество приходскому совету «по описи, как в Ташкенте».¹⁷⁴ После решительно (за несколько дней) проведенной национализации все права на церковно-приходское имущество оказались у советской власти, а прихожане вынуждены были испрашивать разрешения на пользование у нового хозяина. Советским органам власти такое положение вещей казалось естественным, в 1918 – 1920-е годы издавались приказы, которые передавали церковное имущество приходу. Таков, например, приказ Совета Народных Комиссаров Туркестанского края от 26 марта 1918 года за №67, по которому Ташкентский Спасо-Преображенский собор и все церковное имущество и суммы переданы по описям приходу в лице его выборного церковно-приходского совета. Такие приказы выписывались в каждом отдельном случае на каждый отдельный приход, следовательно, могли служить средством давления на прихожан и священников. Храм и церковное имущество передавались советскими органами то – «законным» владельцам в лице действительных представителей прихода, то – «спорным», параллельным приходскому совету, органам, а то и вовсе незаконным, с точки зрения Церкви, организациям, таким как «обновленческая» церковь. Во всяком случае, приходам теперь надо было всячески обнаруживать свою лояльность, если они не желали лишиться своего имущества. Национализированное церковное достояние советские органы власти превратили в средство борьбы с религией и Церковью.

Если в первые два года после революции ограниченным в праве распоряжаться церковным имуществом оказалось духовенство, а миряне распоряжались церковной собственностью в прямом соответствии с постановлением (от 19 февраля 1918 г.) Всероссийского Церковного Собора, половина членов которого были мирянами, то актом национализации права на распоряжение и владение церковным имуществом лишались все православные верующие – и миряне, и духовенство. Причем, чем больше у человека было прав по прежним законам, тем меньше их становилось теперь. Наиболее пораженными в правах оказались священники, потом – верующие мужчины. На женщин, почти не игравших никакой роли в дореволюционной церковно-приходской жизни, новые власти смотрели снисходительно, и в скором времени именно они стали главными хранительницами церковного достояния. А владеть всем стали атеисты, т. е. неверующие, которые до этого по церковному уставу даже в здание храма не имели право входить.

На что существовал национализированный и лишенный всех прав и дотаций Свято-Серафимовский приход? Согласно клировой ведомости за 1921 год, «церковь содержится преимущественно на доход от продажи свеч и на пожертвования». За 1920 год осталась сумма в 7012633 рубля 34 копейки. Точно такая же – 7012634 рубля – осталась за 1921 год. Наверное, это была не просто такая же, а одна и та же сумма денег в ассигнациях, не подлежащих реализации, иначе они не лежали бы при общем недостатке средств. «Священник жалования не получает, а пользуется добротными даяниями при требоисполнениях до 2 000 000 руб. за год, псаломщик – 1 000 000 руб. за год. Причт¹⁷⁵ жалования не получает, а пользуется добротными даяниями».

Про дореволюционные доходы прихода можно сказать, что они были излишне бюрократизированы: определен штат причта, расписанный по нескольким категориям в зависимости от статуса храма, установлены цены на требы, даже благотворительность строго расписана по «кружкам» для удобства составления отчетности и контроля. В 20-х годах 20 века доходы церкви и содержание причта зависели только от щедрости и достатка прихожан, которые деньгами и натурой приносили свои «добротные даяния» клиру за исполнение треб, и пожертвования (обычно продуктами) к алтарю о здравии и о упокоении родных и близких. Учитываться могла только прибыль от продажи свечей, которая неизменно составляла две трети всего дохода.

Приношения распределялись между членами причта по договоренности или по устному распоряжению священника. По цифрам, указанным в данной клировой ведомости, видно, что они делились между священником и псаломщиком в соотношении 2:1 соответственно (примерно в таком же соотношении выделялись деньги на церковный штат от казны до революции). Такая форма «добротных даяний» всегда

существовала в Православной Церкви с первых веков ее существования, когда, естественно, не было никакого пособия от государственной казны, платы за требы, оборотных средств и оброчных статей, а Церковь существовала только на пожертвования своих членов. Епископ, священники и весь клир «кормились от алтаря», а настоятель распоряжался теми пожертвованиями, которые шли на поддержание и благоустройство храма, на благотворительность и новое строительство. В начале 20-х годов в той части, которая касалась содержания причта, можно сказать, была поневоле восстановлена древняя практика распределения церковных доходов. А в той, которая касалась поддержания храма, распоряжения и приобретения церковно-приходского имущества, никто из членов прихода и причта оказался не властен. Декрет об отделении церкви от государства в п. 12 гласит: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». А в постановлении ВЦИК и Совнаркома «О религиозных объединениях», разъясняющем методы проведения этого декрета в жизнь в п. 10 сказано: «Для удовлетворения религиозных потребностей верующие, составляющие религиозное общество, могут получать по договору в бесплатное пользование от волостного или районного исполнительного комитета или городского совета специальные молитвенные здания и предметы, предназначенные исключительно для культовых целей».¹⁷⁶

Следующие пункты постановления показывают, что приход – «зарегистрированное религиозное объединение» – совершенно лишился прав на свое имущество. Прихожане должны были иметь у себя опись всего культового имущества, в которую должны вносить и все вновь поступившие (путем купли, пожертвований, передачи из других молитвенных зданий и т. п.) предметы религиозного культа. Договоры на право пользования храмом или другим помещением (дозволялось только одно помещение) заключаются отдельным верующим за его личной ответственностью, для чего выбирались «в целях внешнего представительства» три или один человек. Причем регистрирующим органам п. 14 данного постановления предоставлялось право отвода из состава членов этого исполнительного органа отдельных лиц. Все эти пояснения к декрету означают, что приход должен был делегировать одного человека для подписания всех договорных документов по аренде помещений и другого имущества, причем этот человек обязательно должен был быть угодным советской власти, чтобы к нему не применили п. 14. Если учесть еще п. 12, гласящий, что общие собрания религиозных обществ производятся только с разрешения исполкомов или административных отделов, то становится ясным, что через уполномоченного представителя прихожан власти могли оказывать на приход любое давление под угрозой отказа от регист-

рации церкви, да и сам этот уполномоченный мог оказаться ставленником органов советской власти, совершенно не подверженным воздействию на него прихожан и священника.

Согласно клировой ведомости 1921 года несколько изменился состав прихода: отсутствует указание на с. Попеновка, кроме Пишпека указаны лишь село Привокзально-Вознесенское и заимки ниже города. Свящ. Гавриил Ольховик не указывает теперь ни их сословной принадлежности, ни местожительства. Он пишет в ведомости: «за неведением приходской книги точно указать количество прихожан, не порвавших связи с церковью, не представляется возможным. Примерно – 4000 души обоего пола». В 1916 году в приходе Свято-Серафимовского храма было 3521 православных обоего пола. Мы видим, что за пять лет число прихожан почти не изменилось, хотя город значительно вырос. Впрочем, за неточностью сведений сколько-нибудь серьезных выводов о демографической ситуации в Западной части Пишпека в 1921 году мы делать не будем. Также довольно трудно сделать убедительное заключение о соотношении «не порвавших связи с церковью» и отпавших от нее прихожанах. Важно отметить то, что с гибелью империи и ее административной системы настоятели храмов автоматически перестали выполнять чиновничьи обязанности (своего рода секретарей при учетно-статистической конторе) Правда, метрические книги велись, и в окружных благочиниях даже выдавались выписки из них. По имеющимся в архивах документам, до 1919 года выписывались метрики для разных целей¹⁷⁷. Эти книги фиксировали совершающиеся в церкви крещения и отпевания, учет которых был важен теперь только для внутренних нужд Церкви. А общий учет граждан Туркестанского края перешел к новым властным структурам, согласно п. 8 Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений».

Мы видим, что во многих сферах своей деятельности после революции церковно-приходская жизнь стала уподобляться ранне-христианским общинам, о чем так ратовали церковные реформаторы. Приход перестал быть административной единицей в системе бюрократического управления империей, не испытывал последствий епархиального произвола, чего тоже добивались реформаторы. Действительно, декрет от 23 января 1918 года, отделявший Церковь от государства, и постановления Всероссийского Собора даровали прихожанам и приходскому духовенству много свобод, но политика, на деле проводившаяся советским государством, превратила приход в бесправную группу верующих, подлежащих постепенному изъятию из социалистической действительности.

Все акты и постановления советской власти направлены были на создание как можно более худших условий для существования прихода. Но там, где церковная жизнь еще теплилась, большевики применяли очень действенную тактику для окончательного разрушения прихода. В соответствии с евангельскими словами «поражу пастыря и рассеются овцы» (Марк:14, 27) арестовывались священники. Клировая ведомость Свято-Серафимовского храма г. Пишпек заканчивается следующей записью в послужном списке о. Гавриила, сделанную очень неразборчиво, другой, нежели весь текст, рукой: «По причине заключения гражданскими властями в концентрационный лагерь с 23 июня 1921 года сроком на 5 лет, резолюцией Арх. Иннокентия от 8 июня 1922 года за № 1425 отчислен от должностей Благочинного и настоятеля Серафимовской Пишпекской Церкви». ¹⁷⁸ Именно в это время начались повальные аресты священников в Семиречье. С 1923 года на среднеазиатских кафедрах епископы появлялись периодически и кратковременно и новых священников почти не рукополагали – приходы остались без священников. С церковной точки зрения приход без священника существовать не может, с точки зрения местных советских органов – это повод для ликвидации церкви или передачи ее «для других надобностей». Впрочем, новой власти особого повода для того, чтобы забрать храмы, не требовалось. Пункт 36 Постановления о религиозных объединениях объясняет, что передача эта может состояться и в том случае, «если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей».

После революции 1917 года православный приход, который со времен Петра Первого упорно превращали в «административную единицу», обретая свободу от Священного Синода и имперской бюрократической машины, пытался решить свои внутренние давно назревшие вопросы, но, испытывая влияние политики, создавая сплошные выборные структуры по примеру советских органов, на самом деле помогал решению задачи атеистического государства по уничтожению Церкви.

Революцией были взорваны сами основы приходской жизни, основанной на единоначалии (настоятеля) и добровольном служении прихожан, желающих принести пользу Церкви. Настоятель был не просто начальником, но духовником своих прихожан. Все приходские дела – строительные, хозяйственные, богослужебные, по украшению храма и организации праздников, торжественных приемов, по устройству приходской школы и благотворительности, всеми прихожанами и клиром должны были делаться с благословения настоятеля. Всякий самовольный поступок в Церкви это не просто административное нарушение, не только проявление неуважения к начальству, но это – грех. Послушание в Церкви – это высшая добродетель. Организация, построенная на таких основах, конечно будет более стабильна и

деятельность ее будет более продуктивна, чем такая приходская организация, которая сформировалась после революции – с выборными должностями и бесправными священниками. Возникшие после революции приходские советы в дальнейшем стали средством контроля уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви над всей деятельностью приходского священника, средством ограничения его прав и обязанностей, орудием органов власти в разложении приходской жизни.

III.

Русская Православная Церковь в Киргизии после революции

3.1. Проблемы существования Церкви в 1917–1930-х гг.

Церковь и государство после революции.

Революция свое отношение к Церкви заявила сразу, еще весной 1917 года, когда Временным правительством был назначен на должность обер-прокурора Святейшего Синода В.Н Львов. Он начал с увольнений и перемещений неугодных ему архиереев. В самой Церкви тогда бродили революционные настроения, желание перемен. Некоторые из этих требований, такие, как созыв Поместного Собора, восстановление патриаршества на Руси, изменения в системе епархиального управления, были действительно необходимыми реформами. Другие, появившиеся на волне событий 1905 года и отражавшие мнение либерального духовенства, стремящегося коренным образом изменить Русскую Православную Церковь, вторгались в область православного вероучения и богослужения, а потому вели к расколу. В 1917 году разные церковные «партии» еще не размежевались отчетливо.

После Февральской революции многие православные, среди которых были и иерархи, и низшее духовенство, и миряне, возлагали некоторые надежды на новое правительство, которое, свергнув самодержавие, открыло им путь к реформам. Первые принятые решения показывают, что Русская Православная Церковь надеялась и при новом правительстве оставаться господствующей церковью в России как религия большинства населения. Но Временное правительство

сразу заявило о своей внеконфессиональности и приняло «Закон о свободе совести». Документ провозглашал свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина по достижении 14-летнего возраста, когда дети еще учатся в школе. Все церковно-приходские школы и училища у Церкви отбирались, обучение Закону Божьему запрещалось. Это был первый конфликт Церкви с революционными властями. Всероссийский Поместный Собор просил Временное правительство закон 20 июля 1917 г. отменить в тех его частях, которые касаются передачи церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения. Собор требовал все церковно-приходские школы и школы грамоты передать в ведение православных приходов. Глава правительства А.Ф. Керенский объяснил тогда недоумевающим представителям Поместного собора, что у Церкви отбираются лишь те школьные помещения, на постройку которых затрачены казенные средства, остальные государство берет в аренду на два года.

Всероссийский Поместный Собор открылся в августе, провел ряд необходимых реформ и, главное, восстановил патриаршество. Патриарха Тихона выбирали в октябре 1917 года под залпы Октябрьской революции. После Октябрьской революции постепенно выяснилось, что наладить отношения Церкви с новым государством не удастся, на какие бы уступки ни шло высшее церковное руководство.¹⁷⁹

Руководил отношениями Русской Православной Церкви и советского правительства Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, который за всеми гражданами признавал свободу исповедания любой религии (п.1) и совершения религиозных обрядов (п.5). Хотя декрет был по видимости довольно лояльным, демократическим, но отделением школы от Церкви попадал в самое уязвимое для Церкви место, посягая на ее право духовного просвещения своей паствы, равноправными членами которой были и дети. По всей России Декрет вызвал волну протестов, которые показывают, что действия большевиков, объявивших себя народным правительством, были по существу антинародными.

Не «реакционное духовенство», а именно миряне, рабочие и крестьяне, особенно возмущались отменой преподавания Закона Божия в школах. Многие родители отказывались отправлять детей в школы, когда-то приходские, без преподавания Закона Божия. В Казани, например, «16 тысяч рабочих Алафузовского завода... взялись содержать законоучителя».¹⁸⁰ Приходы Киргизии не были исключением. В Пишпеке о. благочинному Гавриилу Ольховику раз за разом отправлялись прошения от родителей учеников с просьбой вернуть преподавание Закона Божьего. Сто человек подписались под протоколом заседания родителей детей, учащихся в школах западной части г.

Пишпека. «Постановили: 1) единогласно, закон Божий детям преподавать, 2) урок Закона Божьего должен быть после общих уроков, 3) назначить плату по 12 рублей в год с каждого ребенка... 5) Предложить заведующему училищами, чтобы учение ежедневно начиналось установленными молитвами, причем в праздничные и воскресные дни на литургии водили бы детей в церковь и имели за ими наблюдение педагогов»¹⁸¹. Протокол предусматривает также количество часов, отведенных на этот урок – в 1 отделении – 1 час, во 2 и 3 – по 2 раза в неделю. Мы видим, что это не простое прошение о восстановлении учебной дисциплины, а действительное желание родителей приобщать своих детей к православному учению. Местные органы власти, поначалу довольно снисходительно относившиеся к Церкви, тем не менее, преподавание Закона Божия запрещали. До 1923 года не прекращались эти просьбы, пока уже не осталось на свободе священников, способных его преподавать*.

Декрет об отделении церкви от государства, как видно из событий, последовавших за его принятием, заведомо рассчитан был не на утверждение демократических свобод, а на конституционное обоснование начала гонений на Церковь. Новая власть, объявив «религию частным делом» в государстве, которое изначально было ориентированно только на общее, коллективное дело и не допускало ничего частного – ни собственности, ни мнений, ни идеологии – заведомо ставила Церковь вне закона, делала ее бесправной и обреченной на уничтожение. Декрет изначально носил принципиально антицерковный, антиправославный характер. Значение этого декрета для Православной Церкви хорошо показал владыка Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский, в статье, распространявшейся в 1918 г. на листовках среди верующих: «Согласно 3-ей статье, декрет будто бы имеет ввиду обеспечение религиозной свободы верующих, на самом же деле он воздвигает гонение на Православную Церковь и только на нее одну, гонение лютое, беспощадное. В самом деле, никто из нас не читал в газетах и ни от кого не слышал о закрытии где-нибудь на основании этого декрета, мусульманских мечетей, старообрядческих храмов, католических костелов..., но мы все знаем прискорбные случаи ограбления и закрытия православных храмов...; святость храмов оскверняется; там и там сокровища церковные, жертвами верующих собранные, расхищаются; богослужение прекращается; священнос-

---

* В случае со школами речь шла, конечно в первую очередь, не о праве на собственность, а о праве идеологического воздействия, которого Церковь однозначно лишалась. В самом начале 1918 года был издан приказ Комиссара народного просвещения Туркеспублики № 810, который объявлял недопустимым всякое участие духовенства в строительстве новой жизни русского народа и в особенности в строительстве новой школы.

лужителей лишают жизненного обеспечения, арестовывают, изгоняют и даже избивают... Зная, что Православная Церковь не может без храмов учить и спасать верующих,... декрет отнимает у Православной Церкви право приобретать собственность и распоряжаться ею и тем лишает Церковь возможности строить и содержать храмы, поддерживая их благолепие. Если декрет будет проведен в жизнь, русская земля скоро лишится храмов..., храмы ее превратятся руками безбожников в места увеселения или придут в состояние полной нищеты и разрушения; на их святом месте, по слову Писания, «будет мерзость запустения».¹⁸²

Такое поражающее точностью даже в деталях предвидение хода событий и последствий действия декрета, какое было у владыки Гермогена, встречалось тогда, в гуще событий, не у многих. Некоторые Туркестанские архиереи и священники если не приветственно, то во всяком случае лояльно встречали революцию. И среди них были самые усердные и не ищущие никаких личных выгод люди. На 2-ом съезде Туркестанского духовенства в итоговом документе «Нормы, регулирующие деятельность духовенства», были сформулированы следующие выводы: отделение Церкви от государства «не имеет для Церкви иных последствий, как только благотворных, ибо глубоко соответствует природе Христианской Церкви, которая не от мира сего».¹⁸³ Это еще можно объяснить «усталостью» от государственной имперской опеки. Но вот следующие фразы точно свидетельствуют о полной лояльности туркестанского духовенства и желании жить с новой властью мирно и спокойно. «Считая обязательным для всех священнослужителей безусловно честное гражданство в республике, которое состоит в признании Советской власти, в подчинении и исполнении лежащих на каждом гражданине обязанностей», не допускать вмешательства священников в политические дела. Так что слова о принципиальной контрреволюционности православного духовенства являлись либо политическим лозунгом большевиков, либо доносом обновленцев, а не реальным историческим фактом.

Не только духовенство старалось обустроить существование Церкви при новом режиме, но и вообще все православные туркестанские жители – крестьяне, казаки, солдаты (т. е., движущая сила революции), в своей революционной деятельности допускали соединение христианских и социалистических идей. Еще в 1905 году Семиреченской революционной группой социалистов издавалась и распространялась в расположении войск нелегальная газета «Обстрел». Появившееся 1 апреля письмо-прокламация крестьян царю Николаю Второму заканчивалось словами «Христос Воскрес!»¹⁸⁴ В 1917 году Урджарский Райисполком отменил свое постановление об отстранении от должности священника Могилы «в виду наступления Святой

Пасхи». ¹⁸⁵ В том же деле сообщается о прихожанах из неразборчиво указанного храма, которые просят священника Дмуровского отслужить молебен (благодарственный) по поводу свержения самодержавия и когда тот отказывается, отстраняют его от должности. В июне 1917 года проходит ряд выборов исполнительных комитетов. Общее собрание с. Беловодского своим избранникам в Учредительное собрание дает выписку – ряд решений по разным вопросам, и особо оговаривает, что президент Российской республики должен быть русским и православным. ¹⁸⁶ Даже в 1921 году «граждане села Горно-Николаевского как состоящие из православных вероисповедников и желающие утвердить христианство в наследие своего молодого поколения... постановили... Епископу Ташкентскому и Туркестанскому Иннокентию назначить священника», ¹⁸⁷ как записано в приговоре их схода. Этот приговор примечателен не только тем, что он совершается «в присутствии сельского комиссара Степана Чернова», но и своим стилем: граждане села не «просят смиренно владыку», а «постановляют назначить», почти приказывают, что свидетельствует, конечно, об их революционном настроении.

В этом же ряду уместно вспомнить несколько примеров лояльности некоторых представителей Советской власти Киргизии к православию, о которых пишет владыка Владимир. «Первый председатель Пишпекского совдепа, военный писарь Г. И. Швец-Базарный, говорил: «Чтобы не оттолкнуть трудящиеся массы, у нас висели иконы в присутственных местах». ¹⁸⁸ Другой пример еще более красноречив. «Уже в 1920 году в селе Военно-Антоновка фракционное собрание секции большевиков коммунистов в числе 34 человек постановило: ходатайствовать, чтобы в нашем селе был священник, на таких условиях, что мы обязаны построить ему дом, жалованье на 900 рублей в месяц, а также священник будет пользоваться земельным наделом». ¹⁸⁹ Г Сафарова, личного эмиссара Ленина, посетившего Пишпек в 1920 году, больше всего возмутили «объявления, приглашавшие коммунистов на богослужения». ¹⁹⁰

Мы видим, что примеры лояльного и даже положительного отношения к православию казаков, крестьян, солдат и даже местных революционных властей весьма многочисленны. В Киргизии не было таких судебных процессов и массовых расстрелов прихожан и священников по поводу изъятия церковных ценностей, как в России. Может быть потому, что особых ценностей в храмах по молодости не накопилось, а скорее всего именно из-за сравнительно мягких первоначально отношений советской власти к верующим. К такому же выводу приходят Ю.Ф. Буряков, Л.И. Жукова и В.Н. Проскурин – «в Средней Азии отношение к православной церкви и другим религиозным учреждениям было более щадящим, нежели в России». ¹⁹¹

При этом в советской атеистической литературе упоминаются обычно всего лишь два примера антисоветской деятельности православного духовенства Киргизии. Их скорее всего и было только два, потому что, если бы таких случаев было больше, о них бы обязательно написали. Среди организаторов Беловодского мятежа 1918 года был священник Сокулукской церкви Островский – он значится в списке активистов в качестве агитатора. В архиве хранится копия с приписываемой ему листовки,¹⁹² охарактеризованной автором материала К.А. Денисовым как «образец наглой клеветы на Советскую власть со стороны православного духовенства в тяжелые годы гражданской войны». На это воззвание ссылаются и в атеистической литературе, иллюстрируя тезис об «антисоветской контрреволюционной деятельности религиозных организаций и отдельных священнослужителей сразу после Великой Октябрьской Социалистической Революции и в ходе борьбы за социализм»¹⁹⁴ Авторство священника Островского, помимо утверждения К.А. Денисова, сделанного в архивном историческом очерке через десять лет после мятежа, ничем больше не подтверждается и может быть поставлено под сомнение, поэтому подробно мы текст этого возвания разбирать не будем. В целом оно носит ярко выраженный антибольшевистский характер, большевики сравниваются в нем со зверями, которые «в несколько раз хуже и гаже тигров и змей, потому что они наделены разумом, потому что у них в руках оружие и заключен союз с самим дьяволом», восстание названо «общим делом», борьбой с «большевиками-разбойниками» и их «наемниками – красногвардейцами», которые разъезжают «по нашим селам, грабя и чиня насилия над всеми честными трудящимися людьми»¹⁹⁵ Ничего специфически православного, христианского или сугубо «священнического» в этом возвании не содержится, и если оно и составлено священником, то может свидетельствовать о его погруженности в политическую борьбу, чего Православная Церковь не приветствует*. В селе Вознесенка во время Беловодского восстания в борьбе с большевистской властью участвовал священник, во всяком случае после подавления мятежа он был арестован вместе с «активной группой кулаков».¹⁹⁶ Никакой особенной «контрреволюционности» архивные документы не выявляют – сам факт ареста ни о чем не говорит.

---

* Интерес представляет одна фраза из этого возвания: «И знаете ли, что было задумано нашими врагами? Они постановили арестовать и истребить всех священников, учителей, докторов, мало-мальски зажиточных людей, храмы обратить в свои конторы, а имущество всех убитых...» (ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 28.) Мы видим, что уже в декабре 1918 года, до начала массовых официальных гонений на Церковь, некоторыми людьми ясно осознавались перспективы дальнейших взаимоотношений новой власти и Церкви.

Большого внимания заслуживают воспоминания 1934 года Прядко Е. М., хотя и написанные в духе времени, они выглядят довольно убедительными и могут свидетельствовать о реальной роли духовенства в борьбе народа с большевиками. «Масса вооруженных белобандитов под руководством главнокомандующего Благодаренко и его помощника Галюты... устроили многолюдный митинг и провозгласили преданность великому князю Михаилу Романову, портрет которого был поднят на митинге. В тот же момент местным беловодским попом был отслужен молебен и всеми присутствующими на митинге была принята присяга на верноподданство «наследнику российского престола Михаилу Романову и его «христоролюбивому воинству. И приложась ко кресту с окроплением «святой» водой по распоряжению главнокомандующего Благодаренко формировались взводы, роты,¹⁹⁷ батальоны и полки... и моментально начались военные действия».

Показания участника августовского вооруженного выступления крестьян села Дмитриевка (Талас) свидетельствуют об аналогичной роли священника, помогавшего восставшим. «...Утром 28 августа мы вышли обучаться за деревню, не успели приняться за учение, как за нами прислал священник с. Дмитриевка Фивейский. Мы пришли к церкви. Там священник на площади, возле церкви, отслужил молебен, дружина приложилась ко кресту и священник сказал речь, где он призывал не падать духом, бороться против Красной Армии... После второго выстрела из орудия все разбежались... в здание аптеки... затем подошел священник, который просил держаться и не сдаваться и выдавал ракеты для освещения. Затем священник ушел,¹⁹⁸ минут через 10 ушел и я, и после этого я нигде не участвовал».

Можно предположить, что духовенство во время крестьянско-казаческих восстаний против большевиков в основном просто исполняло свои обязанности: священники служили молебны, благословляли на битву, принимали присягу, отпевали убитых* – и именно привлечение

---

* После Беловодского восстания в Пишпекке в Дубовом парке отпели всех – и красногвардейцев, и белогвардейцев, и левых эсеров, и восставших казаков и крестьян, и даже сражавшихся с обеих сторон иноверцев. Похоронили их в одной братской могиле – рядом с Никольским собором. А. Ярков считает, что вообще «религиозность населения накладывала определенный отпечаток на революционные ритуалы. Показательно, что «борцов революции» хоронили не на традиционных христианских или мусульманских кладбищах, а в центре городов и сел – у стен храмов. Над могилами павших бойцы клялись продолжить начатое дело. Так, у православной церкви святого Михаила Архангела в Оше первый холмик братской могилы появился в 1919 году... Как свидетельствуют очевидцы, даже командующий Туркфронтом был вынужден дать согласие на похороны красноармейцев рядом с церковью, поскольку «в двадцатые годы религиозные чувства были широко распространены, что и повлияло на решение М.В. Фрунзе». – Ярков. А.П. Белорусы в Кыргызстане. Путь духовного возрождения. – Б., «Пропеллер», 2001. – С. 69.

Божьего благословения на «общее дело» было необходимо казакам и крестьянам, которыми руководили левые эсеры, что свидетельствует о желании всего народа сочетать православные и социалистические убеждения. Беловодское восстание, несмотря на участие священника, не имело никаких религиозных целей и конфессиональных признаков. К беловодским казакам в Пишпекке присоединились мусульмане, дунгане, которые помогли им занять всю северо-западную часть Пишпекка и продолжать успешные бои в течение четырех дней.¹⁹⁹ Рассмотренная в таком контексте деятельность священников, которая, согласно большевистским установкам, в течение всего советского периода трактовалась как контрреволюционная, по существу являлась вполне революционной, только антибольшевистской*.

Несмотря на общую лояльность православных Туркестана к новому режиму, с 1918 года начинаются прямые посягательства на жизнь верующих, в первую очередь жертвами становится духовенство. В Туркестанской епархии одним из первых пострадал епископ Пимен, не пробывший на Верненской кафедре и одного года, но заслуживший любовь всей семиреченской паствы. 29 мая 1918 года он вышел во главе крестного хода на улицы Верного. Этим шествием владыка хотел умирить противоборствующие силы: казаков и крестьян, между которыми большевики искусственно разжигали рознь. Миротворческий крестный ход был расстрелян красноармейцами, но владыка тогда не пострадал. 16 июня 1918 года епископ Пимен рассылает в свои приходы послание: «Прошу поминать убиенных пастырей Семиречья: иерея Евстафия Малаховского, иерея Георгия (Степанюка), иерея Владимира (Дмитровского), иерея Василия (Калмыкова), иерея Виссариона (Селиникова) иеромонаха Мелетия: все жертвы гражданской войны».²⁰⁰ Сам епископ Пимен был обречен на репрессии. Авторитет его

---

* *Такими же были, очевидно, и все эти крестьянско-казаческие восстания 1918 года. В советской историографии они определялись как кулацко-белогвардейские, но были по своим задачам антибольшевистскими. Беловодский мятеж вдохновляли левые эсеры, которые, вопреки обычным утверждениям, не оказывали сопротивление установлению Советской власти в Киргизии, а были ее первыми организаторами. В Пишпекском Совете Народных депутатов до ноября 1918 года фракция левых эсеров численно преобладала так же, как и в Верном и всем Семиречье. В ноябре после слияния обеих фракций в одну коммунистическую партию эсеры были потеснены в Пишпекском Узедном исполкоме пятью большевикам, введенными в органы власти силой 200 красноармейцев. Демонстративно покинув Совет, 8 из 14 бывших в нем эсеров, приняли участие в Беловодском мятеже. Председатель Военного Совета Беловодского восстания Благодаренко во время переговоров с Пишпекком заявлял: «Советскую власть признаем, если она состоит «пропорционально партийностям, но если она такая же хулиганская, как пишпекская, то таковая не признается, против нее и восстал весь честный трудовой народ. - ЦГА КР. - Ф. 1283. - Оп. 1. - Д. 115. - С.2-5.*

был так высок (его даже называли «верненским богом»), что органы советской власти справедливо опасались его влияния на семиреченских жителей, его призывов объединяться вокруг духовенства, его миротворческой деятельности, «неуместной» в период обострения классовой борьбы. Несколько раз против архиеерея возбуждались дела, и в конце концов, красногвардейцы из отряда Мамонтова тайно, ночью арестовали владыку, вывезли за город и расстреляли.²⁰¹

Расстреливали и арестовывали и простых священников, причем, вопреки декрету, утверждавшему свободу исповедания, расстреливали духовенство только за то, что оно было духовенством. Вот далеко не полный список убитых и арестованных священников и членов причта из Киргизии, который требует дополнения и уточнения: Псаломщик Григорий Скляр из с. Вознесенское был расстрелян красноармейцами; священник Симеон Банченко из села Ново-Покровка был расстрелян Пишпекской ЧК; псаломщик Иоанн Меньков (Кара-Балты) расстрелян; расстреляна жена священника Ефросиния Джуринская, расстреляны иеромонахи Свято-Троицкого монастыря Серафим и Феогност, протоиерей Филипп Шацкий был заперт в школе и сожжен*, арестован и расстрелян настоятель ташкентского Свято-Сергиевского собора протоиерей Виктор Моталов, служивший когда-то в с. Теплоключенка, священники Василий Которча (село Садовое), Борис Трубецкой, Гавриил Ольховик арестованы и сосланы в концлагеря. Этот список обязательно нужно дополнить именами причисленных к лику Святых репрессированных иерархов Ташкентских и Верненских: священномученика епископа Пимена (Белоликова), священноисповедника Луку (Войно-Ясенецкого)²⁰² священноисповедника схиархиепископа Антония (бывшего епископа Димитрия (Абашидзе)**). Репрессии не прекращались до самой войны. Из погибших в 1937 году нам известны архимандрит Иссык-кульского монастыря Геннадий (Лобачев) и священник Исаия Горбунков.²⁰³ Можно с уверенностью сказать, что большая часть имен православных христиан, пострадавших при советской власти остается еще не известной, так как, по свиде-

---

* Все вышеперечисленные лица причислены к лику Святых Новомучеников Российских.

** Епископ Димитрий уже на следующем месте своего служения в Таврической епархии за миротворческую деятельность и службу при режиме барона Врангеля был приговорен к расстрелу, просидев два года в тюрьме, потерял там зрение. Он был отпущен и, проживая в Киево-печерской лавре, руководил заочно некоторыми своими учениками в Туркестане. Его духовным сыном был епископ Ермоген (Голубев), возглавивший Среднеазиатскую епархию в к. 50-х гг. – См.: Владимир, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Панагия на георгиевской ленте: Житие священноисповедника схиархиепископа Антония (князя Абашидзе) // Восток свыше: Духовное и Литературно-историческое издание. – Ташкент, 2002. – Вып. IV. – С. 22-45.

тельству владыки Владимира, только «по поводу духовенства в разнарядке ЧК по Семиречью значилось: Арестовать каждого второго муллу и двух из трех попов».²⁰⁴

Уничтожение Среднеазиатской епархии.

Кроме расстрелов самым действенным средством для борьбы с Церковью было закрытие приходов и уничтожение храмов. В предыдущей главе мы уже разбирали те постановления, которыми руководствовались Совнаркомы при национализации церковного имущества и храмов. Здесь же опишем обычные методы, которыми совершался разгром епархии и приходов Русской Православной Церкви после революции. Одним из самых действенных орудий борьбы большевистского правительства с Церковью было религиозное объединение «Живая церковь», или, как их принято называть, «обновленцы». Члены этой организации сначала внутри Церкви, а потом отделившись от нее, организовали верховный орган – Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое с санкции НКВД, арестовавшего патриарха Тихона, заняло патриаршие покои в Донском монастыре, объявило себя единственной церковной властью и стало проводить революцию в Церкви. Первый Туркестанский обновленческий «епископ» Николай Коблов в проповеди по поводу смерти Ленина говорил: «Опыт показал, что и «церковная революция» может совершаться тем же путем, каким совершалась гражданская, т. е. путем полной пролетарской изоляции церковного управления»*.

Органы советской власти покровительствовали «красному духовенству», как его называли в народе, в той мере, в которой эта раскольничья организация могла повредить Русской Православной Церкви. Общий порядок ликвидации храмов при помощи живоцерковников был такой: арест православного священника, который нередко совершался по доносу обновленцев. Например, Николай Коблов «жаловался» в своем заявлении: «Самыми богатыми храмами и приходами, а вместе с тем и материальными средствами завладели тихоновцы-автокефалисты, представляя из себя организацию не столько религиозную, сколько контрреволюционную, политическую».²⁰⁵ Затем следовало назначение на вакантное место обновленческого свя-

---

* Хорошо характеризует этого деятеля «Живой церкви» одновременно и героический, и трогательный поступок, о котором Е. Мазуренко пишет так: Николай Коблов «в трудные дни января 1924 г. не побоялся произнести в Ташкентском соборе проповедь в память В.И. Ленина и пропеть ему вечную память». – Мазуренко Е. Указ. соч. – С. 88. Впрочем, основания для страха были, только, конечно, угроза исходила не со стороны властей, а со стороны «своей» же паствы. В том же 1924 году в Ташкенте православные оплевывали Съезд обновленцев так, что тем пришлось жаловаться в милицию.

щенника, конфликт прихожан с новым настоятелем, который выражался либо в изгнании священников, либо, что происходило чаще, в том, что прихожане переставали посещать церковь. Если поначалу некоторая часть верующих, запутавшаяся или увлеченная идеями социалистического христианства, пошла к обновленцам, то в течение 1923-1927 годов начался отток прихожан из их храмов. Советский исследователь православия Н.С.Гордиенко со ссылкой на Вестник Св. Синода пишет «Обновленцы теряли один приход за другим»²⁰⁶ и далее приводит цифры, показывающие, что если в 1924 году на стороне обновленцев был больше половины приходов, то в 1926 году их оставалось 6245 из 28 743, т. е. одна пятая.

Храмы обновленцев пустовали, в то время как вся паства шла в малочисленные храмы, оставшиеся у православных, «тихоновские», как их называли. Не шли к обновленцам из-за русского языка богослужения, из-за перехода на новый календарный стиль, из-за их неканонического и непривычного образа жизни (у живоцерковников были женатые епископы, они брились, коротко стригли волосы и откровенно сотрудничали с властями, принимая участие во всевозможных митингах и диспутах*). Пустующий храм по советским законам можно было смело закрывать.

Для того, чтобы на приходы назначались обновленческие священники, власти проводили огромную работу с епископатом, который вынуждали переходить в «Живую церковь». Эта работа была особенно успешной во время ареста патриарха Тихона в 1922-1923 годах. Архиепископ Иннокентий, возглавлявший в это время Туркестанскую епархию, сначала ВЦУ не признал, объявил Туркестанскую епархию автокефальной (самоуправляемой), но внезапно оставил Ташкент, уехал в Москву и признал правомочность ВЦУ, т.е. стал обновленцем. В епархию в сане архиепископа он уже не возвращался.

---

* Процитируем здесь несколько раз указ. соч. Е.А. Мазуренко, в работе которой собран большой материал о туркестанских обновленцах. В народе про них говорили: «серб и молот на митрах, звезды на ризах, револьверы и пустые чаши на престолах». Второй туркестанский обновленческий «митрополит» Николай Федотов обвинял «тихоновщину» в подмене «жизненно-практических задач церкви извращенно-аскетическим идеалом» и предлагал своим подчиненным «не ограничиваться одной храмовой работой, а выйти на культурную». Он характеризовал свою деятельность как «пролетарско-церковное дело», проводил идею трудового священства, предлагал заняться сельским хозяйством, особенно пчеловодством, сбором лекарственных растений». Несмотря на все эти высказывания, противоречащие самой сути православия, некоторые епископы и многие священники, в том числе и туркестанские, примкнули к обновленческому расколу. Особенно сильны позиции «Живой церкви» были в Ашхабаде. – Мазуренко Е.А. Указ. соч. – С. 92-94.

В Ташкенте среди священников, оставшихся верными патриарху Тихону, особенно выделялись своими пламенными проповедями и большой организаторской работой хирург Валентин (Войно-Ясенецкий) – будущий архиепископ Лука – и о. Михаил Андреев. Они собирали священство для упорядочения жизни епархии, оставшейся без архиерея, для разъяснения сущности «Живой церкви». ²⁰⁷ Храмы им сберечь не удалось, но вот православную паству – да. На съезде духовенства и мирян о. Валентина, не епископа, ²⁰⁸ всего два года назад рукоположенного в священники, избрали на пустующую Ташкентскую кафедру, выразив этим свое желание оставаться такими же бескомпромиссными православными «тихоновцами», как и новоизбранный архиерей. ²⁰⁹

Пробыв всего две недели на ташкентской кафедре, епископ Лука был арестован и сослан в Сибирь. Он и его преемники, сосланные в Среднюю Азию помощники патриарха Тихона митрополиты Никандр (Феноменов) и Арсений (Стадницкий), вынуждены были служить под открытым небом при огромном стечении народа возле кладбищенской часовни «Всех Скорбящих Радосте». Других храмов у православных в Ташкенте не было. К началу войны в Туркестанской епархии остался только один православный храм – в Самарканде. Остальные были либо закрыты, либо переданы обновленцам.

Верненское викариатство, к которому относились семиреченские приходы Киргизии, так же оставалось некоторое время без правящего архиерея. После расстрела в 1918 г. епископа Пимена и временного управления викарного епископа Сергия (Лаврова), который после очередного ареста перешел в обновленчество, ²¹⁰ православные в Верном своего епископа не имели вплоть до 40-х годов.

Последний православный Ташкентский архиерей довоенного времени архиепископ Борис (Шипулин) всего около года возглавлял Среднеазиатскую епархию. Его архиерейский путь был одним из обычных для послереволюционного времени. Владыка Борис был участником Поместного Собора, потом занимал разные кафедры, в 1921 году был арестован и провел в тюрьме три года. В 1924 году он отрекся от патриарха Тихона, впоследствии раскаялся, был прощен, как и множество других архиереев, отпавших от московского патриархата, а потом принесших церковное и личное покаяние. В феврале 1936 года владыка Борис стал архиепископом Ташкентским и Туркестанским. Церковный историк В. Заславский так характеризует его личные качества: «Несмотря на запреты властей, открыто проповедовал своей пастве Слово Божие. В личном быту отличался не просто неприхотливостью, а – нищетою. Очевидно, продолжал глубоко переживать свой грех отречения от Святейшего Тихона. Ходил в ветхом подрыснике, босиком в любую погоду, юродствовал, носил вериги. Пользовался огромным уважением и любовью православной паствы». ²¹¹ Владыку Бориса вла-

сти не оставляли в покое, принуждая его к переходу в «Живую церковь» и обещая сделать его обновленческим «митрополитом всея Средней Азии». За отказ от сотрудничества с властями владыка Борис был арестован в 1937 году и расстрелян в Сибири. После этого Среднеазиатская епархия оставалась без возглавления.

Православные приходы на территории Киргизии в послереволюционный период несколько раз меняли свою принадлежность. В 1917 году было организовано Верненское и Семиреченское викариатство Туркестанской епархии, к которому отошли таласские, чуйские и иссыккульские приходы, в то время как все приходы ферганской долины остались в ведении ташкентских архиереев. Следующая реорганизация состоялась в 1927 году, когда произошло разделение Туркестанской епархии на две – Ташкентскую и Верненскую. Приходы северной Киргизии оставались в ведении верненских архиереев до 1926 года, когда было образовано Пишпекское викариатство Туркестанской епархии, просуществовавшее до 30-х годов.²¹² Пишпекское викариатство, так же как и другие, некоторое время оставалась без архипастырского управления, а с 1929 года по 1931 возглавлялась православным епископом Мельхисидеком. В это время Пишпекское викариатство насчитывало 9 приходов. А вся туркестанская епархия, управляемая в 1931 году митрополитом Никандром, – 27 приходов. После упразднения Пишпекского викариатства приходы чуйской и иссык-кульской долин остались в ведении ташкентских архиереев.

Все эти сложные перемещения приходов и переустройства епархии были вызваны желанием Московской патриархии наладить систему управления епархией. С одной стороны, приходов становилось все меньше и меньше, с другой – становилось больше епархий, подчиненных им викариатств, вплоть до образования Пишпекского викариатства. Дело в том, что в течение двадцати лет после революции возможностей управления своей епархией у архиерея становилось все меньше и меньше. В условиях гражданской войны, постоянной угрозы ареста, беззащитности духовенства, епископу невозможно было совершать поездки по епархии, созывать священнослужителей, налаживать деловую переписку и финансовую отчетность. Особенно огромные расстояния Туркестанского края, пустыни и высокие горы препятствовали связи между приходским духовенством и епархиальным управлением. Викариатство во главе с починенным архиереем-викарным епископом, или небольшая епархия представлялись в таких условиях более подходящей формой управления.

Связь московской патриархии с епархиями также была затруднена. Об этом свидетельствует принятое 20 ноября 1920 года Патриархом, Священным Синодом и Высшим церковным советом постановление о самоуправлении епархий при невозможности поддерживать

связь с каноническим центром или при прекращении деятельности высшего церковного управления.²¹³ В таком случае предлагалось епархиальному архиерею связаться с архиереями соседних епархий и организовать орган высшей церковной власти для нескольких епархий. Эти постановления принимались в связи с тем, что ни православный приход, ни православная епархия в изоляции полноценно существовать не могут. В соответствии с этим постановлением на 2-ом съезде туркестанского епархиального духовенства в 1922 году была принята декларация, которая объявляла независимость Туркестанской Поместной Православной Церкви*.

На местах, в городах и селах Киргизии, сложные процессы реорганизации Туркестанской епархии не всегда успевали быть осмысленными прихожанами и приходским духовенством, тем более, что власти не позволяли архиереям подолгу задерживаться на кафедре. Кроме исчезнувшего из Ташкента владыки Иннокентия, все довоенные епископы были во время пребывания на ташкентской кафедре сосланы или расстреляны. В какие-то моменты епархия и приход оставались вообще без управления, либо оказывались в двойном подчинении. Особенно это касается приходов на территории Киргизии, несколько раз менявших свою «юрисдикцию». Конечно, это не могло не привести к неразберихе в церковной жизни и создавало благоприятную почву для распространения обновленческого раскола и других неканонических действий.

Приходское духовенство и миряне, увлеченные реформаторской деятельностью и благословленные Собором на создание выборных органов самоуправления, еще в 1918 году начали создавать приходские советы, разные комитеты, собрания. В 1919 году в Пишпеке действовали: Уездный Церковно-общественный Комитет под руководством священника Сергия Удальцова; Благочинический совет, в который от каждого прихода выбирались по 2 члена клира и по 2 мирянина, Уездный съезд духовенства и мирян, на который посылали по 1 члену от клира и по 1 от мирян.²¹⁴ «Демократизм» верующих людей проявлялся в равном представительстве мирян и духовенства в разных выборных органах самоуправления. Все эти комитеты и советы решали разные вопросы организации приходской и епархиальной жизни «в виду современного политического положения и согласно определениям Священного Собора»,²¹⁵ как записано в протоколе одного приходского собрания. С нарушением епархиальных властных

---

* Эта декларация не имела никаких последствий для Туркестанской епархии. Все православные туркестанские архиереи и после нее оставались верными Московскому патриархату, восстанавливали и поддерживали связь с Москвой.

структур выборные органы самоуправления стали решать, как мы видели в предыдущей главе, некоторые вопросы, находившиеся до тех пор в ведении епископа, как бы стараясь возместить недостаток управления сверху. Но заменить каноническую епископскую власть они, конечно, не могли. Ведь только епископ имеет право рукополагать священников, ставить их на приход, освящать храмы. А главное, что не самоуправствуя, не самовольничая, а только соблюдая послушание каноническим властям, православная община может сохранить в неприкосновенности догматы веры.

«Тайное православие»

Оставшиеся без храмов, без архиерейского управления и без приходских священников верующие искали другие пути для духовного общения. Чаще всего они тайно связывались с ссыльными, прячущимися или живущими в безвестности священниками, иеромонахами, архиереями. В Ташкенте и Самарканде прямо в квартире совершал богослужения митрополит Гурий (Егоров), который 12 лет провел в лагерях. Он положил начало возрождению в Средней Азии традиций русского старчества. На Иссык-Куле скрывался архимандрит Борис (Холчев), наследник оптинских старцев, к которому духовные дети приезжали не только из Средней Азии, но и со всей страны. Иеромонах Свято-Троицкого монастыря Иракий, бывший послушник Александр Вавилов, спасшийся во время разгрома монастыря в 1916 году, скрывался в Аксайском скиту, а потом, в 1928 году, вернулся на Иссык-Куль. Неподалеку от села Ананьево он скрывался от властей – сначала – в труднодоступном ущелье в горах, потом – в домах крестьян. К нему обращались за духовными советами жители окрестных сел, приезжали архимандрит Геннадий (Лобачев), благочинный бывшего Иссык-кульского монастыря, священник Исаия (Горбунков). Все вместе прямо в доме встречали церковные праздники, пели духовные песни.²¹⁶

Тайные связи с православным духовенством позволяли верующим участвовать в богослужении, получать духовные советы, принимать таинства, т.е. жить полнокровной церковной жизнью. В обычной жизни верующие старались не афишировать своей принадлежности к Церкви и исполнять все законы советской власти. Но если органы советской власти узнавали об их контактах, то тайная община классифицировалась как секретная контрреволюционная организация, ведущая антисоветскую деятельность. За общение с ссыльными и скрывающимися иереями были арестованы многие миряне. Также и сами не оставившие своего служения священники подвергались репрессиям как руководители таких организаций. В

1937 году архимандрит Геннадий (Лобачев) был арестован и расстрелян, тогда же был арестован и о. Исаия.

Во время Великой Отечественной Войны в Средней Азии, как и во всем СССР, стали открывать церкви, епархия была восстановлена и митрополит Кирилл (Поспелов) стал первым ее послевоенным архиереем. Тогда многие из «тайных христиан» опять стали членами приходов Русской Православной Церкви.

По-другому выстраивали свои отношения с властью и Церковью те верующие, которые не признали правомочности митрополита Сергия как преемника патриаршей власти. Особенно много отколовшихся от Русской Православной Церкви верующих появилось после опубликования послания митрополита Сергия 1927 года, в котором он заявил о лояльности Церкви к государству. В некоторых общинах несогласие с политикой митрополита Сергия выражалось в том, что его имя не поминали за богослужением во время перечисления правящих архиереев.²¹⁷ Такие общины так и назвались «непоминающие», сами себя они назвали еще членами «Истинной Православной Церкви»*.

В 30-е годы Средняя Азия стала местом ссылки для таких общин. Одну из них, высланную из Могилевской области за отказ участвовать в переписи 1937 года и выполнять постановления местных органов управления, поселили компактно в селе Кант. Община была выслана без священника, к духовенству, не разорвавшему своих отношений с митрополитом Сергием, эти люди не обращались, считая таких священников безблагодатными, т. е. лишенными возможности совершать церковные таинства из-за их лояльности к властям. В Киргизии сочувствующих священников им найти не удалось. Двадцать православных семей оказались в изоляции. Они собирались на тайные молитвенные собрания, водили туда детей, обучая Закону Божию по вывезенным из Украины духовным книгам. Таинство крещения совершалось бабушками неполным чином, который предусмотрен в православии для мирян в отсутствие священника²¹⁸. Другие таинства (отпевание, венчание) не совершались вообще. Во время молитвенных собраний наставник вместо богослужения прочитывал разрешенные для мирян части службы, разъяснял Евангелие, давал духовные советы. Когда в 1948 году в Канте появился православный храм, они не стали его посещать и даже большие праздники, и Пасху отмечали общиной не в церкви. За это местные кантские жители называли их баптистами или сектантами. Эта община «непоминающих» была чрезвычайно по-

* Там, где такие общины объединялись по несколько и окормлялись епископом, образовалась Истинно-Православная, или Катакомбная Церковь.

литизированной**». Они стойко держались принципа несотрудничества с властями, не участвовали в переписи населения, многие не получали паспорта. Во время переписи они выходили к переписчикам и спрашивали: «Вы укажете, что я являюсь членом Истинно-Православной Церкви? Если нет, то я от переписи отказываюсь». Некоторых из них за антисоветскую деятельность ссылали повторно в Сибирь, некоторые семьи раскулачивали.

Всегда, когда христианская община отделяется от Церкви, не участвует в таинствах, не признает церковную иерархию возникает опасность ее уклонения от православного учения. Среди «непоминающих» из Канта в 70-х годах появились подобные сектантским эсхатологические настроения, ожидание близкого конца света. Те из них, кто все-таки получил паспорта, стали их сжигать, рвать или возвращать в районные отделы внутренних дел.

Конечно, самым ревностным было старшее поколение, сосланное в Кант за убеждения. Их дети более лояльно относились к советской власти, многие вообще оказались равнодушными к вере, а некоторые пришли в приходы Русской Православной Церкви.

3.2. Православие в Киргизии в послевоенный период

Церковная оттепель 40-х – 50-х годов

Во время Великой Отечественной Войны Русская Православная Церковь, ослабленная как организация и почти уничтоженная в своих структурных формах, показала свою настоящую силу и способность поднимать дух народа. Хотя и замалчиваемая во всех советских научных трудах и идеологических выступлениях роль Церкви в победах советской армии была очень велика. Верховный Главнокомандующий СССР Сталин решил лично отблагодарить Русскую Православную Церковь и 4 сентября 1943 года вызвал к себе трех старейших из оставшихся на свободе архиереев и предложил им просить все необходимое для восстановления Церкви. О подробностях беседы известно из воспоминаний начальника 4 отдела III управления НКВД по борьбе с цер-

---

** Это свойственно было всем общинам такого рода. Из машинописной копии показаний одного молодого человека, присутствовавшего на собрании «нелегальной группы ИПЦ» мы узнаем, что ее руководители «призывали участников общины не общаться с Советской властью, не участвовать в ее мероприятиях и не посещать кинотеатры, клубы и другие культурно-просветительские учреждения, а заниматься только религиозной деятельностью, все мероприятия Советской власти будто бы направлены против бога и религии, следовательно против нас, верующих». – ЦГА КР. – Ф. 2678. – Оп. 1. – Д. 4. – С.31.

ковно-сектантской контрреволюцией полковника Г.Г. Карпова, который присутствовал при встрече митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Сталин спросил, какие есть у Патриархии и у них лично назревшие, но не разрешенные вопросы. И, несмотря на то, что это звучит почти как сказка, восстановление Патриархата, возрождение церквей, приходов, духовных семинарий и богословских курсов, возвращение священников и епископов из ссылки и концлагерей действительно началось. Правительство разрешило созвать собор, избрать Патриарха, возобновилась издательская деятельность Московской Патриархии, стали открываться новые приходы, священники получили право свободно передвигаться по стране, бывшие заключенные иереи – право служить, епархиям было предоставлено право отчислять деньги на содержание Патриархии и открывать свечные заводы, а архиереям – право распоряжаться церковными суммами. В. Цыпин так характеризует этот исторический момент: «Правительство... откровенно признало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа. По существу был заключен своего рода «конкордат», который в основном государственная власть соблюдала до начала хрущевских гонений».²¹⁹

Теперь был поставлен вопрос не о полном уничтожении всех религиозных объединений, а о мирном их сосуществовании с советской властью. Для урегулирования разных сложных вопросов, связанных с деятельностью епархий и приходов Русской Православной Церкви и других религиозных организаций в условиях атеистического государства при Совете Народных Комиссаров СССР в 1943 году был организован Совет по делам Русской Православной Церкви, а в 1945 – Совет по делам религиозных культов (с 1946 и до 1991 года – при Совете Министров СССР).²²⁰ Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви назначили специалиста по религиозным вопросам при НКВД Г.Г. Карпова, причем Сталин на той «исторической» встрече с митрополитами указал, что Карпов не обер-прокурор и что своей деятельностью он должен больше подчеркивать самостоятельность Церкви.

Для каждой республики назначались уполномоченные этих Советов, которые не подчинялись местным властям, а отчитывались только перед центром при Совмине СССР. Уполномоченные должны были контролировать всю деятельность всех религиозных организаций, регистрировать общины верующих, помогать разрешать конфликтные ситуации с органами власти разных уровней и наблюдать за тем, чтобы дозволенная религиозная деятельность не обернулась настоящим возрождением религии. От антирелигиозной работы нигде, ни в Москве, ни в республиках, правительство не отказывалось, но теперь идеологи заботились о том, чтобы атеистическая деятельность государства принимала более «цивилизованные» формы.

Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви по Киргизской ССР с 1943 года был Соловьев, который, судя по его деятельности, действительно руководствовался в отношении с приходами и священниками сталинской директивой – «подчеркивать самостоятельность Церкви». Уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Киргизской ССР в 1946 году стал Х. А. Ахтямов. В отличие от Соловьева, у Ахтямова был целый штат сотрудников, в том числе и специальный инструктор по делам Православной Церкви, который занимался жалобами на священников и контролем «на местах». В ведении уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви находилась регистрация приходов и учет священнослужителей, отчетность перед Союзным Совмином, урегулирование проблем с республиканскими властями, со строительством, содержанием храмов, налогообложением, и приобретением церквей.

Х.А. Ахтямов в 1946 году разъяснял новый курс правительства областным начальникам: «Предупреждаю Вас о необходимости максимально осторожного отношения к закрытию действующих молитвенных зданий. Фактически действующие молитвенные здания могут быть закрыты только в случае отказа от регистрации самими верующими или же уклонения их от регистрации... Они должны быть тактично предупреждены и в крайнем случае должен быть поставлен вопрос о закрытии».²²¹ Сложности нового, «тактичного» отношения к верующим не очень хорошо понимались на местах, а главное, малейшее ослабление давления на Церковь сразу приводило к ее восстановлению.

Восстановление Среднеазиатской епархии

Возрождение Среднеазиатской епархии произошло в 1944 году, когда на «вдовствующую», т.е. не имеющую правящего архиерея, ташкентскую кафедру был поставлен архиепископ Кирилл (Поспелов). Но приходы начали открываться еще в 1942-1943 гг. На территории Киргизии с дореволюционного времени действовали постоянно (с небольшими перерывами из-за отсутствия священников) только 2 прихода – в Пржевальске и Оше*. Остальные в разное время прекратили свою деятельность, «сохраняя группы верующих», из которых в 1943-48 годах вновь возникли религиозные общины.²²²

Порядок легализации православных общин Киргизии, т.е. превращения их из группы верующих в зарегистрированный решением Совмина приход был примерно²²³ следующим: Самыми первыми, в 1943 году, подняли вопрос о легализации религиозные общины городов Ош, Пржевальск, Джалал-Абад и села Беловодское. В 1944 году стали восстанавливаться приходы во Фрунзе, Токмаке, и селах Алексеев-

---

* В тридцатых – начале сороковых там служили обновленческие священники

ка, Калининское, Ленинское (Ошской области), Михайловское, Ново-Николаевка, Октябрьское, Советское. В 1945 году подали заявления о регистрации прихожане городов Талас, Кызыл-Кия и сел Ананьево, Мирза-Аке, Покровка (Исык-кульской обл.) и Покровка (Фрунзенской обл.), Сокулук, Теплоключенка, Тюп. В 1946 году – сел Быстровка, Васильевка, Грозное, Ильичевка, Ивановка, Ключевка, Кок-Янгак, Семеновка и городов Кант и Сулюкта.

К 1946 году на юге Киргизии действовало 9 приходов, а на севере – 23, – всего 32 прихода. Богослужения совершались в молитвенных домах, т.е. обычных жилых помещениях, и только 7 дореволюционных церквей было возвращено верующим. Обычно проходило около двух лет со дня подачи заявления о регистрации до получения разрешения на легальную деятельность прихода и священника.

Для того, чтобы предотвратить расширение влияния Церкви на народ, т.е. усиление «религиозной пропаганды», по советской терминологии, по-прежнему вся церковно-приходская жизнь контролировалась органами Советской власти. «Согласно инструкции Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, допускаются каждый раз с письменного разрешения Исполкома Горсовета».²²⁴ Но, несмотря на все эти меры предосторожности, несмотря на недавние страшные репрессии, люди с радостью потянулись к Церкви. Когда владыка Кирилл объезжал свою разоренную епархию, верующие встречали его у недостроенных соборов, и владыке приходилось совершать богослужения прямо под открытым небом. «Об одном из таких богослужений во Фрунзе (Бишкеке), – пишет владыка Владимир, – очевидец отзывался так: воодушевление паствы неопишемое. Ближе всех подбегали к Владыке дети, некоторые из них отбрасывали с пути Владыки камушки, которые могли попасть ему под ноги».²²⁵ Здесь описывается богослужение возле стен строящегося Воскресенского собора в столице Киргизии.

К концу 50-х годов в Киргизии так и оставалось тридцать два православных прихода.²²⁶ После 1946 года ходатайства верующих по открытию новых молитвенных домов и церквей не удовлетворялись. В сведениях о ходатайствах по открытию церквей и молитвенных домов в Совет по делам Русской Православной Церкви уполномоченный пишет: общее количество заявлений – 6, количество отклоненных – 5, нерассмотренных – 1. И так из года в год.²²⁷

Естественный процесс образования новых приходских общин и открытия храмов, по мнению церковного историка Сергея Гордуна, «тормозился Постановлением СНК № 1325 от 28 ноября 1943 года, так как данное постановление предоставляло местным властям лишь право отклонять ходатайства верующих; удовлетворять же их мог

только СНК, который наблюдал за тем, чтобы их количество не превышало определенной «нормы».²²⁸

Советские органы власти только лишь «терпели» оживление церковной жизни, не отказываясь от борьбы с духовенством и активными верующими прихожанами. Только теперь эта борьба, эта «законная» деятельность атеистического правительства проводилась как бы тайно. Уполномоченный возмущается тем, что «на местах проводится иногда работа, не связанная с отправлением религиозных потребностей, но допускаемая вероучением, как например: молебен о ниспослании дождя. Это не является необходимой частью богослужения, но на местах иногда разрешают совершение таких молебствований. Я считаю необходимым запрещать такие молебствования и чтобы это запрещение было свыше – в порядке закона».²²⁹ По-прежнему, как и в довоенное время, запрещалась такая естественная для Церкви деятельность как благотворительность, организация совместной трудовой деятельности – мастерских, сельскохозяйственных работ, вообще всякие собрания, – целый «перечень запрещений, не являющихся необходимой догматической частью богослужения».²³⁰ По этому поводу от уполномоченного поступали следующие распоряжения: «Существует особый перечень деятельности, проведение которой религиозным обществам запрещается, как специальные молодежные, женские собрания, оказание материальной помощи нуждающимся, угощение бедных и т.д. Уполномоченный при регистрации об этом предупреждает словесно руководителей религиозного общества, но они или забывают или притворяются, но все-же проводят такие работы. Делать по этому вопросу письменные указания религиозным обществам Уполномоченный не может по соображениям²³¹ толкования «об ограничении отправления религиозных треб».

Уполномоченный Ахтямов объяснял членам обкома: «Репрессирование некоторой части реакционно настроенного духовенства и распропагандированных ею верующих в период индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, стремившейся сорвать эти мероприятия партии и правительства, прикрываясь религиозными догматами, некоторыми коммунистами понято как репрессии по отношению к религии, а последовавшие за последнее время мероприятия по регулированию религиозного движения – как изменение этой политики,²³² тогда как партия и правительство отношения к религии не меняли».

Казуистические сложности советских идеологов были недоступны пониманию верующих. Они просто пользовалась предоставленной передышкой для благоустройства церквей, налаживания церковно-приходской жизни. Но со смертью Сталина, инициатора этой «религиозной оттепели», всем стало очевидно, что партия и правительство своего отношения к религии действительно не меняли.

Хрущевские гонения на Церковь

Начиная с середины 50-х годов началось сначала скрытое, а потом активное противодействие властей развернувшейся деятельности Русской Православной Церкви. В 1954 году было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Но оно было малоэффективным. По свидетельствам областных уполномоченных, Церковь в середине 50-х годов привлекала все больше верующих. Это не могло не тревожить уполномоченных, которые считали, что «правительство СССР, идя навстречу чаяниям верующей части населения за последние годы издало ряд постановлений, направленных к упорядочению отправления религиозных культов, но церковники используют (так в оригинале – Е.О.) эти постановления для усиления религиозной пропаганды, проводимой ими тайно. В результате некоторая часть молодежи оказывалась втянутой в религиозное движение».²³³

С. Гордун пишет, что «в отчетах из самых разных мест отмечается рост влияния Церкви... подавляющее большинство храмов в епархиях отремонтированы и содержатся в прекрасном состоянии», это несмотря на то, что по заявкам приходов обплан не отпускал стройматериалов. Их приобретали различными способами с помощью верующих».²³⁴

По Киргизии в целом в 1956 году уполномоченные насчитывали 81,2 тыс. молящихся.²³⁵ В 55-60-х годах Я. Гритчин, уполномоченный Совета по делам русской православной церкви, каждый год отправлявший в Совет сводки о числе молящихся в пасхальные, крещенские и рождественские службы (по 6-7 крупным селам и городам), сравнивая за несколько лет данные, рапортует об относительных успехах атеистической пропаганды. И тут же заключает: «Однако, абсолютные цифры молящихся еще очень велики. Только по пяти приведенным общинам общее число людей, участвовавших в церковных молениях, только в один крещенский праздник составляет около 10 тыс. человек. Что говорит о том, что на этом участке идеологической работы у нас еще очень много неотложных, больших и серьезных дел».²³⁶ И за другой, 1958 год, «... особую опасность представляет тот факт, что этот приток молящихся в своей массе начинает заметно изменяться в возрастном составе: Если раньше старухи и старики по большинству приходов составляли 90 % и лишь 10 % падало на средние возраста, молодежь и детей, то теперь первая группа молящихся снизилась до 80%, а вторая группа, наоборот, поднялась до 20%. Это уже немаловажный факт и требует особой настороженности». Во Фрунзе в день поминовения усопших (на Радоницу) в 1959 году, по признанию Гритчина, «в соборе и на двух городских кладбищах было не менее семи с половиной – восьми тысяч религиозных людей, чего раньше за всю мою практику работы здесь не наблюдалось».²³⁷

В тех же сводках Гритчина содержится такой анализ причин увеличения числа молящихся в церквях Киргизии: в 1956 году количество посетивших храм на Пасху в г. Пржевальске заметно возросло, потому что «настоятелем церкви является иеромонах Илья, проявляющий особую активность»;²³⁸ в 1958 году «довольно заметный скачок вверх» объясняется «большой активностью духовенства, которое за последнее время довольно часто стало «взывать» к верующим «Не забывать святую церковь, отбросить лень в сторону... (из проповеди игумена Иосафа в Воскресенском соборе – г. Фрунзе)»; тогда же «немалый рост притока молящихся наблюдается в гор. Оше. Изворотливость «святой» пары – священника Евдокимова и диакона Шенрока продолжает сказываться в довольно заметной форме. Если до их появления, в 1956 году, он составлял немногим более 1000 человек, то в первый же год их «радения» подскочил до 2800 чел., а в текущем году... поднялся до 3500 человек».²³⁹ А уменьшение числа молящихся в церквях на Рождество 1960 года Я. Гритчин комментирует так: «Объясняется это, во-первых, широко развернутой атеистической пропагандой и агитацией, выступлением печати, дальнейшим улучшением материального состояния трудящихся республики. Во-вторых, тем, что нам удалось несколько сдержать прыть правящего архиерея, в силу этого он пошел на перемещение одного особо «надежного» и активного священника (игумена Иосафа), уволил за штат старого священника (Хлопонина) и не прислал взамен никого».²⁴⁰

Все данные свидетельствовали о том, что Русская Православная Церковь вопреки ожиданиям многих идеологов не исчезала сама собой от «объективного» воздействия самого поступательного хода социалистического развития и атеистической пропаганды. Пожилые «дореволюционные» люди умирали, война, на которую снисходительно списывали рост религиозных чувств некоторой части советских граждан, окончилась, но число верующих не сокращалось, а заметно увеличивалось. Причина возрождения Церкви в Советском государстве была одна – прекращение репрессий, т. е. физического уничтожения верующих, и разрешение легальной деятельности приходов, епархий и Патриархата.

Н.С. Хрущев не захотел продолжать действительно странную, несколько двусмысленную для монополюльно-атеистического государства, сталинскую политику по отношению к религии: теоретически осуждаем, а на деле поддерживаем. Он публично объявил войну православию.

Причину распространения религии советские идеологи увидели в «коварной» противозаконной активности епископата и священства и, главное, в неправильной работе Совета по делам православной церкви, допустившего такую активность Церкви. Постепенно начали об-

рисовываться новые аспекты в деятельности уполномоченных. Если в 40-х годах основной формой их работы был сбор сведений о религиозных общинах, составление статистических отчетов в Москву и разъяснение местным органам власти и своим областным представителям «руководящей линии партии и правительства и особенностей текущего момента», то к концу 50-х годов их функции изменяются и расширяются, а главное, меняется сама цель их деятельности.

Я.И. Гритчин стал уполномоченным в 1950 году. Этот партиец, курировавший сначала химическую промышленность, действовал до 1960 по-разному, а потом его активная деятельность имела одну цель: создание как можно больших неприятностей епископу Ермогену, управлявшему тогда Среднеазиатской епархией, священникам и всем верующим. Вся эта его работа проходила в точном соответствии с директивными указаниями нового председателя Совета по делам русской православной церкви В.А. Куроедова, который при вступлении в 1960 году в должность заявил, что «главная ошибка Совета по делам православной церкви (при Сталине и Карпове – Е.О.) заключалась в том, что он... скатывался зачастую на позиции обслуживания церковных организаций. Занимая защитнические позиции по отношению к церкви, Совет вел линию не на борьбу с нарушением духовенством законодательства о культурах, а на ограждение церковных интересов».²⁴¹ Новый стиль в деятельности Совета Куроедов, ссылаясь на постановление ЦК КПСС, определил так: «главным звеном в нашей работе является строгий контроль за выполнением советского законодательства о культурах».²⁴² Контроль этот не был самоцелью, это было средство, а намек на цель звучал так: «Если контроль осуществляется хорошо, правильно, то он, несомненно будет содействовать ограничению влияния церкви на население. И наоборот – если контроль будет осуществляться слабо, поверхностно, то он станет объективно способствовать религии, усилению влияния церкви на отсталые слои трудящихся».²⁴³ Контроль этот предполагал вмешательство во все внутренние дела Церкви: запрещалось «излишнее» украшение храмов, благотворительность, приобретение автомашин и вообще всякой собственности, строительство церковей, расширение свечного производства и пр.

Что касается Ташкентской епархии и приходов Киргизии, то в этом же докладе Куроедова прозвучали такие слова: «Вряд ли целесообразно существование таких епархий как ... Ташкентско-Среднеазиатская» и др. и было предложено «разработать меры по их сокращению»²⁴⁴. То есть напрямую было дано задание уполномоченным по Узбекистану, Киргизии, Туркмении и Таджикистану проводить работу по ликвидации церковей, сокращению числа священнослужителей и приходов. Я. Гритчин, уполномоченный по Киргизии, подчеркнув в своем экземпляре

доклада все наиболее важные места, развил чрезвычайно активную деятельность, направленную против Церкви вообще и епископа Ермогена в частности. Он оспаривал назначения священников, не давая им возможности встать на учет в Киргизии, препятствовал увеличению числа благочиний в Киргизии, указывал местным органам власти на неугодных ему настоятелей приходов.²⁴⁵ Владыка Ермоген, большой знаток советских законов, упорно отстаивал конституционные права Церкви и всеми силами способствовал укреплению епархии.²⁴⁶ При нем в Киргизии не было закрыто ни одного прихода, хотя повсюду в СССР количество церквей неуклонно сокращалось.

С 60-х годов деятельность уполномоченных и инструкторов все чаще заключается в разборе жалоб верующих на священников, в участии в атеистической работе, в изучении деятельности «церковников» и мусульманского духовенства и «исполнения ими антиобщественных обрядов среди населения»,²⁴⁷ т. е. в изыскании поводов для закрытия приходов. Инструкторы и сами уполномоченные разъезжают по всей Киргизии для составления, например, информации о прохождении христианского религиозного праздника «пасха»,²⁴⁸ «для изучения религиозной проповеди, ее тематики, содержания, идеологической направленности и влияния служителей культа на религиозность населения, особенно детей, подростков и молодежь, способы, формы и методы религиозного воздействия».²⁴⁹

Проповедь, не выдержанная в правильном идеологическом направлении, и вообще любая проповедь часто становилась поводом для вызова священника в КГБ и даже для ареста. В 60-70 годы, по свидетельству старейших иереев епархии, не было ни одного священника, не побывавшего с отчетом у уполномоченного и в органах безопасности, и большая часть из них арестовывалась хотя бы раз, а некоторые и неоднократно. Постепенно уполномоченные добились того, что почти все священники перестали произносить проповеди, потому что любое слово, произнесенное с амвона, истолковывалось превратно.

Уполномоченный в 60-е – 70-е гг. становится очень важной фигурой в жизни прихода и епархии. Он систематически проверяет доходы и расходы храма, контролирует всю деятельность священника, его проповеди, всю хозяйственную деятельность епархии, оспаривает решения епископа.²⁵⁰ Исполнительный орган – приходской совет («двадцатка») и ревизионная комиссия наделялись всеми полномочиями в деятельности храма. У настоятеля храма прав не было никаких. Если он не желал быть просто «требоисполнителем», а занимался благоустройством храма и не умел наладить отношения с «двадцаткой», то со стороны последней начинали сыпаться жалобы в совет на вмешательство священника в хозяйственную деятельность. Уполномоченный отправлял инструктора для проверки «сигналов о нарушении законодательства о

культях» и т. п. Такие жалобы поступали годами из Токмака, Пржевальска, Ананьево.²⁵¹ Они могли стать поводом для увольнения священника с прихода и лишения его учетной карточки, без которой ему невозможно было продолжать службу.

Другим методом влияния на приходскую жизнь, было воздействие уполномоченных на приходской совет и ревизионные комиссии. Во-первых, следили за тем, чтобы в этих органах не оказались священники, во-вторых, чтобы приходские советы не попали под влияние настоятеля. Один из инструкторов командировался в Токмак для «изучения фактов вмешательства священника в административные и финансово-хозяйственные дела исполоргана и оказать помощь горисполкому в избрании исполнительного органа религиозной общины»²⁵² Очевидно, что если приходской совет выходил из-под контроля уполномоченного, то его просто разгоняли и выбирали новых членов, удобных советской власти. Либо просто запрещали регистрацию прихода.

Под этими и другими предлогами власти в 60 – 70-х годах активно закрывали храмы. При следующем за епископом Ермогеном, архиепископе Ташкентском и Среднеазиатском Гаврииле (Огородникове), в одной только Киргизии почти половина храмов (14 из 32) были закрыты.

Характерной для киргизских храмов является судьба Свято-Троицкого собора г. Каракол. «После революции, еще в 30-х годах храм был закрыт и здание передали детской спортшколе. Были произведены значительные переделки, храм сильно изменился, утратив свое былое величие. Были убраны за ненадобностью 4 шатра над барабанами, звонница и 2 боковых крыльца, убраны все кресты. Сохранился только центральный барабан и его внутренний шатер. Процент утраты и переделок составил 50%».²⁵³ Власти вернули этот храм Церкви в годы войны, а в начале 60-х годов опять забрали. В ходе этих экспроприаций храм очень пострадал: были снесены четыре из пяти глав вместе с шатрами, колокольни, уничтожено все внутреннее убранство. В здании устраивали то театр, то спортзал, то танцплощадку. Когда оно окончательно пришло в негодность, там расположился угольный склад, ночевали бродяги, которые чуть не сожгли собор. В подсобных помещениях собора располагался горком комсомола. Так продолжалось до 80-х годов, когда власти вспомнили об историческом значении собора и начали вести реставрационные работы. Был укреплен фундамент, восстановлены колокольня, шатры с куполами, резьба, храм был перекрыт железом. В соборе решили устроить краеведческий музей. В годы советской власти это была еще не самая худшая участь для православного храма, музейные работники хоть старались беречь архитектуру, не делали фундаментальных перестроек. Но зато музейные работники труднее всего возвращали церкви. Обычной своей отговоркой, что верующие не смогут правильно сохранять здание, представля-

ющее художественную и историческую ценность, они оттягивали возвращение Свято-Троицкого собора.

После революции большинство храмов было разрушено или перестроено: снимались барабаны с куполами, сбивались и забеливались росписи, перепланировались внутренние помещения. Печальная судьба постигла даже самые красивые из них: один из самых первых храмов в Киргизии, храм Димитрия Солунского в с. Теплоключенка, превратили в сельский клуб и библиотеку, Пишпекский Никольский собор – в выставочное помещение, Пишпекскую церковь Серафима Саровского – в детский дом, потом снесли. Сейчас почти все оставшиеся церкви возвращены верующим, и в них возобновлено богослужение.

3.4. Православная культура в независимом Киргизстане

Политика правительства Республики Киргизстан по отношению к Православию

Лучше всего об отношении правительства Киргизии к Русской Православной Церкви знает ее предстоятель в Средней Азии митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Он был назначен на кафедру в 1990 году во время крушения Советского государства, когда на территории Среднеазиатской епархии оказалось четыре страны бывшего Советского Союза. В каждом из этих государств шли сложные процессы переустройства политической и административной систем, с которыми надо было считаться Русской Православной Церкви и налаживать со всеми правительствами благоприятные для православных людей отношения. На это направлена вся активнейшая деятельность владыки Владимира. По его собственному признанию в беседе с корреспондентом «Независимой газеты», «епархия переживает невиданный в своей истории расцвет. Возвращение Церкви сохранившихся здесь зданий старинных храмов происходило здесь легче, чем во многих российских областях. И это естественно. Чиновники-атеисты, каких немало осталось в России, не знают и знать не желают, что такое для православных верующих Дом Божий. А мусульманские руководители прекрасно понимают наши религиозные чувства».²⁵⁴ Мы видим, что, по мнению владыки, во многом благодаря именно покровительственному отношению среднеазиатских правительств, епархия переживает расцвет. Действительно, после 1990 год, в епархии произошло много изменений. В 1990 году открыто духовное училище, а 1998 году на его базе – Духовная семинария, которые готовят священников и псаломщиков; удвоилось число приходов – с 56-ти до 100 (почти половина из них – в Киргизии), открылось четыре монастыря: три женских, один из

которых в г. Кара-Балта, и один мужской. Воссозданы и построены десятки храмов, издаются православные газеты и журналы (в Бишкеке – первая православная газета – «Православный мир»), создан производственно-хозяйственный отдел, который производит свечи, работает епархиальная типография, где печатаются иконы, календари, книги духовного содержания. Как говорит один из старейших священников епархии протоиерей Пахомий Лай, «то, о чем мечтали все предыдущие святители кафедры ташкентской, сбылось лишь заботами и трудами нового архиепископа».²⁵⁵

О характере помощи, оказываемой властями епархии и приходам Русской Православной Церкви в Средней Азии владыка Владимир пишет: «Разумеется, при оказании государственной поддержки предпочтение отдается Исламу. Поскольку большинство народа состоит из мусульман, это естественно и законно. Но при этом и отношение властей к Православной Церкви повсюду – самое благожелательное; мы тоже получаем помощь и от правительства, и от администрации на местах».²⁵⁶ Особенно примечательно свидетельство владыки, что помимо административной помощи, «Аскар Акаев... неоднократно жертвовал значительные суммы из своих личных средств на строительство храмов в различных городах республики».²⁵⁷

Отношение правительства Кыргызстана к Русской Православной Церкви было ясно сформулировано и доказано практическими делами самим президентом А. Акаевым во время посещения в 1996 году епархии и Киргизии Святейшим патриархом Алексием II. Ко дням торжеств по Указу президента была расширена и благоустроена территория Бишкекского Воскресенского собора, за государственный счет предоставлены квартиры жильцам располагавшихся здесь домов. Эти дома, в 40-х годах принадлежавшие приходу, а потом при Хрущеве отобранные, теперь снесены, и с улицы Жибек-Жолу открылся вид на церковь, построенную по проекту архитектора В. Верюжского и на новое административное здание, построенное по проекту Н. Нижурина. Весь комплекс церковных зданий обнесен новой оградой с монументальными воротами. Несомненно, ни епархия, ни бишкекский приход без помощи правительства в такой короткий срок не смогли бы произвести столь грандиозные преобразования, тем более, что тут нужны были не только средства, но и решительные меры по перепланировке этого городского квартала.

Президент А. Акаев, обратился с приветственными словами к патриарху и всем присутствующим на встрече: «Дорогие мои православные соотечественники!...Православие стало неотъемлемой частью духовной жизни нашей страны... Несомненно, что эти торжества и пребывание в нашей стране Вашего Святейшества останутся в народной памяти и в анналах истории незабываемым момен-

том исторического значения...»²⁵⁸ Президент заверил, что его правительство учло суровый опыт безбожного прошлого и пошло «по пути возвращения храмов верующим» и особенно отметил выдающийся вклад, который вносит Православная Церковь в формирование государственности, основанной на ценностях свободы, межнационального и межконфессионального согласия, гражданского мира и созидательного труда».²⁵⁹

Святейший патриарх Алексей, сравнивая обстановку в Киргизии и в других регионах, где царят нетерпимость и озлобленность, сказал, что здесь люди 80-ти национальностей живут в согласии друг с другом – «в этом огромная заслуга первого Президента Кыргызской Республики, господина Акаева», за что выразил ему благодарность.²⁶⁰

Все эти теплые слова можно было бы счесть за «общие места» необходимого на уровне высокой политике этикета, если бы они не прозвучали на фоне нового архитектурного ансамбля, ставшего одним из самых красивых мест города. Во время беседы с духовенством Киргизии в резиденции правящего архиерея обсуждались дальнейшие перспективы храмового строительства. Президент А. Акаев заявил: «Мы полны надежды, что собор будет источником добра, света и чистоты... Если Бог поможет, уже в следующем году мы расширим здание собора по проекту, предложенному архиепископом Владимиром».²⁶¹ Сейчас уже ясно, что это тоже были не просто красивые слова. За шесть лет, прошедшие с тех пор, у Воскресенского собора появился большой придел, освященный в честь Святителя Алексея. Теперь в храме два алтаря и появилась возможность совершать две литургии в день.

Без участия органов власти было бы затруднено, а порой и невозможно, восстановление в столь короткий срок (1991-1996 год) большого количества киргизских приходов. Верующим вернули старинный храм в Караколе. Протоиерей Александр Дубанов, тогдашний настоятель каракольского храма, вспоминает, что его прихожанам пришлось вести борьбу за возвращение церкви. В результате 15 октября 1991 года храм вместе с принадлежавшими ему постройками и сквером был передан православной общине. Но еще в течение четырех лет положение прихода было неустойчивым, пока не произошла встреча прихожан храма с владыкой Владимиром и президентом А. Акаевым, который окончательно документально подтвердил права общины на храм. Храм благоустроили к 125-летию Среднеазиатской епархии и Патриарх во время своего посещения Иссык-Куля освятил этот чудом уцелевший собор ровно через сто лет после его создания. Он подарил Свято-Троицкому храму Евхаристические сосуды для совершения литургии.²⁶²

Мы уже говорили, что большая роль по установлению добрых отношений с правительством и народом Киргизии, так же, как и с правительствами других среднеазиатских государств, принадлежит пра-

вящему архиерею митрополиту Владимиру. Владыка, совершенно в соответствии со своим назначением предстоятеля Церкви, становится посредником между властями и приходами своей епархии. Кроме того, он постоянно выступает с проповедями, докладами, публикует книги, участвует во встречах с представителями власти, с учеными, студентами, последовательно разъясняя свою точку зрения на проблемы существования Православной Церкви в странах с преобладанием народов, традиционно исповедующих ислам. Убежденный сторонник мирного сосуществования двух религий, владыка Владимир с Божьей помощью добился того, что в его епархии нигде нет конфликтов на религиозной почве между православными и мусульманами. За миротворческие труды митрополит Владимир был награжден медалью Данк, государственной наградой Республики Кыргызстан.

Не только на высшем правительственном уровне, но и на местах сельские и районные органы власти в основном оказывают содействие развернувшемуся церковному строительству. Священник Евгений Матрюков с первых дней своего управления приходом в Токмаке начал работу по благоустройству Свято-Георгиевского храма: вместе с прихожанами сделали пристройки, построили колокольню. Он сам свидетельствует, «что без помощи городской администрации, лично главы ее М. Т. Керимкулова наши планы так бы и остались планами. Из горбюджета по его распоряжению нам выдали 51 тысячу рублей, ... он дал разрешение на строительство, помог с асфальтированием, разрешил открыть автохозяйство при храме».²⁶³

Отец Валентин Никонов, настоятель храма Святой Блаженной Ксении, рассказывает, что городская администрация Балыкчи под первый проект выделила сначала один участок, потом, когда владыка утвердил другой проект, пошли навстречу, выделили другой участок под строительство. С просьбой о помощи обходился о. настоятель все административные отделы, все предприятия и где-нибудь получал помощь. «Нам с мусульманами одновременно разрешили строиться, – рассказывал о. Валентин. – Я начал собирать средства, оформлять документы, а через некоторое время приходит ко мне их мулла с помощниками и говорит, объясните, батюшка, как делать все надо, помогите. Так мы вместе к начальникам и заходили: я иду, а рядом они – учатся. Я и для них деньги просил, говорю, нам дали и на мечеть дайте».²⁶⁴

Сейчас в Киргизии усилиями священников и мирян, благодаря благожелательному отношению киргизских властей к Православию существует 41 приход (данные 2002 года) и буквально каждый год открываются новые храмы.

В Бишкекском благочинии – 8 приходов. Из последних событий церковной жизни благочиния можно назвать такие факты: в Бишкеке благоустраивается Епархиальное управление при Кафедральном

Соборе Воскресения Христова, увеличивается алтарная часть собора, строится конференц-зал; действует временная церковь при строящемся трехэтажном Свято-Владимирском храме; восстанавливается приход в Аламедине, закончено строительство храма в с. Воронцовка. Кроме этого, храмы и молитвенные дома имеются в городах Кант Ново-Покровка, Военно-Антоновка, Ленинское.

В Чуй-Токмокском благочинии – 6 приходов: Храмы – в Чуй-Токмоке, в селах Ивановка, Орловка, Быстровка, Красная Речка и молитвенный дом в с. Бурулдай,

В Беловодском благочинии – 7 приходов и 1 монастырь: храмы – в городах Талас, Кара-Балта, в селах Сокулук, Покровка, Панфиловка, Сосновка, Беловодское, Васильевка.

В Иссык-Кульском благочинии – 10 приходов (5 храмов, 5 молитвенных домов) и 2 православные общины. Возвращен церкви и восстановлен храм в городе Кара-Кол, в 1992 году открыт приход в г. Чолпон-Ата, освященный в честь новомученика Вениамина, впервые открыт православный приход в г. Балыкчи и построен великолепный храм Блаженной Ксении Петербуржской. Кроме того, храмы и молитвенные дома действуют в селах Ананьево и Теплоключенка, Покровка, Тюп, Семеновка, Тамга и Григорьевка.

В Ошском благочинии – 4 храма, 3 молитвенных дома. Храмы – в городах Ош, Джалал-Абад, Кара-Куль, Кадомжай, Майлуу-Суу, в с. Куршаб и молитвенные дома в городах Кызыл-Кия и Кок-Янгак, Сулюкта

Проблемы возрождения православной культуры

В последнее десятилетие все мы наблюдаем всеобщее оживление религиозной жизни, которое стало принято называть «возрождением православия». Попытаемся разобраться в этом культурном феномене по возможности без эмоций и насколько в наших силах терминологически точно.

Совершенно ясно, что ни количество храмов, ни количество людей, считающих себя верующими, ни количество разговоров в прессе о религии и духовности, (т. е. никакая статистика) не являются показателем возрождения христианства. А что же мы можем изучать? Мы попробуем рассмотреть конкретные формы, в которых проявляет себя православная вера в культуре Киргизии сегодня – вероучение, богослужение, организацию приходской жизни, современные храмы, изобразительное искусство, пение. Мы можем сопоставить их с аналогичными явлениями прошлого (разных периодов) и попытаться выяснить, что же возрождается (и возрождается ли вообще) сегодня за церковными стенами.

Богослужение и вероучение – наиболее стабильные элементы Восточно-Христианской Церкви (составной частью которой являют-

ся православные приходы Киргизии). «Православною называется церковь потому, что она «непрерывно» и «неизменно» сохраняет все преданное и установленное от Господа и апостолов и строго «удаляет произвол и своеволие» в учении, постановлении и обычаях христианских». ²⁶⁵ Потому она и называется православной, или ортодоксальной, что каноны, догматы, правила принципиально не меняются со времени Семи Вселенских Соборов, то есть больше тысячи лет, и являются общими для всех поместных церквей и для всех приходов в разных частях света. Церкви в Киргизии сохраняют верность догматам, или, как говорят сами верующие, чистоту православия.

Мы могли бы назвать один только храм, где новопоставленный священник произносит проповеди в униатском духе, пропагандируя католическое представление о святости. Кроме этого случая, мы не знаем фактов изменения вероучительных догматов, сведений об уступках католичеству или протестантизму. Об этом можно было бы и не упоминать, если бы в некоторых странах ближнего зарубежья, где культура вообще и православие в частности находятся в аналогичных условиях, не было бы более вольного обращения с канонами. В ближайшей к нам Алмате происходили запрещенные церковными канонами совместные молитвы православных с католиками. То же самое – в Петербурге, Новосибирске. ²⁶⁶

Нет в приходах Киргизии и обновленчества – той жажды к изменениям вероучения, обрядов и ритуалов, которая охватила некоторые приходы в России. Возрождение православной жизни лидерами этого движения (Георгий Кочетков, Александр Борисов) понимается как необходимость перерождения, преобразования существующей Церкви в соответствии с их представлениями о Церкви первоначальной, первых веков христианства. ²⁶⁷ Это движение в духе протестантизма и сектантства сопровождается обычно требованием перевода богослужения на русский язык, переходом на новый стиль, новыми принципами организации приходской жизни, принижением значения церковной иерархии и даже новациями в догматической части вероучения. С притоком в православные храмы молодежи и интеллигенции можно было бы ожидать подобных изменений и в Киргизии, но этого не произошло. В Киргизии богослужение, как и прежде, совершается на церковно-славянском языке, на этом же языке исполняют песнопения и все общецерковные и домашние молитвы.

Верные догматам и канонам православные церкви никогда не были безликими, похожими друг на друга. Есть индивидуальные черты и у киргизских приходов. Здесь строй богослужения, как он вырисовывается сейчас, более похож на украинский, чем на русский. И в новых, и в старых приходах восстанавливается украинская манера общего пения всеми прихожанами во время богослужения. В России

не распространено так называемое общенародное пение в храме, во многих московских церквях, например, даже то, что по уставу положено петь всем присутствующим в храме, исполняют только певчие. В Киргизии обычно, как только замолкает профессиональный хор, за которым прихожанам трудно подпевать, сразу же весь храм начинает петь. Причиной этого явления, очевидно, является большое число выходцев с Украины среди прихожан.

Во всех храмах поют обычно одним клиросом (хором). Исключение составляет Бишкекский Воскресенский собор, где есть два хора, что связано с сравнительно благополучным финансовым положением храма, как это было и в XIX, и в XX веке. Верхний хор (т. н. «правый клирос») составлен из профессиональных, не обязательно православных певцов. Эта традиция приглашения вокалистов особо развилась в городских храмах за время советской власти. Прихожан было мало, выбирать на клирос было не из кого. Для этих певцов церковные песнопения – набор арий, в их репертуаре преобладает нотное пение, т.е. исполнение церковных молитв в переложении и обработке русских композиторов 19 века. Но теперь, с увеличением числа прихожан, из которых можно составить хорошие приходские хоры, ярко раскрываются возможности более древней, средневековой, манеры «гласового» пения. Православные хоры Киргизии при исполнении отдельных молитв возрождают старинные монастырские распевы не только русские, но и греческие. Трудно, однако, сказать, какому стилю отдается сейчас предпочтение. Скорее всего стилю 18-19 веков как более эмоциональному, экспрессивному, презентативному. Пышные, технически сложные песнопения профессиональных композиторов вызывают одобрение и у простых верующих, и у представителей церковной иерархии. Именно их чаще всего выбирают для торжественных случаев и концертов. В средние века такое «оперное» пение, с сильным повышением голоса, с многократным повторением одних и тех же слов повсеместно осуждалось как «страстное», мирское, не подходящее церковной службе. Были редкие противники такого исполнения и в 19²⁶⁸ веке. Среди них можно назвать Свяителя Игнатия Брянчанинова.

Итак, в вероучении, богослужении, и в хоровом пении значительных изменений не произошло. Только одна часть богослужения за последние десять лет существенно изменилась. Это – церковная проповедь. При советской власти проповеди фактически были упразднены. Дело в том, что в храме почти всегда находились люди, наблюдающие за лояльностью священника. Именно неосторожно сказанные или превратно истолкованные слова во время проповеди могли стать и становились поводом к заключению или увольнению священника. С исчезновением государственного вмешательства в дела ре-

лигии, проповедь повсюду возрождается. Читают ее священники на русском языке, чаще всего она представляет собой толкование текстов Священного Писания, пересказ Жития Святых, объяснение смысла христианских праздников, перечисление и описание грехов, размышление о современных событиях. Формы – самые различные: и «чтение по бумажке», и вольный, спонтанный разговор, и речь, построенная по всем правилам ораторского искусства (по церковному – гомилетики), здесь нет никаких строгих правил – дело вкуса и способностей священника. В Балыкчанском храме мы встретили крайне редкую и сейчас, и в 19 веке проповедь, произносимую не священником, а пономарем. В раннее средневековье, особенно в Византии такая форма проповеди – дьяконами, пономарями или другими членами клира – была обычным явлением.

Из возрожденных в последнее время обрядов следует особо сказать о крестных ходах с чудотворными иконами. До революции в России повсюду, где имелись почитаемые иконы, совершались крестные ходы. Носили их по городу, или из села в село, или из монастыря в город, заносили в дома, в разные храмы, оставляли там на некоторое время. Эта форма иконопочитания возрождается сейчас в нашей республике личными усилиями правящего ныне архиерея. Владыка Владимир примерно раз в год провозит Иссык-кульскую икону Тихвинской Божией Матери по всем приходам Киргизии. Был совершен крестный ход (объезд) вокруг Иссык-Куля, на самолете икона летала на юг Киргизии. Во всех храмах икона оставляется на некоторое время для поклонения верующих. Но такой традиционный русский обряд, как «приглашение» чудотворной иконы в дома прихожан для совершения молебна нами не зафиксирован.

Возрождаются многие обряды, связанные с церковными праздниками. В каждом храме стали устраивать рождественские елки для детей с раздачей подарков – в этом тоже можно усмотреть влияние украинский обычая. Раньше такие утренники были недопустимы как форма церковной пропаганды. Кстати, советские постановления запрещали священникам и монахам ношение вне церкви положенного облачения, которое тоже расценивалось как средство клерикальной пропаганды. И до сих пор в Киргизии священники чаще всего переодеваются в обычную мирскую одежду, когда выходят за церковную ограду, кроме тех случаев, когда они являются в общественных местах в качестве представителей Церкви или отправляются на требы в дома верующих.

Восстанавливается обычай пышно отмечать храмовые (престольные) праздники, как бы именины храма. Целые делегации собираются в поездку то в Кара-Балты, то в Новопокровку, то в Кант, чтобы помолиться в храме в тот день, когда Церковь отмечает память святого, имя которого носит храм. Некоторые храмы очень радушно принима-

ют гостей – устраивают общее застолье, оставляют ночевать. В Киргизии до революции также принято было, особенно среди крестьян, посещать соседние села на престольный праздник – храмовый праздник становился именинами всего села. Кроме этой традиции здесь мы встречаемся с формой современного паломничества, отзвуком широко распространенного в дореволюционной Руси паломничества по святым местам. Тогда также во многих монастырях кормили паломников, предоставляли им место для жилья. Кроме этого, совершаются также индивидуальные поездки в монастыри (Карагандинский, Российские) или в другой город Киргизии к опытному священнику за духовной помощью. Эта форма паломничества никогда не исчезала.

За последние три года в связи с канонизацией Русской Православной Церковью новомучеников и исповедников, т.е. людей, пострадавших за христианскую веру в период гонений на Церковь при советской власти, прихожане разных храмов все чаще совершают коллективные и индивидуальные поездки в Аксайское ущелье для поклонения преподобномученикам Серафиму и Феогносту и в с. Ананьево на могилу преподобного Ираклия из Свято-Троицкого монастыря.

Самые существенные изменения произошли в организации приходской жизни. Сейчас повсюду восстановлен принцип единоначалия, издревле присущий Православной Церкви, но нарушенный советской властью. Для умаления авторитета священника и активного вмешательства во внутрицерковные дела при Сталине были организованы «двадцатки». Сейчас приходской совет сохраняется лишь формально. Настоятель храма стал полновластным хозяином на приходе, подчиняется он только правящему архиерею. От настоятеля храма, и только от него, зависит теперь церковное строительство, благотворительность, все устройство прихода.

В качестве примера возьмем храм Ксении Петербуржской в Балыкчи, первый православный храм в этом городе. Благословленный на строительство в 1989 году, одновременно с еще не достроенным храмом св. Владимира в Бишкеке, этот храм построена уже несколько лет назад, расписан, освящен и активно действует, несмотря на то, что количество постоянных прихожан не превышает и сотни человек. Протоиерей Валентин (Никонов), строитель в прошлом, сам сделал проект, сам ищет средства, приобретает землю и дома рядом с храмом, строит гостиницу для паломников. Замечательна здесь не столько скорость строительства при крайне ограниченных средствах, но и его качество. Храм Св. Ксении – уникальное архитектурное произведение, формы которого ориентированы на лучшие древние образцы. Кирпичный бесстолпный крестово-купольный храм, небольшой по площади, но высокий и потому величественный и элегантный одновременно, буквально воспроизводит все элементы традиционной

для средневекового православного зодчества схемы. Так не строили уже в 16 веке даже на Руси. Открытая, не оштукатуренная кирпичная кладка, узкие, высокие окна и, особенно, большой, идеальной формы, покоящийся на парусах купол отсылают нас к лучшим образцам византийской и древнерусской архитектуры 11-12 веков. Единственным нарушением чистоты стиля можно назвать венчающие церкви небольшие ложные купола на узких барабанах. Образцом для них послужили скорее всего маковки русских церквей 16-17 века.

По сравнению с храмом в г. Балыкчи, административное здание епархиального управления и Алексеевский придел Воскресенского собора в г. Бишкеке, построенные по проектам Н. Нижурина, оставляют впечатление большей эклектичности. Современные легкие, нарядные и богатые бишкекские церковные здания ни конструктивно, ни функционально не соответствуют требованиям православного зодчества, лишь чисто внешне, в декоре, намекают на какой-то расплывчатый «русский стиль». Они так же далеки от строгой, эмоционально собранной, скупой на выразительные средства восточно-христианской архитектуры, как светское партесное пение профессиональных вокалистов от древних монастырских распевов. Как и в случае с нотным пением, проектам светского профессионального архитектора отдается предпочтение при строительстве столичных, имеющих презентативное значение храмов.

Современные храмы киргизских приходов расписываются и украшаются иконами. Восстановленные и вновь построенные церкви требуют живописного убранства, которое чаще всего собирается из весьма разнообразных источников – подаренные старые (19 – н. 20 века) иконы, печатные иконы советского периода и современные, писанные на заказ современными художниками и иконописцами. Здесь, может быть, отчетливее всего, сказывается стремление православной культуры к подражанию древнейшим образцам. В 18-19 веках и при советской власти храмы, особенно городские, украшались, как правило, не иконами, а картинами на религиозные сюжеты, даже иконостасы выполнялись в реалистической манере. Так расписан, например, Воскресенский собор г. Бишкека. Сейчас повсюду, и в России, и в Киргизии, идет активное возрождение приемов и стилистики средневековой иконописи, или, «рублевского стиля» как неточно определяют это направление сами современные православные художники. И если среди домашних икон все более преобладает печатная продукция разного качества местного и российского производства, то в храмах предпочтение явно отдается писаным иконам.

Покровский собор г. Кант наиболее точно воспроизводит не только стилистику, но и целостную схему традиционного иконописного убранства православного храма. Росписи, выполненные разными

художниками за последние десятилетия, демонстрируют последовательный отказ иконописцев от «картинности». Самые ранние работы выполнены маслом и еще не связаны с архитектурными формами, отделены рамками на манер светской живописи («Св. Троица» в куполе). Строго в соответствии с канонами, но масляными красками, выполнены в конце 80-х ташкентскими мастерами иконы в киотах и иконостас. Запрестольный образ (иконы в алтаре) выполнены в к. 90-х клеевыми красками, в технике, более свойственной для церковной живописи, они тесно связаны со стеной, покрывая ее наподобие ковра, как это и было принято в средневековых храмах.

Наиболее ярко движение церковного искусства к возрождению старинной манеры письма демонстрирует запрестольный образ Спасителя из Алексеевского придела Воскресенского собора. Написанный профессиональным живописцем на холсте, он был исправлен темперой прямо по маслу другим иконописцем, добивавшимся большей иконности лика. Третий художник изменил колорит риз и фона. В результате, как ни странно, получилось прекрасное целостное произведение искусства. Мы сталкиваемся здесь с почти средневековым принципом самой организации художественного процесса – коллективного, анонимного, ориентированного не на проявление творческого индивидуализма, а на точное следование освященным традицией образцам.

Подводя итог нашим наблюдениям над некоторыми процессами, происходящими в православной культуре Киргизии сегодня, скажем, что несомненно происходит возрождение, то есть восстановление многих форм приходской жизни и церковного искусства. В основном можно заметить сосуществование двух традиций – 19 века, тянущейся через советское время, и возрождаемой средневековой. Эти процессы происходят сейчас во многих приходах Русской Православной Церкви Московского патриархата. Специфической особенностью киргизских приходов можно назвать мягкие формы этого взаимодействия, не доходящие до резких конфликтов, откровенного противоборства. Напомним опять, что в аналогичной ситуации некоторые приходы других стран бывшего Союза оказываются и в состоянии раскола и на грани сектантства. У нас же православная паства, сохраняя догматическую чистоту и каноническое подчинение церковной иерархии, пытается возрождать некоторые дореволюционные традиции и древнее искусство, наиболее точно выражающие дух ортодоксального христианства.

Заключение

Итак, рассмотрев историю Православия в Киргизии за последние сто пятьдесят лет, мы видим, что на всем ее протяжении она представляет собой непрерывную цепь взаимосвязанных событий, являющихся частью истории Русской Православной Церкви. Все, за редчайшим исключением, православные приходы в 19-20 в.в. на территории Киргизии всегда находились в юрисдикции Московского Патриархата, и потому все проблемы, возникавшие в административно-хозяйственной деятельности приходов, в отношениях с властями, в области духовного просвещения также имели основание в истории Русской Православной Церкви. Особенно это касается устройства приходской жизни, которое и в имперский, и в советский периоды деформировалось властями, когда они старались использовать приход в своих целях. И хотя эти цели были почти противоположными: укрепление государственной власти при помощи Православия в царской России и укрепление государства социалистического за счет уничтожения Церкви, давление государства на внутренние церковные дела всегда было болезненным для верующих. Те редкие и короткие периоды (1943-1955 и 10 лет независимости Киргизии), когда церковная жизнь могла развиваться без чрезмерной государственной опеки, показывают, что сразу же восстанавливаются канонические отношения между клиром и мирянами, низшим и высшим духовенством, действуют принципы самоорганизации приходской и епархиальной жизни, начинает развиваться православная культура.

Русская Православная Церковь, устраивая свое существование при разных режимах, претерпевает некоторые изменения, готова идти на всевозможные уступки правительствам, но пока она сохраняет неповрежденной догматическую и каноническую сферу, она остается сама собой и проявляет себя в разных странах именно в этой своей специфике – как русская и как православная Церковь, т. е. церковь русских (в дореволюционном значении, включая малороссов) православных людей. С этой точки зрения очень перспективным представляется дальнейшее изучение фактов истории Православия в Киргизии при исследовании русского фактора в нашей республике.

Исследование взаимоотношений Церкви и государства позволяет не только делать заключения о церковной истории, но и пересмотреть некоторые аспекты общей истории России, в частности историю двух революций 1917 года, смысл их последствий. Изучение постановлений и действий советского правительства подводит нас к мысли, что унич-

тожение Православной Церкви было не средством революции, а ее целью. Если мы обратим внимание на ту неистовую жестокость, с которой искоренялась эта «отживающая религия бабушек», на ту постоянную, изощренную, дезорганизирующую работу, которую вели против Церкви специально поставленные для этого люди, то мы поймем, что не уничтоженное самодержавие, не уехавшее и расстрелянное белогвардейское воинство и дворянство, не буржуи, с которыми легко справлялись экономическими мерами и даже не свободомысле были самыми главными врагами победившего социализма, а именно Православие. Это тем более поразительно, если мы вспомним, что государство, объявившее себя государством рабочих и крестьян, уничтожая религию, в первую очередь боролось именно против трудового класса, поскольку именно он, а не интеллигенция и дворянство, был главным носителем православной веры, что особенно ярко видно на примере исключительно крестьянско-казаческих приходов Киргизии.

Специфика «среднеазиатского» Православия проявляется в особой кротости, смирении, с которыми явилась сюда Православная Церковь и такой остается здесь до сих пор. Отсутствие миссионерской деятельности в Туркестане было одним из отличительных признаков Ташкентской епархии. Отсутствие прозелитизма и старательное налаживание добрых отношений с исламом стало руководящим принципом «внешней политики» Среднеазиатской митрополии сегодня. При этом речь идет не о богословском диалоге в духе экуменизма (никаких догматических и канонических нарушений не происходит), а о выяснении основ для взаимопонимания и добрососедства.

Есть и другие, более частные особенности, проявившие себя в разные моменты истории. Особенно много их в области православной культуры. Были и есть особенности в церковной архитектуре, хотя зарождавшаяся было традиция была прервана в годы советской власти, что не позволяет говорить о сложении своего, «среднеазиатского» стиля в архитектуре.

История Православия в Киргизии ясно демонстрирует, что история не есть движение принципов и факторов, а деятельность людей, от характера и нравственности которых зависит ее ход. И хотя мы не ставили перед собой задачи дать биографические очерки и портреты всех «героев эпохи», но сами документы, и сами события выпукло вырисовывали исключительных по своему интеллекту и духу православных деятелей, среди которых самые выдающиеся: протоиерей Андрей Малов, епископ Димитрий (Абашидзе), епископ Пимен (Белликов), митрополит Гурий (Егоров), архимандрит Борис (Холчев), епископ Ермоген (Голубев), митрополит Владимир (Иким). История любой религии особенно зависит от личности ее основателей и духовных вожakov, история Православной Церкви во многом зависит от лично-

сти ее архиереев, которые могут увести паству в раскол или ересь, а могут способствовать ее духовному преуспеянию. И церковная летопись, и память русских и украинцев в Киргизии с любовью хранят воспоминания об этих и многих других людях, потрудившихся в Средней Азии для Русской Православной Церкви. Есть среди них прославленные и ждущие своего прославления мученики и исповедники. Для научного исследования здесь еще – огромное поле деятельности. И деятельности срочной, пока живы еще свидетели давних событий.

Все святыни, средневековые и недавние, все разрушенные до основания храмы, все погибшие священники и епископы для верующих никуда не исчезают, навсегда оставаясь духовным наследством Церкви, независимым от социально-политических потрясений, этнических процессов, административных изменений. Изучая историю Православия в Киргизии, мы видим, что духовная традиция не подвластна времени. Более того, для религиозного сознания нередко бывает, что чем древнее объект почитания, тем большего благоговения он заслуживает. Святость тем и проявляет себя, что преодолевает естественные законы тления, летоисчисления, государственной принадлежности, выводится из пространственно-временного потока в область особого сакрального пространства. В этом пространстве не исчезло ни одно из усилий среднеазиатских епископов, священников, монахов, мирян по благоустройству Православной Церкви в Средней Азии.

Примечания

- 1 Святитель Димитрий Ростовский. Жития Святых. Книга вторая (октябрь). Репринтное издание. – М.: Православная книга, 1992. – С. 140.
- 2 Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в Средние века. – Хабарлары – Известия министерства образования и науки республики Казахстан, НАН республики Казахстан. Вып. 1 (236) январь-февраль 2002. – Алматы: НИЦ Фылым, 2002. – С.296.
- 3 Litvinsky, V. A. The decline of Parthia / History of civilization of Central Asia. Vol.II – Paris, 1994.- P. 482.
- 4 Дресвянская Г.И. «Овальный» дом христианской общины в Старом Мерве. // Труды ЮТАКЭ. – Т. 15. – Ашхабад, 1974. – С. 151-181.
- 5 Железняков Б. А. Указ соч. – С. 298.
- 6 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Сочинения. – Т. 2. – Ч. II – М., 1965. – С.
- 7 Схематическая история христианства. – СПб.: Высшая Религиозно-философская школа, 1994. – С.9-10.
- 8 Там же. – С. 10.
- 9 Владимир, архиепископ Ташентский и Среднеазиатский. Слово в день памяти Святого Апостола Фомы: Об истории христианства в Средней Азии // Слово жизни. – Ташкент, 1993. – 16 ноября. – № 104.
- 10 Житие схиархимандрита Варсонофия. – Изд-е Введенской Оптиной пустыни, 1995. – С. 137-138.
- 11 Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1994. – С. 15, 20.
- 12 Проскурин В. Дедушка русского Туркестана. // Веди: Православная газета. – Алматы, 1999. – №3-4, – С.37.
- 13 Там же. С.37.
- 14 ЦГИА РФ. – Ф.796. – Оп. 442. – Д. 502. – С.16.
- 15 См. Димитрий, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из истории православных приходов Туркестана: Приложение к настоящему изданию.
- 16 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп.1. – Д.1. – С. 81 – 83.
- 17 Туркестанские епархиальные ведомости. – 1907. – №2. – С. 294-295.
- 18 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп.1. – Д. 1. – С. 86.
- 19 Там же.
- 20 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп.1. – Д. 1. – С. 25.
- 21 Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2002. – С. 193.

- 22 Там же. С. 194.
- 23 Там же. С. 197.
- 24 К вопросу о колонизации. // Туркестанские ведомости. – 1885. – №29. – С.131-133.
- 25 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 247.
- 26 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 25.
- 27 ЦГА КР. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 1.
- 28 ЦГА КР. – Ф. 25. – Оп 1. – Д. 2. – С. 5.
- 29 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 27. – С. 2.
- 30 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 33. – С. 1.
- 31 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 51, 56.
- 32 Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.в.). – Елец: ЕГПИ, 1996. – С.35.
- 33 См. примеры: Проскурин В.Н. Православие Семиречья в памятниках истории и культуры Казахстана (XIX-XX вв.) // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.). – Ташкент, 1998. – С. 58-59.
- 34 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 167.
- 35 Елгин Ю.А. Православное церковное зодчество юга Казахстана (XIX-XX вв.) // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.). – Ташкент, 1998. – С. 65.
- 36 Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Христианские памятники Кыргызстана // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.). – Ташкент, 1998. – С. 62-64.
- 37 Здесь хотелось бы, констатируя эклектизм церковного зодчества дореволюционной Киргизии, процитировать Ю.А. Елгина, с которым мы вполне соглашаемся в его оценке значения «русского стиля» для провинциальной культуры: «Русский стиль – это большой стиль. Художественное его значение и силу его эстетического воздействия на современников (как и эклектики в целом) до недавнего времени недооценивали. Церковное зодчество было мощным эстетическим фактором в жизни переселенцев, простые и яркие архитектурные образы воздействовали и на местное население...Огромное наследие русского стиля долгое время отрицалось, само слово «эклектика» в течение десятилетий было ругательным в мире искусства. Такая предвзятая, однобокая оценка наследия периода эклектики послужила моральному оправданию уничтожения массы памятников церковной архитектуры по всей стране». Елгин Ю.А. Указ. соч. – С.84.
- 38 Галицкий В., Ярков А. О православной культуре в дореволюционном Кыргызстане. – С. 3.
- 39 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 177.
- 40 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д.3. – С. 36.
- 41 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 27. – С. 2.
- 42 Цит. по Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии. Дис. ... канд. филос. наук. – Ташкент, 1990. – С. 45.

- 43 Владимир, архиепископ... Слово в день памяти Святого Апостола Фомы: – С. 3.
- 44 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 35. – С. 4.
- 45 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 1. – С. 24.
- 46 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 1. – С. 79.
- 47 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 173.
- 48 Там же. – С. 171.
- 49 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 35. – С.4.
- 50 У самовольных поселков не было названий, иногда – только номер участка, а иногда, как в данном случае – ничего.
- 51 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1 – Д. 1. – С. 15.
- 52 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 172.
- 53 Литвинов П.П. Неисламские религии... – С. 21.
- 54 Там же. – С. 22.
- 55 Цит. по Мазуренко Е.А. Указ соч. – С. 45.
- 56 Цит. по Мазуренко Е.А. Указ.соч. – С.48.
- 57 Туркестанские епархиальные ведомости. – 107.- № 5.
- 58 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп.1. – Д.1. – С.25.
- 59 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 37.
- 60 Каретникова О.Р. Благотворительная и общественно-просветительская деятельность служителей православной церкви в Туркестане // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.).- Ташкент, 1998. – С. 147.
- 61 ЦГА КР. – Ф.74. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 17.
- 62 ЦГА КР. – Ф.74. – Оп. 1. – Д. 20. – С. 5.
- 63 ЦГА КР. – Ф.74. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 3.
- 64 Каретникова О.Р. Указ. соч. – С. 148.
- 65 Галицкий В., Ярков А. О православной культуре в дореволюционном Кыргызстане. – С.3.
- 66 Марченко Ю. Г. Православные братства в Русской земле и современность. – М., 1990. – С. 2.
- 67 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 250.
- 68 Миссионер. – 1877. – №9. – С.67.
- 69 Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Часть первая. // История Русской церкви. Книга восьмая. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С. 244.
- 70 Иеромонах Владимир (Утегенов). О возобновлении православной миссии среди казахского народа. – «Епархиальное собрание». <http://www.svet.orthodoxy.ru/lk6200/lk607.htm>: «Деятельность священников-миссионеров состояла прежде всего в непрерывных миссионерских путешествиях по аулам с проповедью Евангелия на казахском языке, строительстве храмов Киргизской Миссии, устройство миссионерских школ

- для детей новокрещеных, преподавание в которых велось на казахском и русском языках. Устраивались диспуты с мусульманскими проповедниками. В храмах миссии службы шли на казахском языке, на клиросах обычно пели по-казахски дети новокрещеных. Уже имелись переводы Нового Завета, житий святых, утренних и вечерних молитв, различных богослужебных песнопений. Перенимался опыт Алтайской миссии по созданию мужских и женских монастырей, которые принимали новокрещеных послушников и послушниц и приучали их к христианской вере. Деятельность миссии прекратилась после революции 1917 г. в России. Сейчас нигде в официальных источниках нет и намека о православных христианах-казахах конца XIX – начала XX вв.»
- 71 Смолич И.К. Указ. соч. – С. 244.
- 72 Устав духовных консисторий. – СП б., 1903. – Ст.31.
- 73 Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – Ст. 4 // Свод законов Российской империи. – СП б., 1896. – Т. XI. – Ч.1.: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей» иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере»
- 74 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 3 – С. 42.
- 75 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 3. – С. 37-39.
- 76 Там же. – С.37.
- 77 Там же. – С. 38.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Там же.
- 81 Там же.
- 82 Там же. – С. 39.
- 83 Литвинов П.П. Государство и ислам в русском Туркестане. – Елец: ЕГПИ, 1998. – С. 213-248.
- 84 Там же. – С. 233.
- 85 Там же. – С. 234.
- 86 Там же. – С. 235
- 87 Там же. – С.142.
- 88 Литвинов П.П. От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) (по архивным материалам) // Собор (Альманах по религиоведению). – Елец: ЕГПИ, 1999. – С. 150.
- 89 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д.1. – С. 83.
- 90 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 97.
- 91 Цит. по Мазуренко Е. Указ соч. – С. 47-48.
- 92 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 176.

- 93 Галицкий М., Плоских В. Старинный Ош. – Ф.: Илим, 1987. – С.134.
- 94 См. Димитрий, епископ, «О преподавании Закона Божьего». – Приложение к настоящему изданию.
- 95 В. Галицкий, А. Ярков. Указ соч.
- 96 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 31.
- 97 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 270.
- 98 П.П. Литвинов со ссылкой на архивные документы пишет: «В Семиреченской области во время массового «столыпинского» переселения нередко были случаи, когда православные «сельские обыватели» подавали прошение властям о выселении сектантов, ссылаясь на их «вредное» религиозное влияние. Однако внимательное изучение документов и сопоставление их с прочими обстоятельствами позволяет утверждать, что в большинстве случаев причины конфликтов крылись не в конфессиональном различии, а в нехватке свободных земель для переселенцев, которая побуждала православных отстаивать свои права таким образом». – Литвинов П.П. Неисламские религии... – С. 119.
- 99 Возможно, что исполнение православной обрядности было вызвано желанием скрыть свою принадлежность к секте, потому что до Указа о веротерпимости 1905 года имперские власти в отношениях со штундистами руководствовались законом от 4 июля 1894 года, которым запрещались все молитвенные собрания штундистов, а участвующие в них подвергались уголовным наказаниям. – Клочков В. В. Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М.: Политиздат, 1982. – С.79.
- 100 Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола, с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. – Т.3. – Казань, 1900-1901. – С. 212.
- 101 Иоанниты начали «осваивать» Среднюю Азию в 1908-1909 гг., сосредотачивая свое внимание в основном на семиреченской области из-за высокой плотности православного населения. «Во время визитов иоанниты собирали пожертвования, продавали венки, крестики, фальшивые реликвии от гроба о. Иоанна Крондштадского и т. п. В июле 1910 г. туркестанский епископ Димитрий обратился с просьбой принять действенные меры к семиреченскому губернатору М. Фольбауму... Наезды их продолжались и в последующем, однако полиции удалось настичь их только в начале 1914 года, когда задержанных сектантов выдворили в места постоянного проживания под «гласный» надзор полиции... Судя по документам, визиты иоаннитов продолжались и в годы Первой мировой войны, но можно с уверенностью утверждать, что постоянно действующих центров «иоаннитства» в это время в Средней Азии не было». – Литвинов П.П. Неисламские религии... – С. 115
- 102 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 5-20.
- 103 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 5.
- 104 Там же. – С. 6-20.

- 105 Русское православие: Вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – С. 558.
- 106 История монастыря составлена на основании нескольких источников: Булгаковский Д. Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб., 1896; Гиляровский А. Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. – М., 1894; Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб.: Воскресение, 1994. – Репринтное издание. – С. 696; Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 183-185; Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Христианские памятники Кыргызстана (XIX – XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 50-51; Литвинов П.П. Неисламские религии... – С. 42 – 45.
- 107 ЦГА КР – Ф. 75. – Оп. 1. –Д. 45. – С. 2-7.
- 108 Казахстанский мартиролог. <http://www.svet.orthodoxy.ru/epr/mart3.htm>
- 109 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С.184.
- 110 Цит. по Мазуренко Е. Указ. соч. – С. 63.
- 111 Литвинов П.П. Неисламские религии... – С. 45.
- 112 Каретникова О.Р. Указ. соч. – С. 156-157.
- 113 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 185-186.
- 114 Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: в 9 т.– М.: Мысль, 1987. – Т. 2. Ч.2 – С. 245-246.
- 115 Повесть временных лет. – М., 1950. – С.69.
- 116 Примеры см. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии – С. 45.
- 117 Игум. Андроник, А.А. Бовкало, В.А. Федоров. Монастыри и монашество. 1700-1998 гг. // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 337.
- 118 ЦГА КР – Ф. 75. – Оп. 1. –Д. 45. – С. 18-19.
- 119 См. Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря. – Приложение к настоящему изданию. Ср. Первое и второе избиение преподобных отцов в Синае и Раифе // Жития святых. Месяц январь. / Репринтное издание. – М.: Синодальная типография, 1904. – С. 425-252.
- 120 Ходаковская О. Неизвестная фотография преподобного Серафима Аксайского // Веди: Православная газета. – Алматы, 1999. – №3-4. – С.8-9.
- 121 Казахстанский мартиролог. – <http://www.svet.orthodoxy.ru/epr/mart3.htm>.
- 122 ЦГА КР – Ф. 75. – Оп. 1. –Д. 45. – С. 70.
- 123 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д.18. – С. 1
- 124 Там же.
- 125 Там же. – С. 2.

- 126 Там же. – С. 9.
- 127 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д.7. – С. 3.
- 128 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 18. – С. 10.
- 129 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д.7. – С. 5.
- 130 Баловнев Д.А. Приходское духовенство в Древней Руси. X-XV века. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 257.
- 131 См об этом: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство XVIII – XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С.271.
- 132 Там же.
- 133 Шмелев И. Лето Господне. – М., 1998.
- 134 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 108.
- 135 Там же .
- 136 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 271.
- 137 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 33. – С. 1
- 138 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д. 9. –С. 1-4.
- 139 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 20. – С. 1.
- 140 ЦГА КР. – Ф.72. – Оп. 1. – С. 270.
- 141 Дебольский. Г.С. (протоиерей). Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Репринтное издание. – М.: «Отчий дом», – 1994. – С.327.
- 142 Дебольский. Г.С. (протоиерей). Указ. соч. – С. 120.
- 143 Дебольский Г.С (протоиерей). Указ. соч. – С. 121.
- 144 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 6. – С. 1-8.
- 145 Там же – С. 1-2.
- 146 Там же – С. 5.
- 147 Цыпин В. История Русской Церкви. 1917-1997 // История Русской Церкви. – Т. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С. 12.
- 148 Смолич И.К. Указ. соч. – С. 361.
- 149 ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 1.
- 150 Цыпин В. Указ соч. – С. 44.
- 151 Там же. ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 26.
- 152 Протоколы приходских собраний о выборах в приходской совет и о передаче дел от священника приходскому совету. (апрель-сентябрь 1917 г.) – ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп. 1. – Д. 7.
- 153 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 26.
- 154 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 2-4.
- 155 Там же.

- 156 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 10.
- 157 ЦГА КР. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 26.
- 158 Н. Шеметов. «Христос посреде нас»: Из истории русских православных братств после 1917 года // Московский церковный вестник. – М., 1990. – Май, №11 (29). – С.3.
- 159 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 12.
- 160 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 10.
- 161 Цыпин В. Указ соч. – С. 15.
- 162 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха тюрка. – С. 225.
- 163 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 15.
- 164 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 6. – С. 5.
- 165 Цыпин В. Указ соч. С.42-43.
- 166 Владимир, митрополит... Указ соч. – С. 231.
- 167 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 30.
- 168 Там же. – С. 35-38.
- 169 Там же.
- 170 Там же. С. 17.
- 171 Там же. С.40. Имеется ввиду Декрет Совнаркома РСФСР от 23/1-18 об отделении церкви от государства. Подробнее см. 3 главу.
- 172 Как пишет И.А. Кривелев по поводу изъятия церковных ценностей 1922 года: «Юридическая сторона дела была ясна. По декрету об отделении церкви от государства все эти ценности были национализированы и находились у церкви не во владении, а лишь в пользовании. При всем этом государство, считаясь с религиозными чувствами верующих, действовало осторожно и тактично» (Кривелев И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. – М.: Знание, 1982. – С.46.) Примечательно не столько естественное желание советского историографа пригладить отношение («осторожное и тактичное») государства к Церкви, сколько четкое осознание, которое было и у составителей декрета, и у их апологетов, – декрет является правовой индульгенцией для всех последующих действий против Церкви.
- 173 Цыпин В. Указ. соч. – С. 42.
- 174 ЦГА КР. – Ф. 74. – О п. 2. – Д. 5. – С. 40.
- 175 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 9. – С.3.
- 176 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 1. – С. 11-15.
- 177 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 15 –16.
- 178 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 9. – С. 2. О. Гавриил Ольховик в сороковые годы вернулся на приходы Киргизии, служил в Токмаке, Кара-Балтах, имел большую семью и внуков и умер в пятидесятых годах. – ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 35. – С. 12.
- 179 Цыпин В. Указ. соч. – С. 213-230.

- 180 Журавский А.В. Приход в Русской Православной Церкви. XX в. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 282.
- 181 ЦГА КР. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 31.
- 182 Дамаскин (Орловский) иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – Кн. II. – Тверь: Булат, 1996. – С.464-465.
- 183 Цит. по Мазуренко Е. А. Указ. соч. – С. 54.
- 184 ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 80. – С. 2.
- 185 ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 79. – С. 4.
- 186 ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 79. – С. 72-73.
- 187 ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп. 1. – Д. 14. – С. 13.
- 188 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка – С. 233.
- 189 Там же. – С. 233.
- 190 После доклада Г. Сафарова о «безобразиях, обнаруженных им в этом медвежьем углу Туркестана», ЦК принял его предложение о мобилизации нескольких сотен коммунистов для работы в Туркестане, и в Киргизии начался красный террор. – Там же. – С. 233 – 234.
- 191 Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И. и Проскурин В.Н. К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (XIX-XX вв.). – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 31.
- 192 ЦГА КР. – Ф.1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 55-57.
- 193 ЦГА КР. – Ф.1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 2.
- 194 Документы свидетельствуют. (О революционной роли религии, антиобщественной деятельности служителей культа в Киргизии.) – Сост. Н.А. Велико, Б.И. Гальперин, М. М. Складар. – Ф.: Кыргызстан, 1970. – С.8, 130-131.
- 195 ЦГА КР. – Ф.1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 55.
- 196 ЦГА КР. – Ф.1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 28.
- 197 ЦГА КР. – Ф.1283. – Оп. 1. – Д. 95. – С.8.
- 198 ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 44. – С. 28.
- 199 ЦГА КР. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 24. – С. 43-45.
- 200 ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп.1. – Д. 27. – С. 2.
- 201 Ходаковская О. Литургия верных (жизнь и страдания епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова) // Свет Православия в Казахстане. – Алматы: Изд-е Алматинско-семипалатинской епархии, 1996. – №8(37). – С.20-22.
- 202 Список составлен на основании следующих источников: ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп.1. – Д. 12. С. 5; ЦГА КР. – Ф. 112. – Оп.1. – Д. 27. – С. 2; Собор новомучеников и исповедников Российских // Православный церковный календарь. 2002. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2001. – С. 86-97; Цыпин В.В. Указ. соч. – С. 674-705; Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха тюрка. – С. 235-239; Казахстанский мартиролог. http://www.svet.orthodoxy.ru/epr/epr_mart.htm; Семиреченские новомученики. Там же.

- 203 См. Воспоминания жителей села Ананьево о преподобном Ираклии. – Приложение к настоящему изданию.
- 204 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 234.
- 205 Цит. по Мазуренко Е.А. Указ. соч. – С. 90.
- 206 Гордиенко Н.С. Современное русское православие. – Л.: Лениздат, 1987. – С. 59.
- 207 Марущак Василий, протодиакон. Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – http://www.prilutsk.mrezha.ru/zitie/luka_krimskii.htm; <http://pms.orthodoxy.ru/saints/luka/luka-1.htm>.
- 208 Посвятили его в епископы (хиротонисали) чуть позже, тайно. Патриарх Тихон хиротонию подтвердил. – Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. – М.: Русский хронограф, 1995. – С. 36-37. Марущак Василий. Указ. соч.
- 209 Архиепископ Лука пользовался у ташкентцев большим авторитетом. В первую ссылку его провожало очень много народа. Некоторые из провожавших легли на рельсы, так что поезд не мог двинуться в течение пятнадцати минут. – Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. – С.41. После ареста епископа Луки по Ташкенту распространилось его «Завещание», в котором он «живоцерковного» митрополита Николая назвал «лютым вепрем, возлегшим на горнем месте» и призывал «внешностью богослужения не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся». – Марущак Василий. Указ. соч.
- 210 Другие обновленческие «архиереи» (Николай Коблов, Николай Федотов, Александр Воецкий, Александр Щербаков) и управляли «своими» приходами до 40-х годов. Это была как бы параллельная иерархия, использующая одинаковую с православными лексику: «митрополит Ташкентский и Туркестанский», «епархиальное управление» и пр., выступая от имени православного народа. Часть духовенства принесла затем в разное время покаяние, была прощена и принята в Русскую Православную Церковь. Некоторые священники сложили с себя сан или не были прощены, оставшись вне Церкви. Таким, например, был Александр Предтеченский, который скрыл свое обновленческое прошлое, за что был извергнут из сана, но продолжал служить «на дому» в некоторых селах и городах Киргизии и Казахстана до 60-х годов. (ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 43. – С.11.) Последние островки обновленческого раскола на территории Киргизии (во Фрунзе и Таласе) исчезли во второй половине 40-х годов, когда епископ Гурий наладил управление епархией и начал проводить в приходах разъяснительную работу. Тогда обновленцы окончательно остались без паствы.
- 211 Заславский В. Последний архипастырь жестокого времени // Слово жизни: еженедельник Ташкентско-среднеазиатской епархии. – Ташкент. – №2 (122), 22 февраля 1996. – С.2.
- 212 Цыпин В.В. Указ. соч. – С. 714.
- 213 Цыпин В.В. Указ. соч. – С. 66.
- 214 ЦГА КР. – Ф.. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 17.
- 215 ЦГА КР. – Ф.. 74. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 19.

- 216 См. Воспоминания жителей села Ананьево о преподобном Ираклии. – Приложение к настоящему изданию. Ср. «Отрывки из дневника настоятеля Иссык-кульского монастыря». – Там же.
- 217 Иоанн, митрополит С.-Петербуржский и Ладожский. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. – Сортавала: Издательство Сортавальской книжной типографии, 1993. – С. 250-251.
- 218 Иоанн (Снычев), митрополит... Указ. соч. – С. 250-251.
- 219 Там же. – С. 296.
- 220 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 1. – С. 1.
- 221 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 4. – С. 17.
- 222 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 43. – С. 23.
- 223 Оговорка здесь обязательно нужна, так как данные о регистрации приходов, собранные из архивов уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви и уполномоченного Совета по делам религиозных культов противоречат друг другу и нередко имеют расхождение в год-два. – ЦГА КР. – Ф. 1631 и ЦГА КР. – Ф. 2597.
- 224 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 43. – С. 22.
- 225 Владимир, митрополит... Земля потомков патриарха Тюрка. – С. 250.
- 226 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 1. – С. 38.
- 227 ЦГА КР. – Ф. 1683. – Д. 38. – С.2 (за 1953 г.); Там же. – Д. 39. – С.3 (за 1954 г.); Там же. – Д. 43. – С.2 (за 1956 г.).
- 228 Гордун С. (священник) Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1979 год // Журнал Московской Патриархии. – М., 1993. – №1. – С. 45.
- 229 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 1. – С. 16.
- 230 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 1. – С. 16.
- 231 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 1. – С. 16.
- 232 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 4. – С. 21.
- 233 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 4. – С. 21.
- 234 Гордун С. Указ. соч. – С.49.
- 235 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп.2 – Д. 42. – С.14.
- 236 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 47. – С. 9.
- 237 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 46. – С. 23.
- 238 Там же. – С. 21.
- 239 Там же. – С. 11.
- 240 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп.2 – Д. 47. – С.7.
- 241 ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп.2. – Д. 47. – С.40.
- 242 Там же. – С. 43.
- 243 Там же.
- 244 Там же. – С. 64
- 245 Некоторые стороны деятельности уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви по Киргизии отражают архивные доку-

- менты. См. Я. Гритчин против епископа Ермогена. – Приложение к настоящему изданию.
- 246 Для оценки роли архиепископа Ермогена в жизни Среднеазиатской епархии и понимания смысла его взаимоотношений с властями мы публикуем отрывки из биографии этого архиерея. – Приложение к настоящему изданию.
- 247 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 5. – С. 49.
- 248 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 4. – С. 21.
- 249 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 7. – С. 38.
- 250 См. об этой деятельности уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Киргизской ССР при Совмине СССР: Я. Гритчин против епископа Ермогена. – Приложение к настоящему изданию.
- 251 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 7. – С. 28, 34, 70, 78, 86.
- 252 ЦГА КР. – Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 7. – С. 34.
- 253 Храм Святой Троицы. <http://www.issyk-kul.kg/karakol/church.html>
- 254 Рядом с Исламом // Восток свыше: Духовное и литературно-историческое издание. – Вып. I. – Ташкент, 2001. – С. 51.
- 255 Пахомий Лай, протоиерей. Туркестанские архиереи: Истории служения // Восток свыше: Духовное и литературно-историческое издание. – Вып. III. – Ташкент, 2002. – С.29.
- 256 Владимир (Иким), архиепископ. ...А друзей искать на востоке (Православие и Ислам: противостояние или содружество?) – Ташкент, 2000. – С.43.
- 257 Там же. – С.46.
- 258 125-летие православной епархии в Средней Азии. (Хроника юбилейных торжеств) // Слово жизни: еженедельник Ташкентско-среднеазиатской епархии. – Ташкент, 1996. – № 11-12 (131-132). – 23 декабря.
- 259 Там же.
- 260 Там же. – С. 8.
- 261 Там же. – С.8.
- 262 Там же. – С. 10.
- 263 Днепров Н. Интервью с настоятелем Свято-Георгиевского храма в Токмаке. // Слово жизни: еженедельник Ташкентско-среднеазиатской епархии. – Ташкент, 1992.- №43 (57). – 28 декабря.
- 264 Из личной беседы автора с о. Валентином Никоновым
- 265 Дебольский Г.С. (протоиерей). Указ. соч. – С.1-2.
- 266 Душенов К. Молчанием предается Бог. – М., 2000. – С. 98, 37.
- 267 Международная Богословская конференция «Единство Церкви» // Современное обновленчество – протестантизм «восточного обряда». – М.: Одигитрия, – 1996. – С. 103-118.
- 268 Святитель Игнатий Брянчанинов. Соч. / Репринтное издание. – М: Провидо веры, 1993. – Т. 7. – С.400.

Приложение

Архиереи Ташкентские и Туркестанские (Среднеазиатские¹)

Софония (Сокольский) с 12.11.1871-16.09.1877 – архиепископ, ум. 26.11.1877 г.

Александр (Кульчитский) с 12.03.1878 – 1883, епископ, переведен на костромскую кафедру.

Неофит (Неводчиков) с. 6.08.1883-1892, архиеп., переведен на Кашинскую кафедру.

Григорий (Полетаев) с 21.11.1892-1895, епископ, переведен на Омскую кафедру.

Никон (Богоявленский) с 18.01.1895-1897, епископ, ум. 10.06.1897.

Анастасий (Опоцкий) до епархии из-за болезни не доехал, с 27.06.1897, с 9.11.1897 на покое.

Аркадий (Карпинский) с 9.11.1897- 1902, епископ, переведен на Рязанскую кафедру.

Паисий (Виноградов) с 18.12.1902-с 1906 на покое, ум. 26.12.1908.

Димитрий (Абашидзе), с 20.01.1906-1912, епископ, переведен на Таврическую кафедру.

Иннокентий (Пустынский) с 25.06.1912-1923, с 1918 г. архиепископ Ташкентский и Туркестанский; с марта 1923 г. в обновленческом расколе, с 1923 г. на покое.

Лука (Войно-Ясенецкий) с 12.05.1923 епископ Ташкентский и Туркестанский, с 1923 г. – в ссылке, в 25.01.1925 вернулся на кафедру, с 1927 года – в ссылке, с осени 1942 года – архиепископ Красноярский.

Никандр (Феноменов) с 1927 митрополит Ташкентский и Туркестанский. Сослан в Ташкент в 1926 г., ум. в 1933 (?) году.

Арсений (Стадницкий) с 11. 08. 1933 г. митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Сослан в Ташкент, ум. в Ташкенте в январе 1937 года.

Борис (Шипулин) с 28. 02.1936 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский., арестован и расстрелян в 1937 году.

Кирилл (Поспелов) с 1944 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский., с 20. 06. 1946 г. епископ Ивановский и Шуйский.

Гурий (Егоров) с 25. 08. 1946 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский., с 25. 02. 1952 г. – архиепископ, с 28. 01. 1953 г. архиепископ Саратовский и Сталинградский.

---

¹ Епархия переименована в «Среднеазиатскую» в середине 30-х годов.

Ермоген (Голубев) с 01. 03. 1953 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский., в 1956 и 1958 г. управлял Алмаатинской епархией, с 28. 08. 1958 г. – архиепископ, с 1960 г. временно на покое.

Гавриил (Огородников) с октября 1960 года архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский, ум. в Ташкенте 28 февраля 1971 г.

Платон (Лобанков) с 24. 02. 1971 епископ Ташкентской епархии, с 1972 г. на Воронежской кафедре.

Варфоломей (Гондаровский) с 11.10.1972 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский, с 1973 г. – архиепископ, с 1987 г. – архиепископ Орловский и Брянский.

Лев (Церпицкий) 1987-1990 гг. – епископ Ташкентский и Среднеазиатский.

Владимир (Иким) в 1990 году назначен на кафедру Среднеазиатскую и Ташкентскую, в 1991 году возведен в сан архиепископа, с 2002 г. – митрополит.

Семиреченское и Верненское викариатство Туркестанской епархии (1917 – 1927)²

Пимен (Белоликов), еп. Семиреченский и Верненский, на кафедре с 1918 г. арестован и расстрелян в 1918 г.

Сергий (Лавров) с 25.06.1918 викарный епископ, с 1919 г. в обновленческом расколе.

Пишпекское викариатство Туркестанской епархии (1926 (?) – 1930)

Мелхиседек (Аверченко) викарный епископ с 1929 года, с 1931 года – епископ Курганский.

Алма-Атинское викариатство Среднеазиатской епархии (1927-1936)³

Лев (Черепанов) с 1927 года викарный епископ Алма-Атинский, в 1929 году он был арестован, прошел лагеря и ссылки, расстрелян в 1937 году.

Герман (Вейнберг) викарный епископ Алма-Атинский с 1930 года, арестован в 1932 году, скончался в лагере в 1942 году.

² Приходы Чуйской и Иссык-Кульской долины относились к Верненскому викариатству Туркестанской епархии до 1926 г. Приходы юга Киргизии оставались в непосредственном ведении епископа Ташкентского и Туркестанского.

³ В 1936 году Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) издал указ о разделении епархии на две самостоятельных – Среднеазиатскую и Казахскую.

Димитрий (Абашидзе), епископ Ташкентский и Туркестанский

Из истории православных приходов Туркестана⁴

***В Святейший Правительствующий Синод,
Димитрия, Епископа Туркестанского и Ташкентского,
представление***

В состав вверенной моему управлению Туркестанской епархии входят пять областей – Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Семиреченская, Ферганская и Закаспийская – с двадцатью пятью уездами, Аму-Дарьинский особый отдел и русские поселения в Бухаре и Хиве. На этой громадной территории, пространством более 1750000 квадратных верст, с десятиmillionным населением, имеется до сорока городов, быстрорастущих в последнее время главным образом за счет пришедших русских рабочих и торговых агентов, с проведением железнодорожных линий и развитием хлопчатобумажного производства и торговли хлопком, приливающих в Туркестан с каждым годом все в большем и большем количестве. Составляя теперь почти половину православного населения в крае, русские жители Туркестанских городов в значительной части не принадлежат к составу вверенной мне паствы, так как приходских церквей епархиального ведомства нет в большинстве здешних городских поселений. Так, в Закаспийской области епархиальные церкви есть в одном г. Асхабаде; в самаркандской области только в самом Самарканде есть епархиальная церковь-школа; в Ферганской области даже в областном городе Скобелеве нет епархиальной церкви и лишь в одном из уездных городов ее – Коканде – недавно построена церковь и образован приход. В огромном большинстве Туркестанских городов немалочисленное население, не принадлежащее к составу военнoслужаших, приписано к военным церквам, находящимся в ведении о. Протопресвитера армии и флота. Находя такое положение значительной части православного населения вверенной мне епархии в высшей степени ненормальным, я считаю своим долгом объяснить Святейшему Синоду, каким образом произошло изъятие значительной части православной паствы из ведения местного Епископа, как вредно оно отразилось на

---

⁴ ЦГА КР.- Ф.72. – Оп.1. – Д. 1. – С.81-88. Название дано при публикации. Документ отпечатан в типографии, подписан епископом Димитрием и датирован 11 марта 1910 г. При публикации изменена орфография.

благоустройстве церковной жизни в Туркестанском крае и что должно быть сделано к устранению этой ненормальности.

История возникновения православных приходов в туркестанской епархии тесно связана с историей занятия края русскими войсками. Движение русских в Туркестане началось со стороны Сибири. Водворяя порядок в киргизских степях, Сибирские казаки заняли северную часть Семиречья и здесь основали укрепления – Сергиополь в 1834 году и Копал в 1847 году. Около этих укреплений стали селиться неслужилые люди и скоро образовались поселки, настолько многолюдные, что для удовлетворения их церковных нужд были учреждены приходы в Копале – в 1850 году, в Сергиополе – в 1853 году, и средствами прихожан с пособиями от казны построены приходские церкви. В пятидесятых годах началось движение русских войск в Туркестан со стороны Оренбурга и по пути следования этих войск стали возводиться укрепления; а в шестидесятых годах русские стали занимать и существовавшие в Туркестане города. С устройством укреплений и занятием городов в них начали открываться православные приходы – в 1853 г. Казалинске, в 1854 г. в Ташкенте, в 1866 г. в Чимкенте, Аулэ-Ата, Туркестане, Ходженте и Джаркенте, в 1867 г. в Ура-Тюбе, в 1868 г. в Самарканде, Катта-Кургане, в 1874 г. в Петро-Александровске, в 1875 г. в Бахтах, в 1876 году в Оше, Коканде, в 1877 году в Новом-Маргелане, в 1878 г. в Андижане, Намангане и Нарыне и т. д. Все эти приходы были военные и причты состояли не при церквях городов и укреплений, а при воинских частях, с которыми они пришли в Туркестан и с которыми они должны были следовать при передвижениях войск. Но где прочно устраивались воинские части, там появлялось и русское частное население, церковные нужды которого удовлетворялись военными причтами. С ростом этого населения на его средства, иногда пособием казны, строились и благоустроались постоянные церкви, и приходы постепенно утрачивали свой военный характер, чему в особенности способствовало зачисление их в состав учрежденной в 1871 году Туркестанской епархии и подчинение их причтов власти Туркестанского Епископа.

К началу девятидесятых годов во многих из этих приходов численность частного православного населения значительно переросла состав воинских частей, при которых продолжали значиться приходские причты. Духовные нужды этого населения и достигшие уже значительной степени благоустройства городские церкви требовали постоянно пребывания причтов в городах и передвижение их вместе с воинскими частями стало неудобным и во многих случаях даже невыносимым. Невозможность для причтов совместить обязанности по приходу с обслуживанием воинских частей, часто назначаемых в походные отряды, не могла не повести к разного рода недоразумениям

и даже столкновениям между духовною и военною властью и вызвала со стороны последней ряд ходатайств о перечислении местного военного духовенства в ведомство Протопресвитера армии и флота.

Так как с увеличением численности русских войск и образованием новых воинских частей в Туркестане причты к этим частям назначались уже военно-духовным управлением и пользовались всеми преимуществами военного духовенства и всеми привилегиями военнослужащих в Туркестанском крае, то и старое военное духовенство, осевшее в городах, получавшее содержание по старым сокращенным штатам и пользовавшееся правами только епархиального духовенства, всеми силами стремилось к перечислению его в ведомство о. Протопресвитера или, по крайней мере, к получению прав и преимуществ нового военного духовенства. В 1899 году, вняв просьбам городского духовенства, в то время уже состоявшего не при подвижных воинских частях, а исключительно при постоянных штабах, управлениях уездных воинских начальников и даже при канцеляриях начальников округов, как в Петро-Александровске, Преосвященный Туркестанский Аркадий возбудил ходатайство о даровании этим, числившимся военными, причтам городских частей некоторых служебных прав и преимуществ военного духовенства. 24 сентября 1894 года о том же возбудил ходатайство пред Священным Синодом и командующий войсками туркестанского военного округа генерал-губернатор Духовский, причем указал, что, по сообщению Военного министра, ограничение прав городского военного духовенства в Туркестане может быть устранено при условии подчинения этого духовенства Протопресвитеру армии и флота и что на этом подчинении уже в течении десяти лет настаивает военное ведомство, в виду отсутствия единства в направлении деятельности Туркестанского духовенства, которое постоянно дает поводы к возникновению разного рода недоразумений между Епархиальным Начальством и военною властью округа в ущерб интересам православной церкви и в подрыв воинской дисциплины. Рассмотрев это ходатайство, Святейший Синод определил изъять из ведения Туркестанского Епархиального Начальства и подчинить ведению Протопресвитера военного и морского духовенства 34 причта, находящиеся в городах Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семиреченской областей, Аму-Дарьинского отдела и Бухарского ханства, получающие содержание по смете военного министерства и обслуживающие военные учреждения.

Хотя в ведомстве о причтах, представленной при ходатайстве генерал-губернатора иного и приложенной к указу Святейшего Синода на имя Туркестанского епископа Аркадия от 28 марта 1900 года об изъятии этих причтов из епархиального ведомства, прямо было сказано, что в некоторых городах, как то: Казалинске, Аулиэ-Ата, Чимкенте, Коканде – большую часть православного населения составляют

гражданские чиновники и частные лица, и что в областных городах перешедшие в ведение Протопресвитера военные священники служат исключительно для нужды военного ведомства, а для невоенного православного населения имеют быть учреждены особые причты; однако Туркестанское Епархиальное Начальство не воспользовалось этим указанием и не озаботилось немедленным возбуждением ходатайства перед Святейшим Синодом об учреждении приходских причтов к городским церквам, имевшим многочисленных прихожан не военного звания и оставшимся, за перечислением военных священников в ведение о. Протопресвитера, без пастырей. Преосвященный Туркестанский Аркадий в своем представлении Святейшему Синоду, от 14 июля 1900 года за №150, по поводу распоряжения об изъятии городских церквей из епархиального ведомства указав, что вследствие этого изъятия Туркестанская епархия становится исключительно сельско-станичной, причем и многие деревни, приписанные к городским приходам, переходят в ведение военно-духовного управления, объяснил только, что городские церкви в епархии созидались не для одних только военных, а вообще для всего многочисленного населения Туркестанских городов, что даже Спасо-Преображенская Ташкентская церковь, именуемая военным собором, строилась как приходская; и когда сам Туркестанский епископ Неофит, в целях благоустройства этого наиболее значительного в Туркестане храма, обращался к генерал-губернатору Вревскому с просьбой принять Спасо-Преображенский собор в ведение Инженерного Управления, то генерал-губернатор от 22 марта 1891 года ответил отказом на том основании, что к ведению Военно-инженерного Управления принадлежат только сооружения, предназначенные исключительно для военного ведомства, а церкви строятся для всего православного населения. Но приведя эти основания для заключения о необходимости учреждения приходских причтов при городских церквах, преосвященный Аркадий не возбудил соответствующего ходатайства, а лишь обратился к Святейшему Синоду с просьбой о разъяснении: а) с изъятием городских причтов из ведения Епархиального Начальства переходят ли в ведение Протопресвитера военного и морского духовенства и городские церкви, в частности Спасо-Преображенский Ташкентский Собор, со всеми их имуществами и б) если переходят не все церкви, то кто будет заведовать оставшимися в епархиальном ведомстве церквами до учреждения при них своих приходских причтов.

Более года прошло, пока это представление было рассмотрено Святейшим Синодом. Можно думать, что это замедление произошло в ожидании ходатайства Туркестанского Епархиального Начальства об учреждении приходских причтов при Туркестанских городских церквах. Но такого ходатайства не было возбуждено. И в 1901 году Свя-

тейший Синод, постановлением от 8-21 апреля, определил церкви, причты которых изъяты из ведения Туркестанского Епархиального Начальства, со всеми их имуществами, перечислить в ведение Протопресвитера военного и морского духовенства.

На основании этого определения в 1901, 1902 и в 1903 годах 34 приходские, почти исключительно городские церкви были переданы в военное ведомство со всем имуществом и денежными капиталами, у некоторых церквей очень значительными, напр., у Самаркандской Георгиевской в сумме 42000 р., у Александро-Невской в Новом Маргелане в сумме 14000 р., у Николаевской в Чарджоу 11000 р., у Николаевской в Копале – 10000 р. и т.д. Взамен сего в 1901 году к Туркестанской епархии была присоединена Закаспийская область. Но и в этой области приходы в городах и укреплениях по линии Средне-Азиатской железной дороги оказались состоящими в ведении военного духовного управления и в епархиальное ведомство перешло лишь несколько жалких сельских приходов, не заключающих в себе и одной десятой части православных жителей Закаспийской области.

Изъятие из ведения Туркестанского Епархиального Начальства городских приходов, наиболее благоустроенных и обеспеченных, с лучшими в составе епархиального духовенства силами, с многочисленными более зажиточными и более интеллигентными городскими прихожанами, имело для епархии во всех отношениях тяжелые последствия.

Прежде всего, Туркестанская епархия, хотя и находившаяся в периоде усиленного роста, но не имевшая еще ни одного духовно-учебного заведения, ни одного благотворительного для духовенства учреждения, словом, можно сказать, совершенно неблагоустроенная, а потому и крайне нуждающаяся в материальных средствах, лишилась большей половины церковных доходов и отчислений из них на удовлетворения различных епархиальных нужд. Отшедшие в ведение о. Протопресвитера, городские церкви стали снабжаться восковыми свечами из военно-свечного завода, и так как расход свечей в этих церквях значительно больше, чем в сельских, то и доход от свечной операции, поступающий на епархиальные нужды уменьшился почти вдвое. По причине этого в туркестанской епархии, где развито пчеловодство и дешев воск, до сих пор не устроено епархиального свечного завода. Но такой завод мог бы давать немалый доход, если бы удовлетворил потребности всех церквей Туркестана. При незначительном же расходе свеч в сельских церквях епархиальный завод с трудом мог бы окупить расходы производства и содержание администрации, и по необходимости епархии приходится потреблять свечи частного производства.

На половину почти уменьшились по епархии и процентные отчисления из свечного дохода на содержание духовно-учебных заведе-

ний, установленный в епархии трехпроцентный сбор со всех церковных доходов на пособия церковно-приходским школам, уменьшились кружечные сборы на местные нужды – на вдов и сирот духовного звания, в пользу епархиального братства, тарелочный сбор на нужды церковных школ и т.д. теперь, когда поставлен на очередь крайне важный для епархии и местного духовенства вопрос об открытии в Туркестане духовно-учебного заведения, особенно приходится считаться с этим исключительным, не имеющим местом ни в какой другой епархии, положением, при котором более значительная часть местных церковных доходов изъята из ведения Епархиального Начальства и епархиального духовенства.

Не нормально теперь поставлена епархия и в отношении административном. Не говоря уж о том, что с перечислением городского духовенства в ведение о. Протопресвитера епархия лишилась лучших в своем составе работников, обладавших и соответствующим образовательным цензом и практической опытностью, она лишена и возможности заменить их новыми способными деятелями, так как в большей части городов не осталось ни епархиальных церквей, ни причтов. И теперь Туркестанский епископ поставлен в удивительно странное положение: в его ведении нет никаких подчиненных органов-учреждений и лиц – даже в таких центрах русского населения Туркестана, как областной г. Скобелев; нет соответствующего кандидата на должность благочинного среди исключительно сельских священников еще не благоустроенных и бедных переселенческих приходов Ферганы, назначать в которые священников с достаточным образовательным цензом и некоторой административной опытностью можно разве лишь в наказание за проступки; не кому поручить необходимые сношения с администрацией области, столь далекой от кафедрального города; нет возможности иметь даже, напр. своего представителя в областном Комитете по устройению быта переселенцев, начинающих приливать в этот обширный и богатейший край с каждым годом все в большем и большем количестве.

Я должен думать, что все православное население Туркестана находится в области моего пастырского попечения, но у меня нет сведений даже о численности его в городах, где нет епархиальных причтов, о составе его, о разных обычаях в его церковной жизни, о тех или других явлениях, характеризующих его духовный быт и настроение. Благочинные военных церквей не обязаны представлять мне какие либо отчеты, военные причты, имеющие многочисленных частных прихожан, документные книги своих церквей не представляют в епархиальную Консисторию, не сообщают даже статистических сведений и поэтому многолюдные приходы, даже не имеющие военных прихожан, находятся совершенно вне поля моего зрения. И я не могу причты

таковых приходов поставить в какие-либо обязательные ко мне отношения: Духовное Правление при о. Протопресвитере ревниво относится к таким попыткам Епархиального Начальства. Я знаю, напр. как на возбужденную Туркестанской духовной консисторией переписку о необходимости снабжения железнодорожных – теперь уже перешедших в епархиальное ведомство – церквей книгами церковных документов из местной епархиальной Консистории это Правление (от 7 июля 1903 г. за № 876), ответило отказом на том основании, что в приходах Красноводской, Кизил-Арватской, Самаркандской и 3-го участка железнодорожных церквей нет лиц военного звания и выдача документов для этих церквей из Туркестанской Консистории была бы равносильна изъятию названных церквей из ведения о. Протопресвитера.

Но важнее материального ущерба, неудобств в административном отношении и пробелов в епархиальной статистике, тяжелые последствия изъятия из ведения епархиального Архиепископа значительной части городского православного населения епархии в отношении религиозно-нравственного состояния этого населения. Состав православного населения Туркестанских городов обязывает предъявлять к городскому духовенству особенные требования. В Туркестанских городских поселениях, возникавших как опорные военные пункты в завоеванной стране, первыми русскими насельниками невоенного звания были маркитаны, торговцы, искатели наживы, поставщики всего, на что был спрос в войсках, авантюристы, часто с преступным прошлым. Укрепления потом обратились в административные центры военно-народного управления; в них появились чиновники, но того особенного типа, который в русской литературе заслужил названия «ташкентцев». С проведением железных дорог и развитием торговли и промышленности в городах Туркестана осела масса железнодорожных служащих и рабочих, мелких предпринимателей и агентов торговых фирм; русские города выросли в большие торгово-промышленные центры, при которых старые туземные города стали лишь пригородами, появились разные учебные заведения, общественные и благотворительные учреждения, водопроводы, освещение, трамваи и другие удобства культурной жизни. Но религиозно-нравственная жизнь православного населения, уровень которой даже Туркестанские Генерал-Губернаторы находили слишком низким для того, чтобы внушить туземцам уважение к господствующей в нашей народности и исповедуемой ею религии, и теперь не улучшилась, и теперь продолжает служить соблазном для покоренных мусульман, оказывая и на них свое развращающее влияние. Если прибавить к этому ярко проявившееся в революционные годы отрицательное отношение к религии со стороны большинства городской интеллигенции и усилившуюся пропаганду неверия и социализма среди рабочего класса, то будет понятно, какого внимания со стороны пас-

тырей, каких трудов и сил потребует православная городская паства, и какой тяжестью должно лежать на мне, предстоятеле Туркестанской церкви, ответственность за уклоняющихся от пути спасения православных чад, живущих в пределах вверенного моему попечению и духовному руководству края. В последние годы в Туркестан приливает масса русских переселенцев, большей частью земледельцев, но вследствие разных препятствий к переселению в Туркестанские области, не нашедших пока возможности устроиться на новых землях. Эти переселенцы по необходимости целыми тысячами в городах, где можно найти хоть какой-нибудь заработок. Выросшие на своей далекой родине под сенью церкви, православные новоселы, как видно из поступающей ко мне переписки, особенно нуждаются в пастырской заботливости, религиозном утешении в своем тяжелом положении: им хотелось бы в общей церковной молитве, в ласковом участии духовного отца найти успокоение, отдохнуть душой в чужой стране, среди глубоко чуждой для них обстановки. Может ли удовлетворять всем этим разнообразным запросам многочисленной и разнородной городской паствы военное духовенство, имеющее свои специальные обязанности, подчиненное не только духовному своему начальству, но и начальникам военных частей, связанное требованиями воинской дисциплины?

Туркестанские Генерал-Губернаторы, настаивая на изъятии городских военных причтов в Туркестане из ведения местной епархиальной власти, представляли Военному Министру, что Епархиальное Начальство нередко возлагает их от усердного исполнения своих прямых обязанностей в отношении религиозно нравственного развития нижних чинов (Представление, от 24 января 1891 г. за № 618, Барона Вревского). И Святейший Синод признал это достаточным основанием для перечисления военных городских причтов в введение о. Протопресвитера военного и морского духовенства. Правда, в приложенной к указу от 28 марта 1900 г. Ведомости причтов, перечисленных в ведомство о. Протопресвитера, указано, что полное устранение в уездных городах из пастырской практики военных священников исполнения треб для частного населения совершенно невозможно; но это, конечно, не значит, что в отношении к частному населению приходские обязанности возлагаются на военных священников в полной мере: иначе перечисление причтов из епархиального ведомства в военное не имело бы никакого значения. Ясно, что военные священники могут посвящать своим частным прихожанам свое время и внимание постольку, поскольку это не отвлекает их от исполнения прямых обязанностей в отношении к состоящим в их ведении военным чинам. Но военные священники, за отсутствием епархиального духовенства в городах, состоят еще и законоучителями всех учебных заведений, которых теперь в каждом городе уже не малое число. Мно-

го ли у них остается времени для частных треб, для забот об удовлетворении духовных нужд частных прихожан?

Вполне понятно, что военные священники не могут и не считают себя обязанными заботиться об устройстве церковных школ в приходах, об открытии приходских попечительств, не ведут религиозно-нравственных чтений или внебогослужебных бесед, недостаточно радеют об установлении нравственной связи с своими частными прихожанами. Не редки даже прискорбные случаи, когда военные пастыри холодно относятся к своим невоенным пасомым, дают им почувствовать, что не обязаны удовлетворять их частные нужды, и таким образом отдаляют их и от себя, и от церкви. Особенно переселенцев они считают посторонними в своей пастве, случайными богомольцами в своих церквах. И чувствующие себя одинокими, заброшенными в чужую нехристианскую страну, православные простые люди, жаждущие духовного утешения, поддержки в трудных обстоятельствах, не находят в военных священниках сердечного участия к своим нуждам, к своему горю. Видя такое холодное, равнодушное отношение к себе со стороны православных пастырей, русские переселенцы легко поддаются под влияние сектантских учителей, теперь появившихся уже повсюду, начинающих свою проповедь с критики православного духовенства и ловко пользующихся душевным настроением простодушных и доверчивых русских людей. В результате получается участвовавшие в последнее время случаи уклонения православных в штунду, молоканство, баптизм, адвентизм, католичество, и даже случаи отречения от Христа и перехода в магометанство.

Я не должен, не могу относиться спокойно к совершающемуся расхищению православного стада; меня глубоко возмущает каждый подобный случай и тяжестью ложится на мою пастырскую совесть. Но в моем распоряжении нет средств для борьбы с развивающимся злом; а главное, нет людей, которые были бы обязаны вести эту борьбу под моим руководством. Военные пастыри не считают своим долгом знакомить меня с духовно-нравственным состоянием своих невоенных прихожан. Какие распространяются среди них лжеучения, какие в их жизни особенно заметны пороки и другие печальные в духовном отношении явления, мне становится известным только случайно по разным сторонним, иногда газетным сообщениям. Я не могу считать многочисленное православное население городов, состоящее в военных приходах изъятым совершенно из моей паствы; но теперь оно фактически вне сферы моего ведения и влияния. Туркестаский епископ лишен возможности руководить приходским духовенством в Туркестанских городах, состоящим в военном ведомстве; он не может даже следить за деятельностью этих пастырей, потому что военные благочинные старательно избегают всяких сношений с Архиереем, не может поставить им в обязанность какой-либо труд, какое-либо необходимое для

прихожан дело, потому что не подчиненный ему священник всегда найдет возможность под благовидным предлогом отделаться от поручений епархиального Архиепископа. Я далек от мысли обвинять военное духовенство в нерадении к своим пастырским обязанностям или пренебрежительном отношении к епархиальному епископу. Я знаю здесь многих военных пастырей, искренне стремящихся быть истинными отцами и учителями и своих невоенных прихожан. Я только фактами подтверждаю положение, на котором основывался Святейший Синод, перечисляя военное городское духовенство в ведение о. Протопресвитера, – что приходские дела и поручения Епархиального Начальства отвлекают военных священников от прямой их службы, что поэтому обязанности военного священника и приходского пастыря несовместимы, и что для невоенных православных жителей Туркестанских городов необходимы особые приходские причты.

Из сказанного очевидно, что настоящее в высшей степени ненормальное положение Туркестанской епархии и религиозно-нравственное состояние вверенной мне паствы, настоятельно требуют скорейшего учреждения таких причтов. Но еще раз повторяю – благоприятное время для этого упущено: причты необходимо было учредить, пока приходские церкви не были переданы в военное ведомство.

Теперь вопрос об учреждении приходских причтов необходимо связывается с обратной передачей, бывших приходскими и ставших военными, Туркестанских городских церквей в ведомство епархиальное. Такое возвращение церквей в епархию не везде и не вдруг может быть осуществлено, но это будет актом восстановления справедливости. Православные церкви в Туркестанских городах до передачи их в военное ведомство никогда не были и не считались принадлежностью тех войсковых частей, при которых числились служившие в них причты. Церкви эти были принадлежностью приходов и строились для удовлетворения религиозных нужд прихожан, без различия их звания, как для военных, так и для частных. Если же на постройку их ассигновались казенные пособия по сметам военного ведомства, то это иначе и быть не могло: Туркестанский край находится в ведении военного министерства и все расходы по управлению им заносятся в смету военного министерства. По интендантской смете и теперь ассигнуются ежегодно 50000 рублей на постройку приходских церквей в крае. Эти церкви епархиального ведомства и строятся в таких пунктах, где военных чинов совсем нет. Да и Туркестанские генерал-губернаторы, начиная с первого – К.П. Кауфмана, испрашивая казенные ассигнования на постройку православных церквей в крае, нигде не говорили, что эти церкви будут военными. При пособиях из казенных средств по военной смете многие церкви в Туркестане строились даже без всякого участия военно-инженерного ведомства, приходскими строительными комите-

тами, собиравшими и частные пожертвования на их постройку. Обстановка церковей заводилась почти исключительно на частные средства приходов и те денежные капиталы, которые вместе с церквями были переданы в военное ведомство, образовались исключительно из частных пожертвований и остатков от церковных доходов, поступавших также преимущественно из частных источников.

Я не могу надеяться, чтобы теперь при учреждении в Туркестанских городах приходских причтов, можно было в более и менее непродолжительное время собрать достаточно частных средств на устройство новых, отвечающих потребностям многочисленного городского населения, приходских церковей. Не таково теперь настроение православного населения Туркестанских городов, изображенное мною выше и подробно описанное в моем отчете по управлению Туркестанской епархии за 1907 год, чтобы можно было ожидать от него более или менее значительной помощи при создании новых церковей. И не в таком благоприятном положении находятся государственные средства, чтобы можно было рассчитывать на получение из Государственного Казначейства миллионного кредита на церковное строительство в Туркестане. А потому я нахожу безусловно необходимым и вполне справедливым немедленно приступить к изъятию из военного ведомства приходских городских церковей в Туркестане, переданных этому ведомству, как я выше объяснил, по печальному недоразумению. Изъятие это может быть произведено постепенно, в порядке, который выясняется из рассмотрения положения и нужд православной паствы в каждом из городов в частности. К этому рассмотрению я теперь и перейду; причем постараюсь быть беспристрастным, соблюдая интересы православных и военного звания.

В г. Ташкенте из епархиального ведомства изъяты и переданы в военное четыре церкви – а) Спасо-Преображенская, причисленная к штабу туркестанского военного округа, б) Александро-Невская при Управлении стрелковой бригады, в) при Управлении Ташкентской местной бригады и г) при Ташкентском военном госпитале. При этих церквях в настоящее время нет частных прихожан, так как в Ташкенте уже есть три приходских храма – Иосифо-Георгиевский, Сергиевский и Благовещенский – железнодорожный, и к ним приписаны все православные невоенные жители Ташкента. Но эти храмы скромных размеров – особенно Иосифо-Георгиевский, и для двухсоттысячного населения Ташкента, среди которого православных уже более 50000, их крайне недостаточно. В настоящее время начато дело постройки в Ташкенте Кафедрального собора, для чего образовался Строительный Комитет и собираются пожертвования. Проектированный храм должен удовлетворить назревшие потребности многолюдного города, а потому предположен в большом размере, и для постройки его потребуются сред-

ства, каких в десятки лет не собрать путем частных пожертвований. Ускорить дело постройки и удовлетворить насущную нужду православного населения Ташкента можно только путем исходатайствования казенных средств для постройки. И ассигнование таких средств было бы только вполне справедливым возмещением за переданные военному ведомству, со всеми имуществами и значительными денежными капиталами, вышеперечисленные Ташкентские церкви, из которых Спасо-Преображенская, дорого стоящая и самая величественная из церквей Туркестана, заменила собой Ташкентский военный собор, уже в 1898 году признанный военным ведомством необходимым в Ташкенте и проектированный им с расходом на постройку до 300000 руб. казенных средств, как видно из сообщения Туркестанского Генерал-Губернатора на имя епископа Туркестанского, от 25 февраля 1898 года за № 1614, о постройке в Ташкенте военного собора во имя св. Николая. В виду этого я не буду настаивать на возвращении епархии военных церквей, переданных в военное ведомство, а имею возбудить особое ходатайство об отпуске взамен их казенного кредита на постройку Ташкентского Кафедрального Собора, безусловно необходимого не только для православных жителей Ташкента, но и для епархии, управление которою должно быть перенесено в естественный центр ее в возможно ближайшем будущем.

В г. Самарканде изъяты из епархиального ведомства и переданы военному две церкви – Георгиевская, причт которой числился при Управлении Самаркандского воинского Начальника, и Александровская – при управлении 2 Туркестанской линейной бригады, при чем первая с церковным капиталом в сумме более 4000 рублей.

Когда эти церкви были еще епархиальные, Туркестанские Генерал-Губернаторы – Розенбах, Вревский и Духовский – настаивали на постройке в Самарканде православного собора и в основание своих соображений по этому предмету согласно полагали, что, в целях поднятия престижа русской власти и господствующей православной веры, необходимо в старом центре мусульманской религии и культуры, г. Самарканде, соорудить христианский храм, не только отвечающий потребностям местного православного населения, но и могущий с честью выдержать сопоставление с грандиозными постройками мусульманских властителей, который своей красотой и величественностью среди разрушающихся памятников господства в Средней Азии религии Магомета наглядно свидетельствовал бы о победе над нею христианства и русской народности. Эти соображения заслужили ВЫСОЧАЙШЕЕ одобрение и в Бозе почившего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и ныне благополучно царствующего ГОСУДАРЯ, еще в 1901 году утвердившего проект Самаркандского Собора со сметой на постройку в сумме 270000 рублей. Однако ассигнование строительного кредита, часть

которого была внесена в Интендантскую смету по Туркестанскому краю на 1903 год, замедлилось; а теперь, когда война и смута значительно истощили средства Государственного казначейства, трудно и рассчитывать на отпуск строительных средств в ближайшем будущем; хотя и последние Туркестанские Генерал-Губернаторы сочувственно относились к делу постройки Самаркандского собора, и мен писали, что при первой возможности не преминут возбудить ходатайство об отпуске казенных средств на постройку (письмо Генерал-Губернатора Гродекова, от 13 февраля 1907 г. за № 2087). В Самарканде же потребность в приходских церквях становится с каждым годом все более и более настоятельной, так как численность православного населения в городе быстро возрастает. А единственная недавно построенная в Самарканде приходская церковь-школа, вместимостью на 200 молящихся, удовлетворить этой потребности прихода, в котором одних родившихся за год бывает более 400, конечно не может.

В минувшем 1908 году я учредил Комитет по постройке Самаркандского Собора под председательством Военного Губернатора Самаркандской области и в настоящее время обращаюсь с просьбой к новому Туркестанскому Генерал-Губернатору Самсонову о возбуждении им ходатайства относительно отпуска разрешенного уже принципиально казенного кредита на эту постройку, но на осуществление ее в ближайшем будущем не могу питать больших надежд.

Между тем в Самарканде разрешена постройка военного Собора стоимостью более 100000 руб. на средства Георгиевской церкви с добавочным ассигнованием из казны. Капитал Георгиевской церкви, вне всякого сомнения, принадлежит приходу; он собран тогда, когда церковь была приходской, и передача его военному ведомству вместе с церковью была явной несправедливостью по отношению к невоенным православным жителям Самарканда. Поэтому с употреблением этих денег на постройку специально военного собора я мог бы примириться только в том случае, если бы одновременно был отпущен казенный кредит на постройку епархиального собора. В противном случае Самаркандская военная Георгиевская церковь, бывшая приходская, должна быть немедленно возвращена епархиальному ведомству, а военный собор должен строиться исключительно на средства военного ведомства.

В областном городе Ферганы Новом Маргелане, теперь именуемым Скобелевым, две епархиальные церкви переданы военному ведомству – Александро-Невская, причт которой числится при Управлении Ферганского воинского Начальника, и Михайловская – при Управлении 2 Туркестанской линейной бригады. Александро-Невская церковь – один из лучших храмов в Туркестане и в приходе ее состоит все довольно многочисленное население областного города Ско-

белева, почти исключительно русское, так как азиатский город – Старый Маргелан находится от русского города на расстоянии (нрзб) верст. Устроить в г. Скобелеве новую приходскую церковь епархиального ведомства крайне затруднительно: для этого потребуется крупный кредит из Государственного Казначейства, так как большому количеству прихожан нужен храм больших размеров. К тому же затрата теперь больших казенных средств на такую постройку будет недостаточно производительна – потребности православного населения, как военного, так и гражданского, пока могут удовлетвориться и существующими двумя обширными церквями. Но совершенно необходимо возвратить Александро-Невскую церковь, и теперь почти исключительно приходскую, в епархиальное ведомство: для военных вполне достаточно и Михайловской церкви, носящей название гарнизонной.

В главном городе Аму-Дарьинского Отдела – Петро-Александровске перешли из епархиального в военное ведомство две церкви – Николаевская, причт которой числится при Канцелярии Начальника Отдела, и Александровская при Управлении Петро-Александровского воинского Начальника. Николаевская церковь, каменная, хорошей постройки, является теперь почти исключительно приходской церковью для трехтысячного невоенного православного населения быстрорастущего города; для военных же чинов служит Александро-Невская церковь. Поэтому естественно возвратить первую в епархиальное ведомство, чем интересы военнослужащих православных нисколько не будут нарушены.

В уездных и безуездных городах Сыр-Дарьинской области – Аулие-Ата, Перовске, Казалинске, Чимкенте, Туркестане и Кармакчи – были переданы в военное ведомство единственные местные приходские церкви, причты которых числились при управлениях местных воинских начальников. Уже в приложенной к указу Святейшего Синода об изъятии военных причтов из епархии Ведомости этим причтам было указано, что в большинстве этих городов воинские чины представляют незначительную часть местного православного населения. Отсюда естественно вытекало, что не церкви должны быть переданы в военное ведомство, а военные причты их должны быть перечислены в ведомство епархиальное. Но этого тогда не было сделано и вскоре пришлось исправлять таковую ошибку, возбуждать ходатайства о назначении особых епархиальных причтов и о возвращении епархии переданных в военное ведомство церквей. По этим ходатайствам возвращены были в епархиальное

---

⁵ На днях Военно-Инженерное Управление испрашивало моего согласия на постройку гарнизонной церкви в Петро-Александровке. Не понимаю, для чего она понадобилась, когда и существующих в Петро-Александровке церквей и для военных, и для частных православных пока достаточно. – Прим. Епископа Димитрия.

управление церкви Перовская и Аулиэ-Атинская; но должны быть возвращены и остальные церкви, чему, я уверен, не будет препятствовать и военное Начальство, еще недавно в лице и.д. Туркестанского генерал-Губернатора Мациевского в приказе выразившее удивление по поводу того, что в г. Казалинске, где почти нет военных чинов, имеется священник по штату военного ведомства.⁶

В уездных городах Самаркандской области – Ходженте, Ура-Тюбе, Джизаке и Катта-Кургане переданы в военное ведомство приходские церкви, причты которых тоже числились при Управлениях местных воинских Начальников. Но в Самаркандской области местные воинские команды многочисленнее, а города еще далеко не превратились в русские, как в областях Сыр-Дарьинской и Семиреченской, почему указанная выше Ведомость говорит о преимущественно военном характере этих приходов и не находит возможным устранить из практики военных священников исполнение церковных треб для частного православного населения. Однако и уездные города Самаркандской области за последнее время увеличиваются пришлым русским населением, которое с разрешением переселения в Самаркандскую область несомненно разом возрастет настолько, что военные чины в этих городах окажутся также незначительной частью в составе прихожан городских церквей, и учреждение в городах особых епархиальных причтов будет необходимо. А потому и перешедшие в военное ведомство приходские церкви нужно будет тоже возвратить в епархиальное ведомство.⁷

В уездных городах Ферганской области переданы в военное ведомство приходские церкви Кокандская – Константино-Еленинская, устроенная в бывшем ханском дворце, Андижанская – Сергиевская, Наманганская – Михаило-Архангельская и Ошская, тоже Михаило-Архангельская. Последние три церкви каменные, хорошей постройки и вида. Причты всех этих церквей числились при Управлениях местных воинских Начальников. При изъятии этих церквей из епархиального ведомства численность частного православного населения в уездных городах Ферганы немного превышала состав воинских чинов местных

---

⁶ В форте №2, иначе Кармакчи, военный причт закрыт. В 1907 г., будучи в Ташкенте, я случайно прочел в официальной газете – Туркестанские Ведомости публикацию местного Военно-окружного Инженерного Управления о продаже с аукциона здания Кармакчинской церкви, не нужной военному ведомству за упрямством причта. И лишь немедленно возбужденными мною всяческими ходатайствами перед местною военною властью мне удалось предупредить позор продажи с аукциона православного храма, вероятнее всего каким-нибудь мусульманам, быть может, мечтавшим о превращении церкви в мечеть.

⁷ В Джизаке военное ведомство уже приступило к постройке особой специально гарнизонной церкви.

команд. Но с того времени эти города сделались важными торгово-промышленными пунктами, со множеством заводов для отчистки хлопка и контор для скупки его. За исключением Оша, связанные железной дорогой с торговыми центрами, они быстро разрослись и количество частного православного населения в них теперь превышает численность воинских команд во много раз. Особенно увеличилось русское население в Коканде и Андижане. В первом из них уже учрежден особый приходской причт и устроен на частные средства хороший храм. В Андижане же более 2500 невоенных православных числятся при военной церкви, также и в Намангане, и в Оше. Так как и на постройку в этих городах новых епархиальных приходских церквей, размерами отвечающих потребностям быстрорастущего православного населения этих городов, нужны очень крупные суммы, каковые едва ли могут быть собраны или ассигнованы из казны в ближайшем будущем, то изъятие бывших приходских церквей из военного ведомства в этих городах является совершенно необходимым.

В Семиреченской области были изъяты из епархиального ведомства приходские церкви в городах Пишпеке, Пржевальске, Джаркенте, Копале, в казачьей станице Сергиополе, в укреплениях Бахты и Нарын. Причты всех этих церквей числились при местных воинских командах. Уже во время перечисления этих церквей в военное ведомство в городах Пишпеке и Пржевальске было столь многочисленное частное русское население и такие незначительные воинские команды, что немедленно после перечисления возникли ходатайства о возвращении этих церквей, сначала в Пишпеке, а потом в Пржевальске, в епархиальное ведомство. И ходатайства эти были уважены, церкви со всеми имуществами изъяты из военного ведомства. В Джаркенте, где войска многочисленны, учрежден был особый приходской причт для частного городского населения и построена на пожертвования прихожан новая церковь. В Копале, где также, кроме местной команды, квартирует и стрелковый батальон, несмотря на то, что с городом слита многолюдная казачья станица, устроить новую приходскую церковь на местные пожертвования немыслимо, так как все зажиточное население в Копале татарское, и в руках его находится вся торговля, а русское население исключительно служилый и рабочий класс, мало состоятельный элемент. К тому же и капитал Копальского прихода в сумме 10000 рублей вместе с церковью передан военному ведомству. Но Копал утратил уже значение укрепления; войска в нем квартируются только временно, и число их всегда может сократиться до нескольких десятков местной команды; а потому оставлять бывшую приходскую Копальскую церковь в военном ведомстве нет оснований. Точно также нет оснований для оставления в военном ведомстве церквей в Сергиополе, где может совсем не быть никакой воинской команды, а останется лишь

казачий станичный приход; в Бахтах, где хотя и есть укрепление, но главная составная часть прихода – быстро увеличивающееся крестьянское селение Захаровка; в Нарыне, где хотя и незначительно частное население, однако оно может серьезно возрасти в ближайшем будущем с занятием долины Нарына переселенцами.

В Бухарских владениях переданы в военное ведомство две приходские церкви – в Чарджуе Николаевская и в Керках – Александровская, причты которых числились при Управлениях Чарджуйского воинского Начальника и 1-й Туркестанской местной бригады. Чарджуй представляет из себя место пересечения двух магистральных торговых путей Туркестана – судоходной великой Аму-Дарьей и Средне-Азиатской железной дороги, а Керки – главную пристань для всех товаров, идущих через Афганскую границу. Тот и другой пункты вследствие благоприятного торгового положения, развития хлопководства в Бухарских владениях и судоходства по Аму-Дарье быстро растут, и теперь в числе прихожан Чарджуйской церкви военные чины представляют совсем незначительную величину. В Керке военный элемент еще имеет численный перевес, но во всяком случае и невоенное православное население может составить достаточно многочисленный приход, а потому и Чарджуйскую, и Керкинскую церковь возвратить в епархиальное ведомство необходимо.⁸

В Закаспийской области нет церквей, перечисленных из епархиального ведомства в военное: присоединение этой области к Туркестанской епархии совершилось позднее 1900 г.; но в этой области были приходские церкви и при них военные причты, не состоявшие при каких-либо воинских частях или учреждениях военного ведомства, в составе прихожан совсем не имевшие воинских чинов, даже содержание получавшие не из военных источников, словом, не имевшие никакого отношения к военному ведомству, кроме получения документных церковных книг из Духовного Правления при о. Протопресвитере, как свидетельствует и приведенное выше указание самого Духовного Правления. Это церкви на железнодорожных станциях Красноводск, Кизил-Арват, Фараб, Самарканд и приходская церковь в Байрам-Али – Государевом имени ведомстве Уделов. Относительно передачи железнодорожных церквей в епархиальное ведомство уже состоялось определение Святейшего Синода и ныне передача эта совершилась. Относительно же передачи прихода в Байрам-Али, учрежденного недавно и по недоразумению причисленного к военному ведомству, мною

---

⁸ В Чарджуе военное ведомство также приступает к постройке особой гарнизонной церкви; хотя понять, для чего нужна такая затрата казенных средств, довольно трудно: в Чарджуе военных чинов мало, а кроме перешедшей из епархиального ведомства приходской церкви, есть еще церковь железнодорожная.

возбуждено особое дело. Но я нахожу нужным позаботиться о том, чтобы во вверенной мне епархии приходы для моей паствы устраивались с моего ведома и состояли в моем ведомстве; теперешняя же экстерриториальность некоторых из приходов явление странное, едва ли в какой другой епархии имеющая место. Причины этого ненормального явления подробно выяснены мною в отчете по епархии за 1907 год.

Все сказанное для ясности можно резюмировать в следующих положениях: а) состоявшие в ведении Туркестанского Епархиального Начальства приходские причты городских церквей, числившиеся при воинских частях и учреждениях, подчинены о. Протопресвитеру в тех целях, чтобы они поручениями епархиального Начальства и приходской службой не отвлекались от своих прямых обязанностей в отношении религиозно-нравственного руководства подведомственных им нижних воинских чинов; б) последующая передача епархиальных городских церквей с их имуществом военному ведомству произошла по недоразумению, главным образом от того, что Туркестанское Епархиальное Начальство своевременно не озаботилось возбуждением ходатайства об учреждении приходских причтов при церквах, оставшихся без священников при перечислении в военное ведомство заведовавших ими причтов; в) перечислением городских причтов в ведомство о. Протопресвитера достигнуто не освобождение их от приходских обязанностей, а лишь освобождение от поручений и наблюдений епархиальной власти; г) передачей приходских церквей военному ведомству создано препятствие к учреждению в городах приходских причтов; д) состоящая в приходах военных церквей значительная часть городского православного населения выделена фактически из состава епархии, находится вне сферы влияния местного епископа, что не может не отразиться вредно на религиозно-нравственном состоянии православных горожан; е) для епархиального управления с перечислением в военное ведомство городских церквей и причтов создались непреодолимые затруднения в административном отношении, тяжелое положение в отношении экономическом; ж) для нормального развития церковной жизни в Туркестанской епархии совершенно необходимо учредить в городах, где есть значительное число православных не военного ведомства, приходские причты и возвратить епархиальному ведомству приходские церкви, ошибочно перечисленные в ведомство военное.

В ближайшем будущем военное управление Туркестанским краем имеет быть заменено гражданским и разрешено будет селиться в Туркестанских областях русским переселенцам, уже и теперь многими тысячами приливающимими в Среднюю Азию. Совершающийся таким образом решительный перелом в жизни русского Туркестана настоятельно требует принять надлежащие меры к скорейшему восстановлению нормального порядка в удовлетворении церковных нужд православного населения Туркестанских городов (...)

Димитрий (Абашидзе), епископ Ташкентский и Туркестанский

Об улучшении преподавания Закона Божьего⁹

Притам церквей Туркестанской епархии

Из поступающей ко мне переписки мною усмотрено, что в некоторых приходах Туркестанской епархии отчасти по вине пастырей церкви, отчасти по вине г.г. учащихся замечается уклонение от нормальной постановки преподавания Закона Божьего в школах. Благодарение Господу Богу, уклонение это обнаружено мною в незначительном числе школ, тем не менее дабы предупредить подобные печальные явления в других школах, обращаюсь ко всем моим возлюбленным о Христе сопастырям и соучителям с настоящим руководственным циркуляром.

И долг Архипастыря, и существующие гражданские законоположения вменяют в обязанность Епископу иметь постоянное и неусыпное наблюдение за религиозно-нравственным воспитанием паствы, одним из действительнейших средств коего является преподавание Закона Божьего в школах. ... Если где, то особенно в Туркестане, изобилующим населением пришлым, полукочевым, отвыкшим от вековых церковно-исторических традиций, прирожденных коренному русскому населению внутренних губерний, – особенно необходимо пастырям церкви приложить все усилия к воспитанию своей паствы на истинно христианских, глубоко русских началах. Где же благодарнее для этой работы и почва, и материал, как не в школе над детьми еще не огрубевшими, не закореневшими в порочных привычках и дурных наклонностях. А если принять во внимание, что при разбросанности русского населения по поселкам, часто довольно отдаленным от постоянного места жительства приходского пастыря школа является почти единственно-объединяющим местом, где может пастырь видеть большое число своих пасомых вместе, то еще понятнее станет, как необходимо, в высшей степени необходимо моим сопастырям не избегать школы, не тяготиться ею, а искать ее, прилежать ей, ревновать по ней. К сожалению, у меня имеются сведения, что некоторые мои сопастыри не только не прилежат всей душой делу школьного воспитания своей паствы, но тяготятся школой, манкируют занятиями в ней, опускают уроки (...)

Признав дело школьного воспитания детей и юношества непрерывным долгом всякого пастыря, я, конечно, совершенно не могу до-

---

⁹ ЦГА КР. – Ф.72. – Оп.1. – Д.1. – С.97-98. Заглавие дано при публикации циркулярного документа, датированного 1910 г. Публикуется с сокращениями.

пустить, чтобы законоучителями в школах, как это ныне имеет место в некоторых приходах, были лица светские. Если и бывают случаи, когда при существовании в приходе нескольких школ, священник не может законоучительствовать в какой либо школе, то и тогда, позволяя заменять себя, одному из низших членов клира или, в крайних случаях, учителю, священник является и в этих школах совершенно ответственным за постановку и направление преподавания Закона Божьего. Все замеченные недочеты будут взыскиваться с него и все благие результаты деятельности его помощников тоже будут отнесены первее всего на его счет (...)

Присутствие же священника на экзаменах по Закону Божьему во всех школах, входящих в район его прихода, вменяю в непременную обязанность о.о. настоятелям приходов.

Отрывки из дневника настоятеля Иссык-кульского Свято-Троицкого монастыря¹⁰

О восстании 1916 года

10 августа. (...) Началось общее смятение. Что делать, куда деваться, где искать спасения, эти вопросы подавали всякие предположения. Мое положение в эти моменты было безвыходным. Бросить ли гостей и бежать устраивать совещание с братией, вероятно уже поразбежавшейся, или остаться с приезжими, оставить на произвол судьбы вверенную моему руководительству братию и попечению монастырь. В период этих молниеносных размышлений с другого берега монастырского затопа раздался крик прискакавшего на лошади крестьянина А.И. Стародубова с приглашением спастись на лодках. Мы, находившиеся вдали от берега, не слышали окриков Стародубова, но один из иноков, монах Никодим, стремительно к нам подбежавший предупредительно нас об этом оповестил. Раздался плач и крики детей и женщин. Все устремились к стоящей на берегу довольно поместительной лодке. Об установлении порядка посадки в лодку не могло быть и речи (...) Здесь около импровизированной в несколько минут пристани вблизи хибарки глубокого старца схимника Исихия оказалась другая, ему принадлежа-

---

¹⁰ ЦГА КР – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 45. – С. 2-20. Машинописная копия. Название дано при публикации. Публикуется с сокращениями, которые обозначены отточиями в круглых скобках. При расшифровке рукописи для составления машинописной копии допущены явные ошибки, особенно в написании имен монахов, населенных пунктов. При публикации эти неточности исправлены, вставленные для уяснения смысла слова выделены курсивом. Документ не датирован.

чая лодчонка. Была испробована посадка кое-каких людей и в нее, но совершенно неудачно. Самодельная, неуступчивая на ходу, она могла поднять одного и много двух человек. Среди нас, оставшихся в монастыре, была и часть моих гостей – М.В.Бутин с женой и сыном. Несколько успокоившись от первых вспышек страха и собравшись с мыслями, я с М.В. пошел в гостиницу за его вещами, среди которых имелся двустольный дробовик с несколькими фунтами пороху и большим запасом разного калибра дробы. Пройдя монастырские ворота, мы могли видеть далеко вперед по протянувшейся ровно как стрела почти двухверстной карагачевой дороге. Ездоков в направлении к монастырю и обратно не было. Ехавшие было сюда киргизы почему-то изменив намерение, уехали прочь. Значит опасность еще впереди, хотя, быть может, и близка. Во всяком случае (...) сейчас получалась возможность потолковать с оставшимися пока в монастыре монахами. Возвращаясь из гостиницы в обитель, я встретил духовника иеромонаха Рафаила и еще нескольких братьев. Предложили им обсудить вопрос о дальнейших действиях. Отец Рафаил решительно отверг мое предложение искать спасения на стороне. По его уверению киргизы монахам вреда нанести не могут. Придут, пошумят, нагрябят и уйдут. Некоторые из бывших тут братий разделяли мнение о Рафаила, и я понял, что здесь сказывается влияния его на них, как духовника и опытом умудренного старца. (...) Я стал тогда спрашивать монахов порознь, о том, поедут ли они в лодке искать спасения вне монастыря. Все это я помню как во сне (...) Вероятно, я не упомянул полностью и ответов, и тех, к кому обращался с вопрошениями. Старец схимник Исихий на мое предложение выехать на время из монастыря ответил обвинением в отсутствии у меня веры в Бога, монах Феоктист на то же предложение махнул рукой, иеродиакон Порфирий отвечал отсутствием времени – надо ехать посмотреть, что делается в степи, послушник старец Симон, вообще не купавшийся, заявил, что некогда, так как идет в Иссык-Куль купаться *также прочие*. Я счел свои обязанности в отношении иноков оконченными. Пожелавшие искать спасения от мятежных киргиз на стороне стали собираться в дорогу, а пожелавшие остаться в монастыре отошли к летнему Троицкому собору, который с этого времени с антиминомсами, запасными дарами и всею находившеюся в нем церковною утварью мною был передан в полное ведение о. духовника иеромонаха Рафаила. В числе решивших остаться в обители были: иеромонах Рафаил, схимник Исихий, монахи – Досифей, Дорофей, Феоктист, послушники – Никифор, Феодор, Симеон, Михаил, Назарий, Стефан и Александр (Вавилов). Решив временно до выяснения обстоятельств покинуть монастырь, мы избрали местом своего пребывания безымянный монастырский островок о двух десятинах земли приблизительно, омываемый заливом Песчаным на Юго-западе, в трех верстах от монастыря. (...)

Я не знаю, долго ли пришлось ожидать прибытия за нами лодки, но она приплыла, и не одна, а две, и мы благополучно перебрались на них на свой остров. Он оказался великолепнейшим местечком в стратегическом отношении. Только с одной Северо-восточной стороны он сравнительно был близок к матерiku – в 50-70 от него саженях. Зато со всей восточной и северной стороны он с крутыми, обрывистыми берегами и почти кругом, за исключением Южной стороны, озерной части, огражден почти сплошным камышом. (...) Вся же его общая поверхность покрыта, хоть и недостаточно густо, джерганакom (облепихой), являвшимся для нас надежным укреплением, соответствующим проволочным заграждениям на войне. На острове – полуразрушенный домишко, когда-то сложенный любителями-рыболовами из монахов (...) Этот домик был нами обращен для дня в мастерскую снарядов, для ночи – в спальню для женщин и детей, и его крыша – в постоянный наблюдательный пункт. При переезде на остров было выяснено, что у нас кроме двух дробовиков с запасом пороха и дроби еще имеются два бинокля, сослужившие нам и в этот, и в последующие дни немалую службу. Вскоре же по водворении нашем на островке из монастыря донесся колокольный звон к вечерне, давший знать, что там, выражаясь языком начальника Пржевальского уезда, «все спокойно»(...)

В монастырь была снаряжена разведочная партия монахов для выяснения, что там происходит и за вещами некоторых монахов и, главным образом, за провизией, так как о ней было позабыто, а мы с утра еще ничего не ели. Разведка и привоз провизии произошли без осложнений. Однако, горячую пищу сегодня не готовили, обойдясь чаепитием с некоторой *излишней* для изгнанников-островитян роскошью, так как заботливая рука какого-то инока приберегла и доставила на остров в общее пользование большой кувшин меду и много яблок. Глядя с острова на север, в направлении почтовой дороги, нельзя было не чувствовать зловещего положения в крае. Обычно пыльная от почтовой гоньбы, привоза товаров, перегона скота, – эта дорога теперь представлялась совершенно мертвой (...)

11-го августа. Спал самым тревожным сном. Проснулся на рассвете. Где же это я? На острове. Так это – действительность, а не наваждение сонное. Монастырь нами оставлен с частью братии, пожелавшей встретиться с врагом в Господнем храме. Не место ли и нам там? Нет, зачем испытывать крепость веры, лучше прилагать заботы о возвращении ее от силы в силу. Живы ли монахи, оставшиеся в монастыре? Вероятно, сегодня узнаем. На рассвете с острова выбыли в с. Преображенское М. Григорьев и А. Стародубов для разведки и навещания тех из своих родственников, которые там находятся. Уезжая, обещали вернуться, если не удастся к сегодняшнему вечеру, то

к рассвету завтрашнего утра. Бог им в помощь. Теперь страшны путешествия и дальние разведки (...)

Подготовка к защите острова и урегулирование на нем порядков «по обстоятельствам военного времени» потребовала тщательного обсуждения вопроса о назначении особого коменданта. В этих целях я созвал «военный совет» в составе всего наличного мужского населения. Выяснив непрочность нашего положения без руководства нас опытным начальником, я предложил собранию двух кандидатов в командиры обороны – Мих. Вас. Бутина, как состоящего на действительной военной службе, и иеромонаха Геннадия, как бывшего артиллериста. Мое предложение было принято охотно, но в довольно оригинальной форме: – «быть двоим начальникам обороны нашего острова М.В. Бутина и о. Геннадия». Тогда объявив первым из обоих равных Бутина, я объявил «дух. совет. Иссык-кульского монастыря до благоприятного времени закрытым. А самый остров на военном положении»...

12 августа. Мы стали наблюдать новое движение киргиз со стороны монастырской пасеки к монастырю. Что-то теперь там делается? Жива ли братия? Мы слышали сегодня о ее судьбе от монаха Маркеллина, ездившего в монастырь. По его словам он виделся с оставшимися в обители монахами до обедни и «прощался» с ними. Обращался к о. Рафаилу с предложением от моего имени перебраться на остров для совместной борьбы за спасение и жизнь. Отец Рафаил ему категорически ответил, что из монастыря не выйдет, так как по его убеждению положение иноков в монастыре больше безопасно, чем наше островное. (...)

В половине 4-го пополудни показался из монастыря обильный дым. Монастырь в огне. Но церкви ли, другие ли какие здания, определить точно не было возможности. Делались *предположения* и, как всегда бывает в таких случаях, самые неблагоприятные. Надобно побывать в монастыре, чтобы удостовериться в судьбе покинутых нами зданий и оставшейся там бесстрашной братии. Была явная необходимость предпринять разведку. В смельчаках мы не нуждались. Их много, и они сами *так* рвались в опасные, но часто совсем не нужные разведки, что приходилось удерживать *их* от рискованных экскурсий. Произведенной разведкой было установлено, что киргизы произвели пожар в двух пунктах на конюшне и скотном дворе, *на* месте удоя монастырских коров. От конюшни он перебросился на хлебопекарню, тотчас сгоревшую, и нельзя не беспокоится за судьбу нашего нового, прекрасно отстроенного зернохранилища, расположенного вблизи коровьего двора. О судьбе оставшихся в монастыре монахов ничего не удалось узнать(...)

Следующая, (...) с иером. Феогностом во главе (...) разведка удалась вполне. Все необходимое было доставлено и, кроме того, был вывезен из монастыря послушник Александр Вавилов.(...) Из числа

оставшихся 12 в монастыре монахов в храме подверглись избиениям 8 человек – иером. Рафаил, монахи: Досифей, Дорофей, Феоктист, послушники: Михаил, Никифор, Федор и Стефан. Прочие же: посл. А. Вавилов избег избиения потому только, что выбрался с колокольни на церковную крышу, где и остался незамеченным, схимник Исихий был избит, а потом умерщвлен вне храма и послушники Симон и Назарий остались живыми, потому, что заблаговременно скрылись в камышах и курагайнике. (...)

Все в Божьей воле. Но если всегда должно, то теперь особенно мы должны быть готовыми к смерти. Я исповедался у священника Сазановской церкви С. Псарева. Монашествующие – у иеромонахов, иеромонахи – друг у друга. Ко мне приходили на исповедь трое иноков. За ними последовали женщины с детьми и подростками. Священник Сазановской церкви о. С. Псарев приятнейшим громким баритоном проникновенно по просьбе женщин стал читать акафист Покрову Божией Матери при общих восклицаниях и плаче детей. Я принимал на исповедь невдалеке от этого чтения, обратившись лицом к монастырским церквам. И я, и исповедники стояли на коленях. Стояние на ногах и хождение по острову нам не позволяли из осторожности. Трудно изобразить словами пережитые чувства во время этой народной исповеди грехов. Все исповедовались на смерть. Ея витание над нами как-то особенно ощущалось. Исповедовавшиеся сказывали все грехи – и нынешние, и те, в которых приносили покаяние прежде. Давали обеты Господу Богу начать исправление жизни по заповедям Христа, если Богу будет угодно продление жизни. *Много было* слез исповедных, раскрытие грехов, часто самых потаенных, раньше на исповеди скрывавшихся, долетавшие до нас слова акафистныя: «Радуйся, изнемогающих от уныния и печали скорая Утешительнице; Радуйся, благодатию смирения и терпения снабдевающая;... Радуйся, в час недоумений мысль благу на сердце полагающая. Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным твоим покровом». Все это порождало какое-то особенное высокаторжественное настроение всего чистого и святого. Конечно, этот душевный подъем, вызванный рассказом о мученической кончине Иссык-кульских братий, не был продолжительным. Он окончился вместе с исповедью. Перед нами опять неведомая даль страшного будущего. Что-то будет с нами через час, вечером или завтра утром?

Я предложил отслужить ектинью о мученически скончавшихся монахах и всех погибших в эти дни русских людях. На ектиньи поминали всех оставшихся в монастыре и вдруг наш остров огласился «надгробными рыданиями»(...)

Вернулась разведочная партия о. Мелхисидека с захваченной с острова «дедушки» Кирилла Катилевского лодкой. В домик Катилевского проникал Алексей Стародубов и в выкопанную пещеру-молель-

ню, но так никого и не нашел. Домик же Кирилла оказался разграбленным, а лодка к немалому удивлению обоих разведчиков была тщательно спрятана в камышах на островке (...)

13 августа. Мы окончательно решили перебраться в Преображенское. Конечно, до поры до времени. Пока обстоятельства нам не позволят вновь вернуться в монастырь для обновления жизни. Ведь подобные переживания, как наши нынешние, очищают душу человека от привязанности к тлену и обращают ее к небу, идеже жизнь бесконечная.

Воспоминания жителей села Ананьево о преподобном Ираклии¹¹

«Приход у нас небольшой, – говорит отец Виктор, но и ныне живые те, кто видел святого при жизни: певчая Пелагея Ивановна Кривошеева, Наталья Мироновна Дубинина, Любовь Сергеевна Бочарникова. Старожилы села хорошо помнят невысокого седого старца, которого знали, будучи детьми. Наушаемые родителями, они почитали его при жизни и продолжают сохранять благоговейную память о нем по смерти, совершая совместно со священником сельской церкви молитвы на его могиле и заботливо оберегая ее.

В начале зимы 1928 года отец Натальи Мироновны Дубининой, Мирон Дубинин, ехал по горам верхом на лошади. Вдруг он услышал стон, человек стонет. Он поехал на звуки стоны и обнаружил келью, а в ней отца Ираклия. На нем была обветшалая разорванная одежда и надвинутая на глаза шапка. Мирон Дубинин понял, что перед ним монах (после разорения монастыря в горах скитались монахи). Мирон с трудом уговорил его поехать в село. Если бы не больная рука отца Ираклия, он не вернулся бы в мир. Воспаленная рука, в которую вошла большая заноза, не давала покоя. Мирон собрал в узелок вещи, книги, посадил батюшку и привез к себе домой. Натопили баню, за ночь жена Мирона сшила батюшке Ираклию новую одежду из холста, а наутро отвезли к фельдшеру. Фельдшер вынул занозу.

В саду была кухня, как сарайчик, эту кухню отремонтировали, обрза повесили, поставили столик, кровать, и отец Ираклий стал в ней жить. На кровать не ложился. Стоит в святом углу, молится, потом сядет на лавку, подремлет немного, и непонятно – спал или молился сидя, соскочит и опять молится. Отец Ираклий ночью придет, разбудит: «Мирон Николаевич, вставайте, молитву надо выслушать». Мирон вставал и молился.

---

¹¹ «Смирненных возвышает Господь...» // *Православный мир: епархиальная ежемесечная газета. – Бишкек, 2002. – №1. – С.3.*

В 1929 году стали раскулачивать, обыски делать, Мирон, боясь ареста, проводил отца Ираклия к двоюродному брату Андрею Дубинину. Мирона за то, что он не вступал в колхоз, посадили в тюрьму, и из тюрьмы он уже не вернулся. За домом у Андрея стояла деревянная избушка, и батюшка в ней поселился. В семье было девять детей. С утра до вечера родители работали в поле. Дети постучат в дверь батюшкиной кельи: «Дедушка, мы кушать хотим». «Сейчас, детки, сейчас, обождите, молитву закончу», – отвечал старец из кельи. Покармит детей, уберет и снова в келье затворяется. Если батюшка что говорит, то духовное для назидания, ни слова праздного не проронит. Не долго прожил отец Ираклий у Андрея. Вскоре стали терзать и Андрея за то, что он в колхоз не вступил, и посадили на 10 лет.

Вот и пришел отец Ираклий в семью Бочарниковых. «Жили мы очень бедно. Изба была у нас ветхая, в ней одна комната и печь, на которой мы спали. В комнате и жили, и пимы (валенки) катали, – рассказывает баба Люба. – Отцу батюшка сказал, что ему Господь указал на наш дом, вот он и пришел. Отец хотел келью батюшке строить, да он не дал согласия. У нас заком был, из досок сколоченный, в котором дверей даже не было, одна досточка отодвигалась и только боком можно было в эту щель пролезть. Вот в этом закоме и поселился отец Ираклий. Кроватью ему служил длинный стол, постелью – две дерюжки, из конопля свитые, – на одной спал, другой укрывался. Печку батюшка тоже не разрешил у себя ставить. Зимой, когда мама в избе печь топила, она собирала в ведро горячие угли и относила батюшке руки погреть. Это было все его обогревание.

Кушал с нами из одной чашки, сидел всегда в святом углу, и без него мы никогда за стол не садились. У него только и было время побеседовать с нами. И вот пока мы обедаем, он говорит о Боге, о святых рассказывает, о праздниках церковных. После трапезы он снова шел и вставал на молитву. Молился он день и ночь. Люди ехали к нему за советом из всех поселков. За строгую христианскую жизнь в селе нас не любили. Решили и нас раскулачить, забрали все, что в доме было, и последнюю овечку. Отца связали, увезли, но к вечеру отпустили. Батюшка пришел, посмотрел на нас, принес свои дерюжки, отдал нам, детям, укрыл ими и сказал: «Ну вот, ребяташки, ложитесь, спите. А мы посидим, завтра – что Бог пошлет, помогут люди». Утром и правда пришли родственники, односельчане и принесли нам всего понемногу.

В нашей округе оставалось два священника: Иерей Исаия (Горбунков) и архимандрит Геннадий (Лобачев). Отец Ираклий был духовно с ними близок. Архимандрит Геннадий, благочинный Иссык-кульского монастыря, во время бунта в 1916 году остался жив, так как в это время находился по хозяйственным делам в селе Тюп. Каждый церковный праздник отец Исаия и отец Геннадий собирались у нас дома, вели ду-

ховные беседы и пели духовные песни, да так, что стены дрожали. Отец Геннадий сказал, что все они в 1937 году пострадают Христа ради. Себе и отцу Исаии он предсказал мученическую смерть, отцу Ираклию сказал, что о тоже в 37 году отойдет ко Господу. Так и случилось. Отца Геннадия на Страстной неделе в Чистый Четверг арестовали, посадили в тюрьму г. Пржевальска, долго мучили, одели в длинную рубаху, на голову веревку (как терновый венец), вывели за ворота тюрьмы и расстреляли. Отец Исаия был арестован и посажен в тюрьму.

Отцу Ираклию было открыто, что он умрет на Вознесение Господне. И к этому сроку он просил сшить ему новый костюм из синего домотканого сукна. Батюшка сам расшил его крестами и сказал маме, как его хоронить, что положить с ним в могилу, и открыл ей, что он схиму принял. (...)

Память о схимонахе Ираклии, архимандрите Геннадии и иерее Исаии до сих пор жива в Иссык-кульской области. Их называют в нашей округе «три столпа Православия».

Я. Гритчин против епископа Ермогена

Об улучшении условий работы управления уполномоченного Совета по делам р/п церкви при Совете министров СССР по Киргизской ССР

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА¹²

Специфической особенностью в работе уполномоченных Совета, как Вы хорошо знаете, является непосредственное наблюдение за жизнью и деятельностью русской православной церкви, личное изучение внутренних процессов развития и связи религиозно-христианских общин, жизни и деятельности правящего епископа, его епархиального управления, окружных благочинных и приходского духовенства на местах.

Только при этом непрременном условии, я буду хорошо знать интересующие нас процессы в сфере деятельности русской православной церкви, внутри религиозных общин и церковников, в среде духовенства, в их конкретных связях с населением и в деле влияния на него; буду знать динамику развития всей ее системы. Только в этом случае я смогу правильно и наиболее своевременно информировать ЦК КП Киргизии, правительство республики и Совет по делам русской православной церкви при Совете министров Союза ССР.

Вы хорошо знаете также, что религиозные общины, их церкви и молитвенные дома в нашей республике территориально расположены

¹² ЦГА КР. – Ф. – 1631. – Оп. 2. – Д.41. – С.20-23. Документ датирован 22 августа 1956 года.

так, что далеко не во все из них можно своевременно попасть, пользуясь железнодорожным или автобусным транспортом. Сам же характер работы требует, чтобы, почти во всех случаях, я мог прибыть в любой приход именно вовремя, когда и как это требует само дело, а не тогда, когда на месте уже нечего делать.

Кроме того, по роду своей работы, мне приходится иметь дело с правящим епископом, благочинным, приходским духовенством, церковными Советами и с массами религиозных людей, которым трудно понять: почему я, представитель Правительства республики, в любое время и в любую погоду, прихожу к ним пешком, иногда с багажом в руках. Из этого они по-своему делают вывод о важности выполняемой мной работы, в особенности при первой встрече. Такое же обстоятельство иногда создается у меня и в самой приемной. Известно, что в условиях специфики нашей работы, большую роль играет и вся та обстановка, в которой приходится принимать представителей религиозных групп и общин, приходское духовенство, благочинных и, в особенности, самого правящего архиепископа. Надо сказать, что приемная епископа Ермогена, где он принимает посетителей от своего имени, обставлена во много раз богаче, чем приемная уполномоченного, в которой я принимаю посетителей от имени Правительства республики. Если вся приемная епископа устлана богатыми коврами и обставлена такой же богатой мебелью, с богатыми художественными картинами на стенах, то в нашей правительственной приемной голые полы, нет не только картин, но нет даже портретов руководителей Коммунистической партии и правительства Союза ССР, нет даже таких крайне необходимых предметов, как несгораемый сейф и т.д. Все это иногда ставит меня, как представителя правительства республики, перед этой публикой, мягко выражаясь, в неудобное положение, особенно перед правящим епископом, имеющим и прекрасную приемную, и чудесные автомашины «ЗИМ». Даже его благочинные в округах имеют в своем распоряжении совершенно новые автомашины «Победа». И когда он, правящий епископ, будучи у меня на приеме просит меня проехать с ним в один из приходов, мне приходится отказываться от этого «любезного» приглашения «особой занятостью», хотя для более тщательного изучения этого человека, иногда мне и следовало бы съездить с ним в два-три прихода. Однако, сделать это я не могу, т.к. ехать в одной из его автомашин нельзя, заставляя меня ждать его в назначенном приходе, пока я доберусь туда на автобусе, не этично, а в моем распоряжении никакой автомашины нет, и взять ее негде. Но в то же время отказываться каждый раз «особой занятостью» тоже не совсем удобно, даже не политично.

В нашем аппарате, по штатному расписанию последних лет, нет ни охранника, ни уборщицы, обойтись без которых совершенно невоз-

можно. Отсутствие охранника вынуждает нас хранить сов. секретные и секретные дела в Особом секторе Совета министров Киргизской ССР, это затрудняет не только его, но и, главным образом, нашу работу: вынуждает нас ходить в Совет Министров иногда по несколько раз в день. Бывали случаи, когда возникала такая необходимость (просмотреть тот или иной секретный документ) при визите кого-нибудь из духовенства. В этом случае создавалось крайне затруднительное положение, так как уходить из управления, не решив поставленных посетителями вопросов и заставляя их сидеть и ждать моего возвращения из Совета Министров или просить их зайти ко мне в другое время (особенно приезжих из районов), в практике нашей работы, совершенно недопустимо.

Держать же в управлении секретные и совершенно секретные дела в обычном ящике, без сторожевой охраны, как Вам известно, запрещено законом.

Нельзя также обойтись и без уборщицы, так как в этом случае на столах, шкафах, стульях и на деловых бумагах (в особенности летом) будет слой пыли, на полах (особенно зимой), будет неубранная грязь, печки протапливаться не будут, в комнатах будет холодно и принимать посетителей будет совершенно невозможно. У нас в Управлении и оборудование и обстановка, и температура воздуха, и чистота помещений все должно быть образцово-идеальным, все должно отвечать специфическому характеру нашей работы.

Исходя из этого и в целях создания нормальных условий работы нашего управления, я убедительно прошу Вас:

1. Решить вопрос обеспечения нашего управления автотранспортом, хотя бы на случай выездов в районы, для чего выделить из фонда республики одну автомашину «ГАЗ-69) или «Победу» и в наше штатное расписание ввести постоянную единицу шофера легковой автомашины, увеличить соответственно наш фонд заработной платы, или все это провести по управлению делами Совета Министров Киргизской ССР с тем, чтобы в необходимых случаях беспрепятственно пользоваться этой автомашиной.
2. Выделить из резерва Совета Министров в текущем 1956 году 3.5 тысячи рублей на приобретение несгораемого сейфа для хранения секретных, совершенно-секретных дел и особых документов для внутреннего служебного пользования, двух портретов руководителей Коммунистической партии и Правительства Союза ССР.
3. Поручить Госплану Совета Министров Киргизской ССР предусмотреть в народнохозяйственном плане 1957 года 15000 рублей по нашему управлению для замены и нового пополнения внутренней обстановки и оборудования служебных помещений.

4. Выделить из общего контингента республики и ввести в штатное расписание нашего управления дополнительные две штатные единицы: одного ночного сторожа и одну постоянную уборщицу, увеличив соответственно наш фонд заработной платы и смету расходов.
5. Поручить Исполкому Фрунзенского Городского Совета Депутатов трудящихся выделить в одной из Новостроек, в пределах Свердловского района г. Фрунзе соответствующего помещения из двух комнат, общей площадью 35-40 кв. м. с отдельным входом с малолюдной улицы.

Все это позволит создать минимальные условия, соответствующие характеру нашей работы и обеспечит в ней необходимый успех.

Уполномоченный Совета
По Киргизской ССР

/Я. Гритчин/

Председателю Совета по делам русской православной церкви при Совмине СССР

Карпову Г. Г.¹³

... В республике принимаются меры к сдерживанию активизации церковников, разворачивается научно-атеистическая пропаганда и агитация...

но одной из серьезных причин вспышки активизации церковников является непомерная активность и незаконная деятельность самого правящего архиепископа Ермогена, граничащая с враждебным отношением к Советскому государству. Поставить на свое место зарвавшегося архиерея безусловно надо. Но сделать это, по нашему мнению, сподручнее Вашему Совету... доклад и специальное донесение тов. Гритчина, характеризующее отрицательно деятельность правящего архиерея Ташкентской и Среднеазиатской епархии Голубева Ермогена Степановича на территории Киргизской ССР Вам посланы. По нашему мнению его лучше всего бы убрать из Ташкента и на его место допустить более лояльного человека, вполне понимающего положение русской православной церкви и свое личное место в настоящее место в нашей стране.

Зам. председателя
Совета Министров Кир. ССР

Мамбеталиев М.

---

¹³ ЦГА КР. – Ф.1631. – Оп.2. – Д.46. – С. 17. Документ датируется 1959 г.

ЦК КП Киргизии

Отдел пропаганды и агитации

Справка¹⁴

О нарушениях законов Советского государства, относящихся к русской православной церкви, в Киргизских ССР.

Нарушения законов Советского Государства, относящихся к русской православной церкви в нашей республики носят редкий одиночный характер и, главным образом, со стороны церковников.

1. Молодой священник Б. И. Злотолинский, назначенный архиепископом Ермогеном в качестве настоятеля молитвенного дома в г. Таласе, по приезде на место назначения, занялся «обработкой» детей школьного возраста. Знакомясь с целой группой детей и одаривая их конфетами и деньгами, он заманивал их к себе домой и там заставлял их петь молитвы.

Узнав об этом, я выехал в Талас и там, проверив и установив факт такого нарушения, потребовал от Злотолинского прекратить обработку детей. Тогда же, вместе с Таласским Горкомом КП Киргизии мы провели совещание пропагандистов и др. атеистических работников об усилении атеистической пропаганды и агитации в городе и условились, что если Злотолинский повторит нарушение, то он будет снят с учета. Но нарушений больше не было и вопрос был исчерпан.

2. Известный уже Вам священник Касперский (ранее осужденный советским судом на 25 лет тюремного заключения), назначенный архиепископом Ермогеном в г. Джалал-Абад в качестве настоятеля молитвенного дома религиозной общины, прибыв на место нового назначения и не получив от нас положенного документа на право совершения церковных служб, явочным порядком начал богослужения в молитвенном доме и исполнение треб на дому верующих.

Узнав об этом и, принимая во внимание судимость Касперского за прямую измену Родине, я отказал ему в регистрации, потребовал от еп. Ермогена убрать Касперского из республики. И, как Вы знаете, после долгих отговорок и отсрочек епископ выполнил это требование: забрал его к себе.

3. Совсем недавно архиепископ Ермоген, образовал вместо одного существующего благочиния с центром в г. Фрунзе – три благочиния

---

¹⁴ ЦГА КР. – Ф.1631. – Оп.2. – Д.47. – С.18-21. Документ датируется 1960 г.

с центрами в г.г. Фрунзе, Джалал-Абад и в Пржевальске, назначив благочинным последнего священника Белякова И.А., который, не получив от нас правового документа, явочным порядком приступил к исполнению благочиннических обязанностей.

Ввиду этого Беляков вызывается к нам в управление и ему будет предложено немедленно прекратить благочинническую деятельность, в первую очередь разъезды по приходам и предупрежден, что в противном случае он будет снят с регистрации.

4. Есть в г. Фрунзе некто Гончаров А.М., проживающий по ул. Кирпичной, дом № 61 (бывший обновленческий священник, не принятый архиепископом в свой клир), который, как я уже Вам ранее докладывал, собирает молящихся у себя в доме и совершает церковные службы, не имея на это никакого права.

Но дело в том, что у нас нет возможности привлечь его к судебной ответственности, т.к. в наших советских законах нет такой статьи. Нет ее и в проекте будущего уголовного кодекса Киргизской ССР. И Гончаров, пользуясь этим, не закрывает свой вредный кустарный промысел.

Наоборот, в ст. 90 проекта УК полагается наказание за «воспрепятствование совершению религиозных обрядов».

5. Основным нарушителем советских законов, относящихся к русской православной церкви является сам правящий архиепископ Ермоген, о чем я Вам уже докладывал. Основные его нарушения законов заключаются в том, что он:
  1. Только ему известными путями разыскал и собрал под свое покровительство порядочную группу отъявленных антисоветских мерзавцев, наказанных советским судом за тяжчайшие преступления перед Родиной и стремился рассредоточить их в самых больших приходах, создавая им такие условия паразитической жизни, о которых они едва ли могли и мечтать. (Минаев в Кок-Янгаке, Масютенко в Сокулукке, Касперский в Джалал-Абаде, Овсянников в /немецкой ставленник в Харькове, хотя и не судим/ во Фрунзе, Павлов в Ключевке и т.д.) и всеми доступными ему средствами охранял их благополучие.
  2. Под видом ремонта, обманным путем, соорудил в Ташкенте новый кафедральный собор, официальной стоимостью в 5.5 мил. руб. сколько он стоит ему фактически – сказать очень трудно;
  3. В течение длительного времени укрывал от обложения колоссальные суммы доходов от свечного завода.
  4. Образовал специальный, так называемый, «епархиальный фонд», куда все время стягивает в виде всяких очередных, внеочередных, единовременных и специальных взносов огромные суммы, превратив этот фонд в своего рода кассу вза-

имопомощи или, точнее, во внутрицерковный банк, финансирующий все его законные и незаконные «мероприятия» по оказанию материальной помощи подвластным христианским общинам, спасая некоторые из них от естественного распада. Из этого же фонда он выдает угодным ему служителям культа доплату к патриаршей пенсии, которая часто бывает в два раза выше основной, выдает духовенству единовременные пособия, покупает дорогие подарки и дарит их церквам и тому духовенству, которое всеми силами поддерживает его и создает ему славу в «народе». Других случаев нарушения советских законов церковниками я не знаю.

Незарегистрированных действующих церквей и молитвенных домов и общин русской православной церкви, а также случаев самовольного строительства молитвенных зданий на территории Киргизской ССР в течении последних 8-7 лет не было и нет...

Уполномоченный Совета
По Киргизской ССР

/Я. Гритчин/

Епископ Ермоген

О нарушениях законности¹⁵

... За истекший год незаконных и самочинных явлений по церковной линии, контролируемой мною как правящим Архиереем, не было. По линии же, контролируемой уполномоченными Совета по делам Церкви, незаконные явления имели место. Я разумею упоминаемых ВАШИМ СВЯТЕЙШЕСТВОМ «подозрительных лиц, именующих себя священниками и кощунственно совершающих церковные требы в домах легковерных верующих». Такие лица, не имеющие полномочия от Архиерея и регистрационной справки от Уполномоченного, как это ни странно, находились, а отчасти находятся и до сего времени, в более привилегированном положении, чем наше духовенство, назначаемое епископом и имеющее регистрационную справку от Уполномоченного...

В Киргизской ССР тоже долгое время орудовали разные проходимцы, о чем неоднократно ставился в известность Уполномоченный, но с его стороны не принималось никаких мер...

---

¹⁵ ЦГА КР – Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 45. – С. 24-25. Машинописная копия официального письма, адресованного Святейшему Патриарху Алексию. Название дано при публикации. Хранится в делах Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви за 1959 год. Публикуется с сокращениями.

В связи со всем этим у меня создалось определенное впечатление, что эти противозаконные действия иногда могли допускаться в интересах антирелигиозной пропаганды, которая ведется в очень многих случаях грубо и неправильно в полном противоречии в известным Постановлением ЦК КПСС от 14 ноября 1954 года...

Выписка из записи беседы¹⁶

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР Г.Г. КАРПОВА С АРХИЕПИСКОПОМ ТАШКЕНТСКИМ И СРЕДНЕАЗИАТСКИМ ЕРМОГЕНОМ 28 НОЯБРЯ 1959 ГОДА

2. Уполномоченный Совета по Киргизской республике т. Гритчин, заявил архиепископ Ермоген, – не дает согласия на регистрацию третьего благочинного, мотивируя тем, что для Киргизии на 32 прихода достаточно двух благочинных.

Тов. Карпов сказал, что установление штата благочинных является делом епархии, а не уполномоченного.

5. Архиепископ Ермоген сказал, что уполномоченный Совета по Киргизской республике т. Гритчин, не дает согласия на регистрацию многих священников, которые мной переводятся из других приходов, или назначаются вновь и не дает объяснения мотивов, по которым он отказывает в регистрации. Например, мне не известно, почему отказано в регистрации протоиерею Филипповичу в г. Фрунзе.

Товарищ Карпов ответил, что расстановкой кадров духовенства Уполномоченный не занимается – это Ваше дело. В отношении отказа в регистрации прот. Филипповичу Совет проверит.

6. Архиепископ Ермоген заявил, хорошо бы иметь четкие указания о правах Уполномоченного и его взаимоотношениях с архиереем. А то в практике получается так, что уполномоченный снимает духовенство с регистрации и не дает объяснений, почему он это делает.

Тов. Карпов сказал, что Советом по этому вопросу дается инструктивные указания всем уполномоченным Совета.

Верно

/Недведь/

---

¹⁶ ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. Д. 46. – С. 73-74. Документ датирован 22 октября 1959 г.

О приходах Ошской области¹⁷

ЦК КП Киргизии
отдел пропаганды и агитации
Тов. Исмаилову

*от члена бригады ЦК КП Киргизии
по вопросам научно-атеистической
работы в ошской области ГРИТЧИНА*

КРАТКАЯ ИНФОРМЗАПИСКА

При ознакомлении с состоянием отдельных приходов русской православной церкви на территории ошской области установлено:

1. В результате значительного оживления научно-атеистической работы в области, среди духовенства, церковных дельцов и внутри самих религиозных общин русской православной церкви наблюдается заметная растерянность, вызванная также целым рядом умелых разоблачений алчных и корыстолюбивых священников и др. церковных дельцов... Это оказало серьезное влияние и на посещаемость церковных служб верующими...
2. Отдельные приходы р/п церкви, такие как в Михайловке и Ильичевке, находятся в состоянии, близком к распаду, если в этих селах усилить научно-атеистическую работу, избегая методов администрирования, не только путем лекций и бесед с верующими при большом стечении людей, но и путем упорной и кропотливой работы с отдельными людьми..., то эти общины можно в ближайшее время довести до их логического конца.
3. Все указанные факты далеко еще не дают основания для какого-то успокоения достигнутым. Еще немало людей, путающихся в сетях религиозных предрассудков, еще очень большую, не сеянную жатву собирают духовенство и др. церковные дельцы с «пасомых словесных овец». Только за 9 м. текущего года только в одной церкви в г. Оше собраны (учтенного) дохода 133091 рубль. Это позволяет им расходовать немалые средства на содержание штата (причта), хора и т.д. за 9 мес. текущего года по этим статьям эта община израсходовала соответственно: 32817 + 128989=161806 р. Это только учтенные доходы и расходы. А сколько они еще собрали за исполнение так называемых «треб» и приношений лично духовенству – сказать трудно. Еще очень дорогой ценой расплачиваются верующие за свое невежество и религиозные предрассудки.

---

¹⁷ ЦГА КР. – Ф. 1631. – Оп. 2. Д. 47. – С. 16.

Два дня мне пришлось потратить на то, чтобы ошская религиозная община, в лице ее выборных органов сама решила «просить исполком ошского городского Совета депутатов трудящихся помочь ей перенести свои богослужения из ныне действующей церкви, находящейся в самом центре города, рядом с Домом культуры, вблизи к Обкому и Горкому КП Киргизии, в другое место, соответствующее этому назначению. Этот вопрос выдвигается руководством ГК КП Киргизии, Исполкома Горсовета и работниками Обкома партии. Я также считаю, что такая постановка верна и надо сделать все, чтобы эта церковь не мешала культурному центру города...

Архиепископ Ермоген (Голубев)

Отрывки из биографии¹⁸

Высокопреосвященный архиепископ Ермоген (в миру Алексей Степанович Голубев) родился 3 марта 1896 года в городе Киеве в семье профессора Киевской Духовной Академии и Киевского Университета, доктора церковной истории С.Т. Голубева... В 1921 году, в праздник Успения Божией Матери, иеродьякон Ермоген Святейшим Патриархом Тихоном был рукоположен в сан иеромонаха, а в 1923 году был удостоен сана архимандрита. В этом же году архимандрит Ермоген был привлечен к уголовной ответственности и был выслан на два года из Киева.

В 1926 году архимандрит Ермоген, по возвращении в обитель, был избран братией настоятелем Лавры... В 1931 году будущий архипастырь был арестован и судим за контрреволюционную деятельность (за «создание подпольной организации ставившей целью свержение советской власти»). Вероятно, срок заключения архимандрита Ермогена длился до 1945 года, ибо никаких сведений о его деятельности в этот период нет...

1 марта 1953 года... архимандрит Ермоген был рукоположен во епископа на Ташкентскую кафедру. ... В отчете в Москву ташкентский уполномоченный сообщал, что епископ Ермоген, получив отказы на строительство храмов, под видом ремонта фактически сумел построить несколько новых и развернул широкую благотворительную деятельность. Помимо управления своей обширной епархией, владыка Ермоген до 1958 года окормлял и соседнюю Алма-Атинскую епархию. В 1958 году владыка был возведен в сан архиепископа.

«...Именно здесь, в период хрущевских гонений на Церковь, служение Ермогена сделало его заметной фигурой в епископате РПЦ. Он

---

¹⁸ «Архиепископ Ермоген». – <http://tmn.fio.ru/works/25x/302/11-1.htm>.

упорядочил епархиальные финансы, помогал священникам, не боялся рукополагать и назначал на церковные должности людей, имевших судимость по ст. 58. Ему удалось не только избежать закрытия храмов, но и отремонтировать несколько церквей. Главным же делом стала перестройка Ташкентского кафедрального собора — одно из крупнейших церковных строителей послевоенного времени. Труды главы епархии были оценены патриархом: в 1958 г. Ермоген возведен в сан архиепископа. Но многочисленные доносы и жалобы, в том числе и из ЦК компартии Узбекистана, тон которых становился все резче и нетерпимее, возымели наконец свое действие, и 15 сентября 1960 г. патриархия под нажимом Совета по делам РПЦ вынуждена была отправить неугодного власти архиепископа за штат, определив местом пребывания Жировицкий Успенский монастырь...

В 1961 г., уже будучи в Жировицком Успенском монастыре, Ермоген написал письмо председателю Совета по делам РПЦ В. Куроедову, где на законных основаниях потребовал своей «реабилитации». А в 1962 г., обобщив собственный опыт и собрав случаи незаконных притеснений верующих со стороны местной администрации в других епархиях, Ермоген направил пространное письмо Хрущеву, в котором отверг огульные обвинения духовенства в нарушении религиозного законодательства. Более того, он обратил внимание главы государства на то, что представители администрации гораздо чаще, нежели духовенство, вступают в противоречие с законом, и указал, какие именно положения законодательства и постановлений партии и государства нарушаются. После необходимых реверансов перед властью он привел длинный список вопиющих нарушений уполномоченными Совета по делам РПЦ законов, который, по сути, разворачивался в картину повсеместного административного произвола. Причина «ненормальной» ситуации, по мысли Ермогена, коренилась в отсутствии инструкции, регулирующей взаимоотношения уполномоченных с архиереями и религиозными объединениями. «Такая инструкция для служебного пользования уполномоченных, архиереев и религиозных объединений крайне необходима, — писал Ермоген, — и отсутствие ее создает богатую почву для административного усмотрения уполномоченных, в результате чего один уполномоченный предъявляет одни требования, другой другие; один уполномоченный видит нарушение закона в том, в чем не усматривает его другой, и наоборот. И, как свидетельствуют факты, нарушение Советского законодательства о культурах именно со стороны уполномоченных стало нормой их деятельности».¹⁹

¹⁹ Н. Костенко, Г. Кузовкин, С. Лукашевский. — (Москва) — «Вред, нанесенный вами, надо исправить, стереть, изгладить!». — <http://www.memo.ru/library/books/korni/Chapter11.htm>.

13 июня 1962 года высокопреосвященный архиепископ Ермоген был назначен управляющим Омско-Тюменской епархией. По вступлении в должность и ознакомлении с делами в епархии, архиепископ Ермоген посетил Уполномоченного Совета. В личной беседе с ним владыка сообщил, что в вверенной ему епархии много беспорядков, но он приложит все силы, чтобы в рамках законодательства о культах упорядочить все дела. Также архипастырь выразил своё несогласие с существующей практикой контроля за деятельностью духовенства и Церкви в целом. Особое его возмущение вызывало то, что священнослужителям во всех вопросах приходилось зависеть от уполномоченного. (Доходило до того, что без разрешения уполномоченного заштатный клирик не имел права надеть в храме облачения, не говоря уже о совершении им богослужения, – прим. автора). Владыка Ермоген заявил, что он не за дух закона о религиозных культах (т.е. не за содержание, которое можно толковать по-разному), а за букву (т.е. за прямой смысл толкования, толковать как написано) и что нужно добиться, чтобы декреты В.И. Ленина выполнялись неукоснительно. Нужно отметить, что архиепископ Ермоген специально изучил сочинения классиков марксизма и ленинизма по вопросу религии и постоянно ссылался на них, тем самым показывая, как противоречит окружающая действительность их содержанию.

Владыка сообщил уполномоченному, что он написал на имя Председателя Совета Министров СССР товарища Н.С. Хрущева обстоятельную докладную записку, в которой сообщил все положения советского законодательства, с которыми не имел согласия. Вот как описывал эту беседу и свои первые впечатления об архипастыре уполномоченный Совета И. Бутюгов в отчете в Москву: «... Из текста своей докладной записки он цитировал места явно односторонне освещающие вопрос отделения церкви от государства. В конечном итоге он договорился до того, что надо очень серьёзно посмотреть, кто проводит партийную линию в вопросе контроля деятельности русской православной церкви и нет ли тут вредительства. На протяжении всей беседы он подтасовывал те положения, которые были выгодны в деле укрепления позиций русской православной церкви. Привел он также цитату из статьи в журнале «Коммунист» № 5 за 1962 г. Философские заветы В.И. Ленина. Из бесед с архиепископом я пришёл к выводу, что он один из тех иерархов, который ведёт наступательную политику, он теоретически подготовлен, это «опытный волк», который знает, на какую педаль нажать в любом вопросе укрепления позиций православной церкви, он далек от безоговорочного выполнения установленных положений о культах, он явно реакционен»...

29 мая 1963 года последовало Синодальное распоряжение, по которому архиепископ Омский Ермоген переводился в Калужскую и Бо-

ровскую епархию. Летом 1965 года архиепископ Ермоген составил проект петиции на имя Патриарха, в которой выразил своё несогласие с решениями Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 18 июля 1961 года, касающимися реформы приходского управления. Владыка Ермоген предложил внести в устав некоторые поправки, в частности ввести настоятелей в состав Приходского совета в качестве председателей. Архипастырь считал, что настоятель храма не должен оставаться посторонним наблюдателем, а быть активным участником как в духовной, так и в хозяйственной жизни своего прихода...

Результатом этой смелой попытки было увольнение архиепископа Калужского Ермогена на покой (25.11.1965 г.). Ему было определено жить на покое в числе братии Жировицкого монастыря, с правом служения в нем, и находиться в ведении епископа Минского и Белорусского... Вскоре после этого архиепископ Ермоген был вызван в Синод, который, после длительных бесед с архипастырем, своим постановлением от 30 июля 1968 года признал его деятельность «неполезной для Церкви» и осудил её особым определением.

На покое владыка Ермоген вел жизнь настоящего монаха. Его скоропостижная кончина (от сердечного приступа) последовала спустя 13 лет после увольнения в монастырь, в день Благовещения Божией Матери 1978 года.

Библиография

Научная литература

- Абдылдаев М.* Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек: Илим, 1991.
- Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. – М: Политиздат, 1991.
- Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Соч. – Т. 2. – Ч 2. – М., 1964.
- Бессонов М.* Православие в наши дни. – М.: Политиздат, 1990.
- Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И. и Проскурин В.Н.* К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (XIX-XX вв.). – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 5-46.
- Варичев Е.С.* Православная церковь: История и социальная сущность. – М.: Сов. Россия, 1982.
- Вишняков С.И.* Доходить до каждого верующего. – Ф.: Кыргызстан, 1966.
- Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В.* История Киргизско-русских отношений. – Бишкек, 2000.
- Вошинин В.* Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. – СПб., 1914.
- Галицкий В.Я.* История города Пишпека: Досоветский период. 1878-1917. – Ф.: Илим, 1980.
- Галицкий В.Я., Плоских В.В.* Старинный Ош. – Ф.: Илим, 1987.
- Гиляровский А.* Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. – М., 1894.
- Гордиенко Н.С.* Современное русское православие. – Л.: Лениздат, 1987.
- Горячева В.Д., Озмитель Е.Е.* Из истории православия в Киргизии (имперский период) // Труды Института Мировой Культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в Евразийском пространстве. – Бишкек.: Илим – Лейпциг, 2000. – С. 67-76.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент, 1994. – С.90-98.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Христианские памятники Кыргызстана // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.). – Ташкент, 1998. – С. 87-100.
- Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-ая пол. XIX - XX в.). – М.: Наука, 1969.
- Дресвянская Г.И.* «Овальный» дом христианской общины в Старом Мерве. – Труды ЮТАКЕ – Т. XV. – Ашхабад: Фылым, 1974. – С. 151-181.

Дьячков П.А. Озеро Иссык-куль и его северный берег. (Из поездки в 1897 году) // Известия Туркестанского Отделения Русского Географического Общества. – Т. 1. – Вып. 1. – Ташкент, 1898. – С. 1-14.

Елгин Ю.А. Православное церковное зодчество юга Казахстана (XIX-XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 47-61.

Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века. // Хабарлары: Известия министерства образования и науки республики Казахстан, НАН республики Казахстан. – Алматы: НИЦ Ғылым, 2002. - № 1 (236) январь-февраль. – С.296-307.

Жоробеков Ж. Религиозная политика Кыргызстана в транзитный период // Труды института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек: Илим – Лейпциг, 2000. – С. 49-51.

Иванова И.И. Культурологические аспекты восполнения христианства в условиях современного Кыргызстана // Труды института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек: Илим – Лейпциг, 2000. – С. 76-80.

Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент: Узбекистон, 1994.

История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. – В 5 т. – Ф.: Кыргызстан. – Т.1, 1984; Т.2, 1986; Т.3, 1986.

Кандидов Б. Церковь и Февральская революция. Классовая позиция православной церкви в период февраль – август 1917 г.: Материалы и очерки., М., ОГИЗ-ГАИЗ, 1934.

Каретникова О.Р. Благотворительная и общественно-просветительская деятельность служителей православной церкви в Туркестане // К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX в.в.). – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 147-162.

Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М., 1995.

Клочков В.В. Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М.: Политиздат, 1982.

Кляшторный С.Г., Мокрынин В.П., Плоских В.М. Раннее христианство и тюркский мир в Центральной Азии // Труды Института Мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек: Илим. – Лейпциг, 2000. – С. 60-65.

Кольченко В.А. Заметки о христианстве в Чуйской долине в средние века / / Коомдук илимдер журналга. – Бишкек: Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», 2002. – С. 163-182.

Литвинов П.П. Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865-1917). (По архивным материалам): Автореферат дис. ... д-а ист. наук. – М., 1998.

Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (По архивным делам). – Елец: ЕГПИ, 1998.

- Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX-начало XX вв.). – Елец: ЕГПИ, 1996.
- Литвинов П.П.* От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средне Азии (конец XIX- начало XX вв.) (По архивным материалам) // Собор (альманах по религиоведению). – Вып.1. – Елец: ЕГПИ, 1999. – С. 131-151.
- Мазуренко Е.А.* Эволюция русского православия в условиях Средней Азии: Дисс. ...канд. филос. наук. – Ташкент, 1990.
- Никитин А.Б.* Христианство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. – М.: Наука, 1992. – С.533-549.
- Никитин А.Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История, культура, связи. – М.: Наука, 1984. – С. 121-138.
- Озмитель Е.Е.* Православные епархии на территории Киргизии (дореволюционный период) // Русские в Кыргызстане: Научно-исследовательские статьи и материалы. – Б.: КРСУ, 2002. – С. 183-207.
- Озмитель Е.Е.* Возрождение Православия в Киргизии. Современность // Сборник научных трудов. – МНО Кыргызстана, Институт Гуманитарных Знаний. – Б.: Илим, 2002. – С. 83-91.
- Озмитель Е.Е.* Церковный приход в системе государственного администрирования. 1910-1916 г.
- Плаксин Р.Ю.* Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. – Л.: Лениздат, 1987.
- Плоских В.М.* Русские в Кыргызстане как объект исторического и этнографического исследования // Русские в Кыргызстане: Научно-исследовательские статьи и материалы. – Бишкек: КРСУ, 2002. – С. 3 – 7.
- Плоских С.В.* Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории). – Бишкек: Илим, 2002.
- Правда о религии: Сб. статей. – Ф.: Киргосиздат, 1960.
- Русская Православная Церковь в советское время. В 2 т. – М., 1995.
- Русское православие. Вехи истории. – М.: Изд-во полит. лит., 1989.
- Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю. – СП б, 1873.
- Табышалиева А.* Вера в Туркестане. (Очерк истории религий Средней Азии и Казахстана). – Бишкек, 1993.
- Усубалиев Т.У.* Фрунзе - столица Советского Киргизстана. – М., 1971.
- Федосеев П. И. В.* Сталин о религии и борьбе с нею. – М., Воениздат, 1940.
- Ярков А.* Белорусы в Кыргызстане. Путь духовного возрождения. – Бишкек: Пропеллер, 2001.
- Ярков А., Галицкий В.* О православной культуре в дореволюционном Кыргызстане // Слово Жизни от 31 мая 1996.
- Ярков А.* Христианство в Центральной Азии: поиск своего места // Центральная Азия и культура мира. – 1999. - № 1 (7). – С.61-65.

Wassilios Klein. Das Nestorianische Christentum An Den Handelswegen Durch Kyrgyzstan Bis Zum 14 Jh. Silk Road Studies III/ - Turnhout (Belgien): Brepols, 2000.

Wassilios Klein. Nestorianische Inschriften in Kyrgyzstan: Ein Situationsbericht // *Orientalia Christiana Analecta.* 256. Symposium Syriacum VII/ - Roma, 1998. - S. 661-669.

Litvinsky B. A. The decline of Parthia / History of civilization of Central Asia V. II. - 1994, pp. 473-484.

Справочная литература, монографии и периодика православных издательств:

Библия. – М.: Российское библейское общество, 1994.

Булгаковский Д. Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб., 1896.

Веди: Православная газета. - Алматы, 1997-2001.

Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. ...А друзей искать на востоке (Православие и Ислам: противостояние или содружество?) – Ташкент, 2000.

Владимир (Иким). Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. – М.: Совершенно секретно, 2000.

Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Слово в день памяти Святого Апостола Фомы: Об истории христианства в Средней Азии / / Слово Жизни. – 1993. – №№ 103-104.

Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2002.

Владимир, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Панагия на Георгиевской ленте. Житие священноисповедника схиархиепископа Антония (князя Абашидзе) // Восток свыше: Духовное и литературно-историческое издание. – Вып. 4. – Ташкент: Изд.-во , 2003. – С. 5-24.

Гиляровский А. Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. – М., 1894.

Гордун С. (священник) Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1979 год // Журнал Московской Патриархии. – 1993. - №1. – С. 42-45

Дамаскин, Дмитрий. Заметки об основании монастыря в Иссык-кульском уезде в долине Куршенты // Туркестанские ведомости. – 1881. - №28.

Дамаскин (Орловский) иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – В 2 т. – Т.2. – Тверь: Булат, 1996.

Дебольский Г. С. (протоиерей). Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Репринтное издание. – М.: Отчий дом, 1994.

Жития святых на русском языке изложенные по руководству четьих-миней Св. Димитрия Ростовского. – В 12 т. / Репринтное издание. – М.: Православная книга, 1991.

Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола, с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. – В 3 т. – Казань, 1900-1901.

Иоанн (Снычев), митрополит С-Петербургский и Ладожский. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. – Сортавала: Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993.

О жизни архиепископа Луки //Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Дух, душа и тело. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997.

Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. / Репринтное изд-е. – СПб.: Воскресение, 1994.

Православный энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Сойкина, 1912.

Православная энциклопедия. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1999.

Слово жизни: Еженедельник Ташкентско-среднеазиатской епархии. – Ташкент, 1993-2002.

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 // История Русской Церкви. – Т. 8. Ч. II. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

Среднеазиатской епархии 125 лет // Журнал Московской Патриархии русской Православной Церкви. – Специальный выпуск. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1997.

Туркестанские епархиальные ведомости. – Верный, 1906-1917.

Туркестанский церковный вестник. – Ташкент, 1917-1918.

Туркестанские епархиальные ведомости. – Ташкент, 19017.

Ходаковская О. Неизвестная фотография преподобного Серафима Аксайского // Веди: Православная газета. – Алматы, 1999. - №3-4. – С.8-9.

Ходаковская О. Литургия верных (жизнь и страдания епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова) // Свет Православия в Казахстане. – Алматы: Изд-е Алматинско-семипалатинской епархии, 1996. - №7(36), №8(37).

Цыпин В. История Русской Церкви. 1917-1997 // История Русской Церкви. – Т. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. – Верный, 1902.

Архиепископ Ермоген.» <http://tmn.fio.ru/works/25x/302/11-1.htm>

Епархиальное собрание. <http://www.svet.orthodoxy.ru/lk6200/lk607.htm>

Краткий очерк истории христианской церкви в Центральной Азии. <http://www.inform.kg/sait/1-3.htm>

Семиреченский мартиролог. <http://www.svet.orthodoxy.ru/>

Ташкентская епархия. <http://www.krotov.org/link/eparhii/tashkent.html>

Ташкентское и Среднеазиатское Епархиальное упр-е. <http://www.pms.orthodoxy.ru/uz/>

Храм Святой Троицы. <http://www.issyk-kul.kg/karakol/church>.

Источники

Архивные материалы

- ЦГА КР. Ф. 21. - Оп. 18. - Д. 17. Конституция Киргизской АССР...
- ЦГА КР. Ф. 25. - Оп. 1. - Д. 2. Переписка о постройке гарнизонной церкви в г. Оше.
- ЦГА КР. Ф. 72, оп 15. - Д. 1 Протокол заседания членов Совета...уставы Николаевского религиозного общества.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 1. Указы консистории и распоряжения туркестанского епископа по вопросам культа, хозяйственным вопросам. Материалы о служителях культа.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 2. Дело Благочинного церквей Пишпекского округа
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 3. Царские указы, воззвания о пожертвованиях на строительство церквей...
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 4. Указы консистории по вопросам культа.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 5. Дело Благочинного церквей 3-его Пишпекского округа.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 7. Клировая ведомость Пишпекской Никольской.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 18. Клировая ведомость Серафимовской церкви.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 27. Клировая ведомость Походной церкви.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 33. Клировая ведомость Георгиевской церкви.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 35. Ведомости о церквях...
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 37. Переписка священников с благочинным церквей.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 38. Ведомость церковных библиотек.
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 53. Дело Благочинного церквей Пишпекского округа
- ЦГА КР. Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 54. Дело Благочинного церквей Пишпекского округа
- ЦГА КР. Ф. 73. - Оп. 1. - Д. 45. Михайло-Архангельская военная церковь.
- ЦГА КР. Ф. 74. - Оп. 1. - Д. 20. Отчет Градо-Пишпекской Серафимовской церкви за 1916 год.
- ЦГА КР. Ф. 74. - Оп. 2. - Д. 5. Протоколы общих приходских собраний
- ЦГА КР. Ф. 74. - Оп. 2. - Д. 6. Клировая ведомость Свято-Серафимовского храма г. Пишпек. за 1918 г.
- ЦГА КР. Ф. 74. - Оп. 2. - Д. 9. Клировая ведомость Серафимовской церкви г. Пишпек за 1921 год.
- ЦГА КР. Ф. 75. - Оп. 1 - Д. 45. Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря.
- ЦГА КР. Ф. 112. - Оп. 1. - Д. 2. Журналы заседаний церковно-общественного комитета.
- ЦГА КР. Ф. 112. - Оп. 1. - Д. 5. Съезд духовенства и мирян Пишпекского округа.
- ЦГА КР. Ф. 112. - Оп. 1. - Д. 7. Дело Благочинного церквей 1-го Пишпекского округа.

- ЦГА КР. Ф. 112. – Оп. 1. – Д. 14. Рапорты и переписка.
- ЦГА КР. Ф. 152. – Оп. 1. – Д. 1. Дмитриевская церковь с. Дмитриевка (обновленческая).
- ЦГА КР. Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 24. Денисов К. А. Беловодский мятеж.
- ЦГА КР. Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 44. Советская власть и гражданская война на севере и юге Киргизии.
- ЦГА КР. Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 115. Беловодский мятеж и копии переговоров с участниками Беловодского мятежа.
- ЦГА КР. Ф. 1631. – Оп. 2. – Д. 1-49. Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Кир. ССР.
- ЦГА КР. Ф. 2597. – Оп. 3. – Д. 1-13. Совет по делам религии при кабинете министров Кыргызстана. Приказы по личному составу и основной деятельности. 1945-1982 гг.
- ЦГА КР. Ф. 2597. – Оп. 2. – Д. 1-132. Совет по делам религии при кабинете министров Кыргызстана. Переписка, постановления, отчеты. 1945–1990 г.
- ЦГА КР. Ф. 2678. – Оп. 1. – Д. 7. Коллекция материалов по религиозным делам. Актуальные вопросы атеистического воспитания. (На материалах Киргизии): Темат. сб. // МВ и ССО Кирг. ССР, КГУ. – Ф., 1980.
- Говорят бывшие верующие / Сост. Б.И. Гальперин, И.М. Складар, Н.А. Величко. – Ф.: Кыргызстан, 1969.
- Документы свидетельствуют: О реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителей культа в Киргизии. (Сборник).- Ф.: Кыргызстан, 1970.
- Иванов И.И. Паутина: Кто такие истинно-православные христиане / Литературная запись С.С. Никитиной. – Липецк: Кн. Изд., 1962.
- Любко Е.А. Методом убеждения: Из опыта работы Калининского райкома партии. – Ф.: Кыргызстан, 1965.
- Почему мы отреклись от религии: Сб. ст. / Сост. Е. Ячник. – Ф.: Кыргызстан, 1964.
- Против религиозного обмана и мракобесия: Сб. материалов о реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителей культа в Киргизии. – Под ред. Г.П. Тетевина. – Ф.: Кыргызстан, 1970.
- Против суеверий и предрассудков: Метод. материалы в помощь пропаганде атеистической литературы. На рус. и кирг. яз. – Ф.: Мин. Культуры, 1972.
- Свет сильнее мрака. Рассказы бывших верующих о том, как они порвали с религией и стали атеистами. – Ф.: Киргосиздат, 1963.
- Тетевин Г.П. Партийное руководство атеистической работой: Опыт организации атеистической работы в Киргизии между XXII – XXIII съездами КПСС. – Ф.: Кыргызстан, 1967.
- Ярославский Ем. Шире фронт антирелигиозной пропаганды: Доклад Ем. Ярославского и выступление А. Стецкого на антирелигиозном совещании при ЦС СВБ 26-28 дек. 1937 года. – М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1938.

Справочная литература

Генкузен С.Х. Статистический обзор Ферганской области за 1914 год // Издание Феганского обл. стат. Комитета. – Скобелев, 1917. – IV.

Любимов П.П. Религия и вероисповедальный состав населения Азиатской России. – Петроград, 1914.

Пантусов Н.Н. Статистические сведения по Кульджинскому району // Озеро Иссык-Куль и его долина: Материалы для статистики туркестанского края. Ежегодник. – / Вып. IV. – 1876. – С.139-195.

Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего Синода 1721-1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879.

Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. – СПб б.: Изд. кодификац. отд. Гос. Совета, 1896. – Т. XI. – Ч. I.

Свод основных государственных законов // Свод законов Российской империи. – СПб б.: Изд. кодификац. отд. Гос. Совета, - 1892. – Т. I. – Ч. I.

Сумароков П. Собрание правил, законоположений и распоряжений святейшего Синода о церковно-приходских школах и школах грамоты. – Вятка: Тип. и хромолит. Маишева, 1899.

Схематическая история христианства. – СПб.: Высшая Религиозно-философская школа, 1994.

Церковные общества трезвости и подобные им церковные учреждения. – СПб б.: Синод. Тип. 1911.

Оглавление

От автора	4
I. ЕПАРХИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД	5
1.1. Краткий очерк истории Православной Церкви в Центральной Азии в средние века	5
1.2. История возникновения Туркестанской епархии в 60-70-е гг. 19 века	8
1.3. Цели и основные направления деятельности туркестанских епископов	12
<i>Организация системы управления епархией</i>	13
<i>Строительство храмов на территории Киргизии</i> ...	16
<i>Пополнение рядов духовенства</i>	25
1.4. Благотворительность и просвещение в Туркестанской епархии	33
<i>Благотворительная деятельность</i>	33
<i>Миссионерская деятельность</i>	36
<i>Духовное просвещение</i>	40
1.5. Иссык-Кульский Свято-Троицкий монастырь	47
II. ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ НА РУБЕЖЕ 19-20 ВЕКОВ	54
2.1. Приходская жизнь в имперский период	55
<i>Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1910 году</i>	55
<i>Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1916 году</i>	60
2.2. Приходская жизнь в послереволюционный период....	66
<i>Свято-Серафимовский храм г. Пишпек в 1918 году</i>	66
<i>Приход Свято-Серафимовского храма в 1919-1921 годах</i>	75

III. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КИРГИЗИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ	81
3.1. Проблемы существования Церкви в 1917-1930-х гг. ...	81
<i>Церковь и государство после революции</i>	81
<i>Уничтожение Среднеазиатской епархии</i>	90
<i>«Тайное православие»</i>	95
3.2. Православие в Киргизии в послевоенный период ...	97
<i>Церковная оттепель 40-х – 50-х годов</i>	97
<i>Восстановление Среднеазиатской епархии</i>	99
<i>Хрущевские гонения на Церковь</i>	102
3.4. Православная культура в независимом Киргизстане	107
<i>Политика правительства Республики Киргизстан по отношению к Православию</i>	107
<i>Проблемы возрождения православной культуры</i> ...	111
Заключение	118
Примечания	121
Приложение	133

Озмитель Е.Е.
Православие в Киргизии. XIX-XX вв.
Исторический очерк.

Подписано в печать 21.02.2003

Объем 11,5 п.л.

Тираж 300 экз.

ОсОО «Изопринт» т.:217-623